

ЕВГЕНИЯ ПОТАПОВА

Ведьма Агнета

Ведьмой стать нетрудно,
нужны лишь волк-сторож,
колдовское наследство
и дом в деревне

ЕВГЕНИЯ ПОТАПОВА

Ведьма Агнета

Ведьмой стать нетрудно,
нужны лишь волк-сторож,
колдовское наследство
и дом в деревне

Annotation

Когда все надоедает, и одни и те же события происходят постоянно, нужно что-то менять. Именно так и поступила Агнета, когда третий по счету муж от нее ушел. Перебралась в деревню, занялась хозяйством, завела коз, открыла новую страницу своей жизни. И все бы ничего да только странные дела начали твориться вокруг. То сосед ногу сломал, то загадочный волк появляется, то покойники во сне приходят – и все это якобы дело рук Агнеты. А тут еще и слух по деревне ходит, что она ведьма...

История о приключениях непростой городской женщины, с нотками мистики и легким слогом.

- [Евгения Потапова](#)

-
-
- [Как я дом посмотрела](#)
- [Не было бы счастья, да несчастье помогло](#)
- [Ночевка в своем-чужом доме](#)
- [Сюрприз в шкафу](#)
- [Еду в новую жизнь](#)
- [Страшный зверь коза](#)
- [Деревенские страдания по козам](#)
- [Бриллиантовая рука, вернее, нога](#)
- [Вот они какие, черти](#)
- [Когда любит только один](#)
- [Золото в подвале](#)
- [Странное кольцо и неприятные гости](#)
- [Предназначение во сне](#)
- [День в городе](#)
- [Мы вас не ждали, а вы приперлись](#)
- [Три девицы вечером](#)
- [Капризы взрослого мальчика](#)
- [Дым изгоняющий](#)
- [Попарился в баньке](#)

- [Порча](#)
 - [Тучи над головой](#)
 - [Собака злая](#)
 - [Популярная женщина](#)
 - [Странные посиделки](#)
 - [Не лезь](#)
 - [Мухи](#)
 - [Переменчивое настроение](#)
 - [Минус один](#)
 - [Огородные работы](#)
 - [Сама себе волшебница](#)
 - [Верни ложки](#)
 - [Туфлей по столу](#)
 - [Помощник в деле](#)
 - [Проша](#)
 - [Хорошие новости](#)
 - [Ночная гостья](#)
 - [Случайности не случайны](#)
 - [Огонь изгоняющий](#)
 - [Старушка-молодушка](#)
 - [Трубку курит бабушка моя](#)
 - [Нежданные гости](#)
 - [Старикан](#)
 - [Неприкаянная душа](#)
 - [Чудак-человек](#)
 - [Утренние процедуры](#)
 - [Не делай добра, не получишь зла](#)
 - [Рыбалка](#)
 - [Жирная точка](#)
-

Евгения Потапова

Ведьма Агнета

© Е.В. Потапова, текст, 2023

© Издательство АСТ, 2023

* * *

ЕВГЕНИЯ ПОТАПОВА

Ведьма Агнета

МОСКВА 2023
ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ

Как я дом посмотрела

Снова мне не хочется оставаться в доме, в его доме. Снова хочется уйти, взять шашку и разнести это подобие семьи по кирпичикам. Муж не пил несколько месяцев и вот снова сорвался. Если он начинает пить, то вскоре отправляется на поиски новой подруги жизни или, вернее, не для жизни, а для постельных утех. Вот только эти подруги об этом еще не знают и безоговорочно верят всей той лапше, что он им вешает по пьяной лавочке. Они начинают меня штурмовать в социальных сетях и требовать, чтобы я немедленно очистила помещение.

В этот раз ему попалась женщина с жилплощадью, тремя собаками, парой кошек, с двумя дипломами о высшем образовании и одним сыном предподросткового возраста. Он сообщил мне, что это его первая любовь, которая в молодости его не осчастливила своим телом, ибо была замужем. А теперь они встретились, и пламя страсти вновь вспыхнуло в чреслах, и его надо было немедленно погасить. Она все еще так прекрасна и свежа, и видит в нем все того же юнца, каким он был девятнадцать лет назад. Он купил бутылку водки, пару баклажек пива, сок и шоколадку и упорхнул к своей новой старой возлюбленной на все выходные, оставив меня одну рассматривать фото соперницы и удивляться, что же он в ней нашел.

Сначала я немного повыла и порыдала, ибо грусть меня одолела и хандра. Затем я обрадовалась, что два дня могу готовить только то, что нам с дочерью нравится, или не готовить вовсе, а доедать то, что осталось. Помыла за ним полы, чтобы дорога была у него без происшествий. Села шерстить разные ресурсы в поисках вариантов съема или покупки недорогого жилья, ибо такая тенденция стала напрягать. Не сказать, что у меня есть деньги на дом, но банки в нашей стране еще не перевелись.

Прокручивая ленту на одном небезызвестном сайте, наткнулась на объявление о продаже домика в небольшом селе в 40 километрах от города. В доме было всего сорок квадратов, свет, газ, вода, новые батареи и слив в выгребную яму. Также к нему прилагались пять соток огородных владений с сарайными постройками и туалет модели клозет. Стоило это чудо всего двести тысяч российских тугриков.

Владельцы апартаментов уверяли, что весь нехитрый скарб и мебель уйдет в пользу нового хозяина. Отлично, на первое время и хромой табуретке рад будешь.

Позвонила, договорилась о просмотре на завтра, в субботу, ибо сегодня пятница, и у хозяев другие планы, а весь следующий день у них был свободен. Мне объяснили, как добраться до поселка на общественном транспорте и дали адрес, клятвенно заверив, что обязательно подъедут к обговоренному времени. Хорошо, завтра так завтра, как говорил известный персонаж Винни-Пух, до пятницы я совершенно свободен.

Полночи не спала, ворочалась, перебирая различные варианты развития событий. Снова зашла на сайт, чтобы посмотреть домишко, и подбодрить себя в правильности выбора. Рисовала в голове различные картинки будущей счастливой жизни, насильно изгоняя из нее навязчивый образ загулявшего мужа. Под утро только уснула коротким, но ярким сном. Через пару часов проснулась, не сказать что бодрая, но наполненная до краев адреналином, который толкал на скорые свершения.

Поставила чайник, разбудила дочь, смастерила бутерброды для завтрака. Погода за окном не радовала, с утра моросил мелкий дождик, размазывая серый снег по черным лужам. Весна она такая – то дождь, то солнце, то заморозки. Ну что же, мне сегодня предстоит судьбоносный день, так что погода не станет препятствием для прорыва к намеченным целям.

Собрала свою дочь, и отправились к бабушке на пирожки с чаем. В четыре уезжает автобус с автостанции, так что и погостить успею и почаевничать с маман.

Немного поболтали, однако про проблемы с мужем не стала рассказывать, не стоит ей расстраиваться. Может, и наладится все, или я образумлюсь. Оставила Катюшку с бабушкой, а сама отправилась на автовокзал в предвкушении новой жизни и приобретения родового гнезда за смешные деньги.

Предварительно продавцу написала сообщение, что через час буду в поселке. Ответ пришел: «Ждем». Обрадовалась, заплатила сто двадцать рублей за билет, уселась в автобус, устроилась около окна и поехала в новую жизнь. Транспорт прибыл на нужную остановку через сорок минут. Думала, ехать придется дольше. Если что, подожду,

хотя погодка стояла нелетная, мерзкий дождик продолжал моросить. Заглянула в местный магазинчик, поинтересовалась, где улица Грибоедова. Продавщица вида «привет из СССР» смерила меня брезгливым взглядом, перевесилась через прилавок и оценила мою обувь. Она хмыкнула и махнула в неопределенную сторону рукой. Ну, что же, все прямо как написано в объявлении: приветливые соседи и добрые сельчане.

На улице Грибоедова асфальт кончился. Понятно, почему так скептически ко мне отнеслась тетка из продмага. На полях и в огородах еще лежал снег, на дорогах же это было просто месиво из грязи и снежной каши. Голова моя садовая, надо было резиновые сапоги надевать, а не коротенькие ботиночки. Но назад я уже не вернусь, так что придется скакать по этой каше в том, что есть. Нашла нужный мне домик. Ну да, не такой красивый, как на картинке, но забор вроде целый и крепкий, хоть на это тратиться не придется. Дернула калитку, а там закрыто. Постучала, подождала, никто мне не открыл, тишина, только дождик глухо стучит по крыше.

Звоню хозяину дома, а там ни ответа, ни привета, вот те здравствуйте, а где все. Еще раз набираю, длинные гудки, пишу в Вайбер, шлю сообщения, осталось еще письмецо написать, тишина в эфире. Ну вот, приехали. Опять тыкаюсь в калитку – заперто, и никто не отзывается. Дождь набирает обороты и уже не моросит, а просто каплет, надолго меня не хватит при такой погоде. Оглядываюсь туда-сюда, все, как продавец обещал, место тихое, соседей мало. На улице семь домов, три из них завалились. Ни с одной ни с другой стороны жилых построек нет, кругом пустыри да заброшенные развалюхи. Снова звоню, гудки идут уже короткие, и во всех мессенджерах меня в черный список занесли. Тихо матерюсь и иду на остановку. Автобус в город должен подойти в шесть часов, это мне почти час тут куковать.

Зашла снова в магазин, спросила, может, хозяйева дома ключи оставляли. Продавщица одарила меня таким взглядом, что можно было бы на него велосипед купить. Снова хмыкнула и брезгливо ответила, что она не справочное бюро и не бюро находок. Да, люди здесь однозначно добрые и отзывчивые, хотя по одному человеку все село не судят. Отправилась на остановку, постояла, подумала и вернулась к дому, может, владельцы дома у соседей каких ключи

оставили, и сообщить забыли. Я все еще верила в человеческую порядочность.

Прошла по улице, но нигде мне не открыли, то ли людей дома не было, то ли они чужим не открывают. Все прямо как в городе. Промокла практически насквозь, грела меня только одна мысль, что через полчаса подъедет автобус, и я укачу назад к своим баранам. Но в этот раз я снова не угадала: просидев сорок минут на остановке, автобуса я так и не дождалась. Позвонила в автовокзал, диспетчер мне сообщила, что транспорт по дороге сломался, и когда его наладят – неизвестно, в общем, не жди меня мама, заблудшего сына. В голове эхом прокатилась бардовская песня «Мать, мать, мать».

Ну что же, не все еще потеряно, буду вызывать такси. И тут меня ждало небезызвестное дерево фи́га, ну или жилище индейцев виг вам.

– В вашу сторону машин нет, – ответила мне диспетчер. – Поищите местного извозчика.

Да где же я его возьму-то, на улице ни души, даже собаки в будки попрятались в такую погоду. Одна я, неприкаянная душа, хожу-брожу по улицам. Вот тебе и купила домик в деревне. Позвонила мужу, а у него абонент не абонент. Понятное дело, любовь-морковь, телефон отключен, чтобы всякие не мешали. Что делать, ума не приложу.

Не было бы счастья, да несчастье помогло

Снова ткнулась в калитку в надежде, что, может, пока я бродила, появились хозяева. Но нет, снова дома нет никто. Ночевать на улице в такую погоду тот еще квест, да и не факт, что утром придет маршрутный автобус, ну может, частники появятся. Но где наша не пропадала, прорвемся.

Вспомнился мне тогда один случай из моей жизни, как меня первый супруг посреди ночи на улицу, на мороз в одних тапочках и ночной рубашке выставил. Дверь закрыл и сам спать лег спокойно. Надоела я ему, видите ли, в два часа ночи. Настучал мне по лицу предварительно. И вот стою я тогда вся такая красивая, реву, и снегом слезы вытираю, чтобы на морде лица синяков не осталось. До соседей не достучалась, да и стыдно мне тогда было: хороших жен на улицу не выгоняют, значит, сама виновата. Ни денег, ни мобильного телефона, ничего. Ночевала я тогда у соседей в холодной бане, благо у них там старые куртки висели. Завернулась и сидела на лавке, пока совсем замерзать не начала. Три часа, оказывается, можно на адреналине в холоде просидеть, и все жарко будет. Потом снова к дому пошла, стучала во все окна, звонила. Не открыл. Дверь дергала и ломилась, до тех пор, пока щеколда не разболталась и не отошла. Тогда-то я домой и попала.

Ну а здесь, думаю, выход-то найдется. Отошла от домика оглядеться, справа дом заброшенный, уже почти в землю ушел, и крыша обвалилась, и стены покосились, лезть в такой – только калечиться. Слева дом тоже пустой, окна заколоченные, но крыша вроде еще на месте, но кто его знает, что там с полами, провалишься и ноги переломаешь. Напротив дом стоит, темно в окнах, но вроде жилой, забор глухой, высокий. Может, в дальней комнате кто есть, а мне с улицы и не видно. Стучусь в калитку, звоню, в звонок, кричу, прошу мне открыть, но все как в той песне «Крикну, а в ответ – тишина». Грустно мне стало, тоскливо, слезы на глаза навернулись, замерзла, как последняя собака, зуб на зуб не попадает. Привалилась я к чужой калитке, локоток на ручку поставила и стою реву себе. Вот

сейчас проревусь и полезу в чужом заборе брешь искать, придется по чужим владениям пройти на свой страх и риск.

Но тут калитка под моим натиском-то и поддалась, видно, ручка там интересной конструкции. Ввалилась я в чужой двор. Эх, думаю, сейчас как выскочит, как выпрыгнет на меня псина зубастая и покусает еще для полного счастья. Сама иду, по сторонам озираюсь и боюсь. Дошла до ступенек, поднялась, и к двери, а там такой хороший амбарный замок висит. Плюхнулась я на лавку рядом с домом, хорошо хоть навес сверху, не течет на голову, и сижу дальше думаю, куда пойти, куда податься. Темно уже, сумерки, видно плохо. С правой стороны вроде банька с летней кухней, да сараюшки, надо, наверное, туда двигаться. Тут на перила прыгает огромный рыжий кот, я таких только на картинке в интернете видела, что-то типа мейн-куна. Встает этот красавец на задние лапки и сбивает откуда-то сверху связку ключей. Падают они аккурат мне под ноги. И хрипло так мне говорит: «Мау», дескать, чего сидишь, бери ключи, идем домой.

Ключи подобрала, а в голове вертится, какая там статья-то за проникновение в чужое жилище и сколько там за это все сроку дают. Эх, была не была, может, штрафом отделаюсь, а может, так обойдусь, если хозяева дома люди понятливые. Не люблю я эти навесные замки, вечно их открывать сложно, то ключ застрекает, то потянуть надо определенным образом, но этот открылся на удивление легко. Однако оказалось, что там еще на пару внутренних замков заперто, и эти я открыла быстро. Ввалилась в дом, на всякий случай поздоровалась, вдруг кого заперли. Тихо, только в какой-то комнате часы настенные тикают. Тепло, значит, живет кто-то, отапливает. Как же мне стыдно да неудобно и страшно.

Свет включила, будь что будет. Я вся насквозь промокла: и куртка, и джинсы, и обувь, все мокрое, как говорится, до трусов. Стащила с себя куртку, положила на пол, потом поищу куда повесить, так, чтобы ничего не намочить, ботинки грязные сняла, в уголок поставила. Заглянула в ближайшее помещение слева. Там оказалась кухня. Свет включила, огляделась. Просторная кухня, все, как у всех: стол, диванчик в углу, шкафчики кухонные, плита, раковина и отключенный холодильник с открытыми дверцами. На столе лежат какие-то бумажки, краем глаза глянула – объявления о продаже дома. Наверно,

и этот дом продается. Сполоснула чайник, налила воды из-под крана и поставила на плиту греться.

Стащила с себя мокрые джинсы и колготки. Представила: вот заходят хозяева к себе домой, а тут у них на кухне баба сидит без штанов, и так мне смешно стало, вот о чем люди-то подумают. Набрала номер, что был написан в объявлении, абонент есть и в Вайбере, и в Ватсапе, и сейчас в сети. Пишу: «Добрый день, вы дом в Октябрьском продаете по улице Грибоедова?». Пока жду ответа, ищу в сумке гольфы. Порадовалась, что привычка у меня есть такая – носки всегда в запасе держать. Телефон пиликнул: «Добрый вечер, да, еще продаю. А вы откуда узнали, продавщица сказала в магазине?». Ну да, ну да, та самая добрая женщина. Пока общались с продавцом, я нашла полотенце, чтобы голову мокрую после дождя вытереть. Потом все возьму.

Как мне продавец объяснил, дом после бабушки, квадратов восемьдесят, а то может, и более, точно он не помнит. Газ, вода, септик, все удобства, огородные и садовые владения соток двадцать, баня, летняя кухня, сараюшки всякие, ну и куры в придачу. За все хозяйство просит триста пятьдесят тысяч рублей. Странно как-то, за такой же дом в соседнем селе в два раза больше цена. Объяснил он это тем, что, дескать, деньги срочно нужны, да и разбирать все барахло и выбрасывать ему некогда. Потом добавил, что он сейчас на вахте, и если я подожду, то по такой стоимости он мне все и продаст. Спрашиваю, как же мне дом посмотреть. Приздумался хлопец минут на пять, потом объяснил, как калитку открыть, где ключи висят. Предложил этот месяц пожить за квартплату, вроде как и ему за домом присмотр, ну, и я не передумаю – сплошная выгода.

С чистой душой и спокойной совестью пошла я свои новые владения осматривать, хоть и не купила еще, а душа уже радуется. Обошлось ведь, не простыть бы еще после таких прогулок. А тут и сообщение приходит от продавцов того маленького домика: «Вы еще не передумали?». Ребята, вы серьезно думаете, что после такого я буду у вас что-то брать. Затрезвонил телефон, набрала я в легкие побольше воздуха, да и занесла их в черный список, нехай дальше продают свой дом эти добрые и ответственные люди.

Ночевка в своем-чужом доме

Верх рубашки тоже промок, если долго в такой одежде ходить, то и простыть можно. Ну что же, посмотрим, что там есть в чужих шкафах. С одной стороны, носить чьи-то вещи не очень, а с другой – не до жиру, быть бы живу. Напротив кухни оказался зал, метров двадцать, не меньше. Комнату украшала печь в виде колонны с изразцами, красота невероятная. Потрогала плитку, глазурь выпирала под пальцами. Рядом лежала аккуратно сложенная поленница из нескольких чурбачков. Переоденусь, затоплю обязательно.

На стене висел яркий красный ковер, привет из восьмидесятых годов. Рядом стоял новый угловой диван. Между двух окон – круглый стол с вишневой бархатной скатертью. Вокруг него хоровод из венских стульев. Всю левую стену от пола до потолка занимал самодельный деревянный шкаф, разделенный на секции: шифоньер, сервант и книжный шкаф. Раньше такое называли мебельной стенкой. В углу примостилась тумбочка с телевизором «Шарп». Открыла дверцы шифоньера, все полки были забиты бельем: простыни, комплекты постельного, полотенца и т. д. Все новое, с этикетками и в упаковке. Жалко стало бабушку, которая все это собирала и не пользовалась, берегла кому-то, а достанется все чужому человеку. Надо будет хозяину дома о находке написать, может, что-то заберет.

Вытащила упаковку с розовым махровым халатом – как раз то, что нужно. На этикетке написано по-русски: «Произведено в Китае». Эх, какое качество раньше было, не то, что сейчас. Оторвала бирки, встряхнула, постирать бы, ну да что теперь делать, поморщилась и натянула так. «Мау» услышала я у своих ног. Кот смотрел на меня вопросительно.

– Дружочек, чем же я тебя накормлю? В сумке карамельки и ириски есть, но ты же их не будешь. Сама голодная, надо было у мамы хоть пирожков прихватить. Может, тебе водички налить?

Кот недовольно фыркнул и ушел из комнаты. На кухне закипел чайник. Животинка-то права, надо бы что-нибудь перекусить. В пустом холодильнике стояла закатанная банка с каким-то вареньем.

Пошарилась в шкафчике: полпачки макарон, стакан манки, мука в мешочке, гречка в пол-литровой банке, одна треть бутылки постного масла, немного риса и пшенки. В корзинке лежал сморщенный картофель, пара морковок и две луковки. Небогатый урожай, но лучше, чем ничего.

– Давай-ка мы с тобой, дружок, макароны с луком и морковкой сделаем?

– Мау, – ответил мне котяра и потрогал лапкой мою ногу.

Повернулась к нему – рядом со мной лежала мышь. На, дескать, угощайся, ничего для тебя не жалко, ешь, если сама поймать ничего не можешь.

– Спасибо, мой хороший, не могу я от тебя такие угощения принимать, сам кушай свою мышку, – погладила его по головке.

Кот повел ушами и утащил свою добычу в коридор. Нашла сковородку, поставила ее на огонь, налила масла. Бросила туда нарезанный лук и морковку, слегка потушила и насыпала горсть макарон. Залила водой и прикрыла крышкой. Можно теперь и почаевничать, горячий чай просто необходим при переохлаждении. В верхнем шкафу нашла початую пачку с цейлонским чаем и пакетики с травками. Все перенюхала: смородиновый лист, мята перечная и Melissa, дикая мята и вишневый лист, душица и лимонник, плоды шиповника, жасмин, иван-чай. Любила бабушка чай с травками пить. Заваривать в заварнике не стала, бросила так в чашку щепотку черного и по несколько листиков разных травок и прикрыла блюдцем.

Пока готовится и заваривается, надо проверить, где же тут находятся «все удобства в доме». В конце коридора обнаружила заветную дверь. Помещение большое, новый пристрой. Туалет отгорожен, душевая кабина, раковина, стиральная машинка и добротный газовый котел. Все условия для проживания. Красота, одним словом.

По дороге на кухню заглянула в другие комнаты. Соседняя с санузлом привела меня в некое замешательство. Четыре двухъярусные кровати, старенький шифоньер, стол у окна и кресло-кровать около входа. Странно как-то, может, к бабушке столько родственников приезжало, что и разместить места не было. Рядом с залом маленький кабинет с книжными шкафами, диванчиком

и столом. Напротив спальни бывшей хозяйки: ковер на стене, кровать-односпалка, шифоньеры, комод и швейная машинка.

Пока осматривала новые владения, приготовился мой незамысловатый ужин. Часть макарон насыпала коту в блюдце, тот для приличия съел пару штук и сел на соседнюю табуретку умываться. Ну да ладно, ночью может, стрескает. Написала продавцу про текстильные сокровища. Отписался, что не надо ему ничего из этого дома, если фотографии найду, то он их заберет. Ну, хозяин – барин, не надо так не надо.

Затопила печку, оказалось, что дверца из огнепрочного стекла и можно на пламя смотреть сквозь него. Выключила свет, прилегла на диван, натянула на себя лежащий тут плед и, видно, задремала. Только вижу, в дверях женщина стоит:

– Ну что, родная, вернулась? Ты не бойся меня, я хозяйкой в этом доме была пятьдесят лет, а теперь этот дом твой. Там книги, тетради, записи мои, пользуйся, много всякого для помощи людям, сама потом найдешь, разберешься. Делай все по совести, как тебе сердце подсказывает, и если что, меня спрашивай, я найду, как тебе подсказку оставить. Прошенька тебе помощником хорошим будет, ты его не обижай. Ну и охрану для дома я тебе оставила.

Погладила она меня по руке и ушла в коридор. Вскочила я с дивана, а рядом нет никого, только Прошенька похрапывает в ногах. Вот так сон приснился на новом месте. Мысли в голову полезли про мужа, про дочь, про переезд. Отогнала все прочь, думать буду завтра, а пока спать, вон там какое снотворное посапывает сладко.

Утром проснулась от того, что кто-то меня за нос трогает. Глаза открыла – «мау», и убежал в коридор, начал там в дверь скрестись, выпусти меня, дескать, погулять. Открыла ему и не выдержала, сама вышла. Воздух такой после дождя чистый, пахнет весной, за ночь снег хорошо просел. Смотрю, а по дорожке какой-то здоровенный гражданин к калитке идет и в руках лопату тащит, наверно, мою.

– А ну, стоять, лопату положи, – скомандовала я.

– Это моя лопата, я Семеновне давал, – пробасил гражданин не гражданской наружности.

– Врешь, – крикнула я ему и кинулась в дом обувнапяливать, сунула ноги в чьи-то галоши и рванула за воров вслед.

А он уже за калиткой скрылся. Выскакиваю на улицу, а товарищ около заброшенного дома ничком лежит, и его огромная собака за ворот куртки треплет.

– А-а-а, убери своего волкодава, – заорал товарищ.

Посмотрела я внимательно на пса, да не собака это, а волк, и ноги у меня как-то ватными стали. Тот голову поднял и смотрит на меня желтыми глазами, развернулся и потрусил в наши бескрайние степи. Подошла к гражданину, наклонилась, а от него перегаром разит на всю деревню. Подняла лопату и собралась уже домой идти. Разворачиваюсь, а тут «Нива» подъезжает, выскакивает из нее товарищ полицейсер в форме да теплом тулупе.

– Васька, чего это ты тут уже с утра пораньше буянишь? Разлегся посреди улицы.

– Я к Семеновне за своей лопатой зашел, а тут эта на меня псину свою натравила. Что же это, люди добрые, делается, посреди бела дня на человекoв собак спускают. Я жаловаться буду, напишу, куда следует.

– Васька, да у тебя отродясь лопаты не было. Возьмись за ум, мать пожалей. – Я участковый местный, Александр Павлович Сидоров. А вы Семеновны родственница или новая хозяйка? – обратился полицейский ко мне.

– Хозяйка новая, Агнета, – представилась я, – пойду я, а то холодно.

– Вы калитку и дом запирайте, а то у нас тут ходят всякие, – покосился Александр на местного забулдыгу.

– У-у-у ведьма, зажала лопату, – насупившись, сказал мне Васька, пытаюсь встать с земли. – Я из-за тебя весь в грязи извалялся, и встать никак не могу.

– Пить будешь, вообще забудешь, как ходить, – ответила я ему и отправилась в дом, помахав напоследок участковому рукой.

Ну вот и познакомилась с местной достопримечательностью, хорошо хоть участковый у меня документов не стал спрашивать. Хотя видок у меня был вполне домашний: розовый махровый халат, полосатые гольфы да резиновые галоши и лопата в руках, хорошо хоть не метла.

Завтрак надо себе организовать, продавец говорил, что с домом мне еще и куры достаются, надо поискать, где тот самый курятник. Заперла калитку, лопату поставила около дома и пошла по еле видной

тропке за сараюшки. Курятник я обнаружила по звуку. Открыла дверь, и закрыла. Сколько там не убиралось, неизвестно. Снова открыла, набрала в легкие воздух и зашла, практически не дыша. Сейчас бы маску на нос медицинскую. По курятнику деловито расхаживали пять разномастных курочек,дохлой птицы я не обнаружила. Для них была установлена автоматическая кормушка и поилка, так что от голода и жажды они не страдали, а вот с чистотой была беда. Переоденусь и почищу, а пока меня интересовали только яйца. Нашла около десятка, думаю, там больше было, но глаза щипало от ароматов. Взяла столько, сколько в руках уместилось, и отправилась готовить.

В воскресенье автобус уезжал из деревни в десять утра и в шесть вечера. Пока только девять, надо решить, утром ехать в город или вечером.

Сюрприз в шкафу

Остатки вчерашних макарон залила яйцами, завтрак вредный, зато вкусный. Решила все же воспользоваться заварочным чайником, грех такие замечательные травки в чашке бултыхать. Полезла в шкафчик искать чайничек, оттуда выпала тоненькая школьная тетрадка в клетку. Такие еще по двенадцать копеек продавались. Завернута она в целлофановую самодельную обложку, название «Как вести дом».

Любопытно стало, что же там написано. На первой странице приветствие будущей хозяйке дома, ну а дальше вклеена инструкция к газовому котлу с пометками на полях. Написано, что делать, если не так зашумит, не так загудит, телефон мастера указан. Даны инструкции к стиральной машине и холодильнику с телефонами мастеров. Описания куриных поилок и автоматической кормушки. Много таких мелочей, которые могут в быту пригодиться, например, когда чистили дымоход в печке, когда баню строили, сколько пустых банок в подполе и тому подобное. Как-то тепло было от этих записей.

Но, как говорится, война войной, а обед, то есть завтрак, по расписанию. Угостила кота Прохора макаронками и отправилась чистить курятник. До автобуса еще сорок минут, авось управлюсь за полчаса. А вот и не угадала, мы же люди городские, с какой стороны подходить к этому процессу, чтобы быстрее было, неизвестно. И ботинки все изгваздала, калоши надо было натягивать, да и куртка вся провоняла. Выскочила я из курятника через пятнадцать минут, это вот додуматься надо было – лезть в нормальной одежде и без подготовки. Сидели хохлатые гражданки несколько недель в своем добре, вот и за один день с ними ничего не случится.

Вернулась в дом, привела себя в порядок, ботинки помыла, почистила и вся такая красавишна по грязи пошлепала на остановку. Пришла без пяти десять, никого нет и автобуса нет. Потопталась десять минут и направилась в магазин. Вчерашняя продавщица подкрашивала губы, смотрясь в маленькое зеркальце от старой пудреницы.

– Утро доброе. А вы не знаете, автобус сегодня будет? – поинтересовалась у нее.

– Доброе, доброе. Утром не будет, только вечером. Сегодня Колькина смена, а он вечно по выходным «ломается», – хихикнула продавщица, пошлепав губами, чтобы помада лучше размазалась. – А ты дождалась своих с улицы Грибоедова?

– Не-а.

– Где ж ты ночевала? – охнула продавщица.

– Я других нашла на Грибоедова.

– У Семеновны, что ли?

– Ну да.

– И не страшно было?

– Нет, – помотала я головой.

– Меня Марина зовут, – представилась женщина. – Тебе в город надо срочно?

– Меня – Агнета. Да не так уж и срочно, но вечером нужно уехать.

– Вечером Колька точно выйдет в рейс, студенты поедут на учебу, кто в гости приезжал – домой, да на работу многим надо, – успокоила она меня.

Ну, значит, надо кое-каких продуктов прикупить, не сидеть же голодной весь день. Спросила про хлеб, она мотнула головой, сказала, что хлеб по воскресеньям не привозят, пекарня частная, выходной у них в этот день.

– На другой стороне деревни еще один продуктовый есть, может, там хлеб остался. У нас тут есть хозяйственный магазин, детский сад с начальной школой, клуб и ФАП. У тебя детки есть?

– Да, дочка.

– Учится? У нас средняя школа в другом поселке, но школьный автобус за ними каждый день приезжает.

– На удаленке.

И тут продавщица пустилась в пространные рассуждения о ситуации в стране. Я покивала головой в знак солидарности, купила лоток куриных бедер и пачку печенья, решила капитальные закупки сделать в следующий приезд.

– Ты к ней в подпол загляни, старуха запасливая была, там и картошка должна быть, и закутки всякие, – крикнула мне Марина вслед.

Я поблагодарила и отправилась в свой новый дом. Не такая уж и плохая эта Марина. Хотя лучше с местными жителями ухо держать

востро, как, впрочем, и с городскими, везде хитромудрые найдутся. Я лезла по грязи и мечтала о резиновых сапогах, как бы они мне сейчасгодились.

Зашла в дом, слышу грохот в зале. Скинула ботинки и в комнату нырнула, а там вижу: верхние антресоли у шкафа открыты, и пакет на полу с чем-то валяется. Заглянула и ахнула – сапоги резиновые, новые, да еще и мой размер, да с внутренним мягким сапожком. Сказка, да и только. Теперь можно и курятник почистить, и по грязи пройти. А вы говорите, нет в жизни счастья, а счастье-то в мелочах: в теплом доме, в целой крыше над головой, во вкусном чае, в сытости, в здоровье близких. Вроде это и вещиизмом назвать можно, мешанством, но счастье-то от названия не меняется.

Вот как интересно одна ночь все изменила, проблемы с мужем отступили на второй план. Все мысли теперь о доме, что прикупить надо, где ремонт сделать, что на огороде посадить, как все добро, нажитое непосильным трудом, перевезти. Комнату эту странную разобрать.

До вечера еще времени много, надо бы полы помыть везде. В ванной видела ведро с тряпкой и шваброй. Вооружилась всем необходимым инвентарем, насыпала пару ложек соли в воду и принялась все намывать. Начала с той странной комнаты с нарами. Как туда заходишь, так мурашки по коже бегут, и волосы на голове шевелиться начинают. Вот как будто там кто-то или что-то есть. Надо будет потом со свечкой все углы обойти, нечистую силу с пауками погонять. Только об этом подумала, хлопнула дверца шкафа, и белье постельное так целым пластом и вывалилось. Видно, неудачно сложили, вот оно и посыпалось.

Стала убирать, а на полу маленький сверточек валяется, из бумаги белой и тряпочки сделанный, да вроде бечевкой перевязанный. Пригляделась повнимательней, не бечевка это, а веревка, из человеческих волос сплетенная. Мне аж дурно стало, а перед глазами картинка пронеслась, как какая-то женщина эту гадость под белье сует. Оглядывается, суетится, понимает, что гадкое дело творит, но продолжает пакостить. Под нос шепчет что-то. На кровати вроде как её муж лежит, от кашля задыхается. Не смогла, видно, бабулька помочь, а тетка решила отомстить. Как только таких гадин земля носит.

Руками такое брать нельзя. Рядом с печкой газетки лежали для растопки, вот ими и воспользуюсь. Потом эту гадость надо вынести на улицу и спалить, в доме сжигать не следует, да в собственном дворе тоже. Подцепила на газетку подклад, кинула в карман спички и понесла на зады. До курятника дошла, а тут и кончилась тропинка, дальше и не чистили, а что там под талым снегом лежит – неизвестно. Как-то в детстве у бабушки я в навозную яму по пояс провалилась. Повторять эксперимент не хотелось. Придется мне гадость эту около заброшенных домов на основной улице сжигать. Хоть бы никто не увидел, а то подумают всякое и в спину плевать будут, или того хуже – дом подпалят, скажут – ведьма приехала.

Перешла через дорогу, пролезла по талым сугробам, хорошо в новых-то резиновых сапогах, лепота. А вот тут кусок кирпичный от стены отвалился, на нем костер и разведу. Сложила газетку с «прелестью» на импровизированный стол и подожгла. Дымит, трещит, а гореть не хочет, и газетки вроде сухие, должно было хорошо разгореться. Сама головой верчу, хоть бы никого не было на дороге. Еще несколько спичек зажженных кинула, подула, считалочку спела «Гори, гори ясно, чтобы не погасло». Как вдруг оно полыхнет, за минуту все и спалила. А теперь это все нужно прикопать, зло должно в землю уйти. Лопату-то с собой и не взяла, эх. Придется подручными средствами.

Слышу, тархтит что-то по дороге, близко уже, в дом не успею убежать. Может, мимо проедут, ну подумают всякое, ну и ладно, сгорело же уже. Поравнялась со мной знакомая «Нива», притормозила. Выскакивает оттуда добрый молодец участковый.

– Агнета, все у вас в порядке? – и заглядывает мне за спину.

– Да вот, крысу в бане нашла. В интернете прочитала, что они могут быть переносчиками мышинной лихорадки и чумы, решила сжечь на улице. А то вдруг у меня кот жареную тушку съест и заболеет, – лучше показаться глупой, чем прослыть той самой нехорошей женщиной с метлой.

– Ну что вы, можно было и в банной печке сжечь, а не тащиться к заброшенному дому. Тут битых кирпичей столько, что можно и ногу подвернуть, а то и на гвоздь ржавый напороться. Идемте, я вас до дому

провожу, – протянул он мне руку, участливо заглядывая в лицо, мол, убогая, что с нее взять.

Не успела закопать, но может, дождь пойдет, все смоеет, да и в землю уйдет, или сама попозже с лопатой вый-ду. К калитке уже подошли, повернулась попрощаться, а там тот самый волк пепел в снег закапывает. Видно, это и есть мой помощник и охранник, про которого бабушка говорила.

Еду в новую жизнь

Воду после уборки той комнаты поменяла, на улицу вылила, здесь же не город, канализация – септик, да и «добро» всякое нужно в землю отправлять. Остальная уборка дома прошла без проблем, больше сюрпризов не находила, но не факт, что их там нет. Потом все матрасы в той комнате переверну, все перетрясу, да сожгу их для порядка. Как вот бабушка всех подряд в свой дом пускала, ведь люди всякие, кто с добром идет, а кто и зло несет или сам зло в чистом виде. Видно, на то была воля высших сил.

Добралась я и до несчастного курятника. Все вычистила, свежей соломки несущкам постелила, воду в поилке поменяла. Яиц собрала целую корзинку, надеюсь, тухлых там нет, надо будет каждый раз перед готовкой проверять. Пока убиралась, курочки мои по загончику ходили на улице, солнцу радовались, травку искали. Проша на штакетнике сидел, за ними и за мной зорко наблюдал, но на птицу не посягал.

Так в трудах и заботах дело к обеду подошло. Поджарила себе куриное бедро и отварила гречки. Положила все в тарелку и пошла есть на лавку перед домом да любоваться на свой пробуждающийся сад. Работы тут, конечно, предстоит немерено, но видно было, что за деревьями ухаживали, и нет здесь таких зарослей, как в заброшенных дворах. Рядом уселся кот, жмурился на солнышке, умывался и периодически на меня лапку складывал, чтобы я с ним курочкой поделилась. Мне и не жалко, ешь, дружок.

Тихо здесь, не так, как в городе, нет шума машин, так, иногда, раз в полчаса протарахтит какая-нибудь. Птички щебечут, где-то петух орет, собака иногда взбреднет залиvisto. Лепота. Доела, вкусно-то как, и деревенский воздух как приправа. За чаем сходила, еще полчаса посидела. Дом внутри видела, а вот снаружи и не осматривала. Полезла по сугробам кругом здание осмотреть. Низ каменный, а вот первый этаж весь из дерева сложен, бревна потемнели от времени, но ни одного гнилого нет, бревнышко к бревнышку, и щелей нигде не заметила. В таком доме зимой тепло, а летом прохладно. Для нашего региона такой дом – дорогое удовольствие.

В подпол в этот день решила не лезть, одной страшно, мало ли какая там лестница, упадешь и на помощь позвать некому. Да и пока нет надобности. Во дворе еще погребку заметила, запасов можно теперь много делать. В огороде теплица стоит самодельная, из старых оконных рам сделанная. Можно рассады прикупить и поставить туда, или же на следующей неделе самой все посеять сразу там. Когда-то у меня была легкая рука, да и в огороде нравилось возиться. Утром встанешь, а уже полная грядка огурцов, маленькие, хорошенькие, так в рот и просятся или в банку на засолку. Помоешь, друг об друга два огурчика потрешь, и сидишь с дочкой, хрустишь, а они сладкие и пахнут так вкусно. Эх, огурцов так захотелось. Посажу в этом году обязательно, и кабачки, и помидоры, и еще что-нибудь.

Беспокоил еще один насущный вопрос, который нужно было решить до отъезда в город, – это интернет. Наша с дочерью учеба и работа была завязана на этой Всемирной паутине. На телефоне летал отлично, но через него работать не будешь. Поинтересовалась у продавца, как обстоят дела с интернетом. Через пять минут пришел ответ, что где-то в доме стоит роутер от одного российского телефонного провайдера и там все оплачено на три месяца вперед. Настроение и так было отличным, а здесь еще такие приятные новости, не жизнь, а сказка. Действительно в маленьком кабинете обнаружила небольшую коробочку на настенной полке. Проверила при помощи мобильного, все функционирует.

Продавец написал, что бабулька была активной пользовательницей интернета, находила там всякие современные штучки для улучшения ведения хозяйства, с кем-то общалась и много читала. Молодец какая, пользовалась всеми благами современной цивилизации. Он снова спросил, не передумала ли я брать дом, ну как тут можно отказаться. Не выдержала, поинтересовалась, почему так дешево, хотя о таких вещах спрашивать не рекомендуется, а вдруг цену накинет или скажет, что такая корова нужна самому.

Ответа долго не было, я уж думала, что и не будет, ну мало ли, человек ведь на работе, да и вообще. Потом пришло целое письмо: «Во-первых, покупателей я не искал, некогда было, повесил объявление на сайте, а его все время модераторы снимали. Если честно, цена была на 150 тысяч больше. Звонили только риелторы. Один раз ездил знакомым дом показывал, но там какая-то чертовщина

началась, мы так до него и не добрались. Сначала застряли, затем сломались. Во-вторых, мне все бабушка снилась, умоляла, чтобы не продавал, а потом и угрожать начала всеми карами.

В-третьих, жена жить в деревне не хочет, у нее работа, подруги, родители, вся ее жизнь в городе. Ну, а в-четвертых, нужны деньги, хочу быстрее ипотеку погасить, чтобы не тянула. А вот тут вы свалились, накануне бабушка приснилась, сказала, придет покупательница, дом продавай за 350 тысяч, и я от тебя отстану. В эту ночь хоть спал спокойно, вымотала она меня». Ну и замечательно, у меня камень с души свалился, неприятно думать, что человека обманываешь, вроде как он и не знает, сколько это стоит. Да и боязно, с одной стороны, дешево брать, вдруг там какие-то скрытые огрехи. А так все ясно и понятно.

Стрелки часов неумолимо подходили к заветному времени, надо было собираться ехать в город. Перекусила остатками гречки да чаем с печеньем. Взяла десяток яиц для мамы и пошла на остановку. Там уже собрался народ, человек десять, тетки с баулами, пара студентов, какая-то бабулька и два крепеньких мужичка в возрасте. Местные или неместные, кто его знает. Особо никого не разглядывала, некогда было, подошел полупустой автобус, и мы всей толпой загрузились в него. Свободные места остались только сзади, но мы же не гордые, и на колесе можем посидеть. Ехала и все думала, как я своим скажу, что дом покупаю, что в деревню решила перебраться, а что муж скажет, что мама. Да ну их, они живут своей жизнью и моим мнением не интересуются. Пока никому ничего говорить не буду.

В городе пересела на другой автобус и доехала до мамы. Оставила ей яйца, предупредив, чтобы перед готовкой проверяла, мол, соседка по акции где-то купила, со мной поделилась. Забрала дочь, и мы поехали в городскую квартиру. По дороге поделилась с ней, что жить теперь будем в деревне в большом доме. Не особо она и расстроилась, говорит, все равно никуда не выхожу, а тут хоть на велике можно спокойно гонять и на речке купаться.

Дома собака разнесла половину квартиры, валялась на диване и кроватях, перетаскала всю обувь на кресло, стянула одежду с сушилки, напакостила на кухне. В общем, развлекалась, как могла. Радостно и виновато нас встречала. Не голодная, я ей в миске воду и корм сухой оставила. Извинилась перед своей собачкой, не знала, что

ночевать домой не приду. Маруся вилляла хвостиком и ластилась. Ей тоже рассказала, что скоро жить она будет в большом доме, вот только не знаю, как на нее Проша среагирует, не будут ли они с ней драться.

Вечером перебирала одежду, вещи. Как много хлама скопилось за эти годы совместной жизни, как много надо выбросить и раздать. Опять редела, жаль расставаться с прошлым, но и жить так уже немогуту. Пришло сообщение от мужа: «Ты завтра дома будешь? Я приеду за вещами». Ну вот и все, кончилась вся моя семейная жизнь. Вытерла слезы с соплями, и пошла на помойку всякий хлам выбрасывать.

Утром потратила два часа на работу, сделала минимальный объем, заполнила товарные карточки для интернет-магазина. Приготовила обед, собрались с дочерью есть, а тут и муж заявился. Его за стол позвала, не стоит выяснять отношения, ведь каждый из нас уже все решил. За обедом болтали ни о чем, о погоде, о его работе, о дочкиной учебе. После еды он зашел в спальню, увидел собранные пакеты.

– А ты куда собралась? Я же говорил, что ты жить можешь здесь, столько, сколько захочешь, – сердито сказал муж.

– Я дом сняла в деревне, уеду на весну-лето туда, а там дальше видно будет.

– А квартира, значит, пустая стоять будет. Почем опиум для народа? Задаток уже отдала? – он был явно недоволен.

– За квартплату да за присмотр. Дешевле, чем тут за квартиру платить.

– Ой, а ты прям так и платила, я сам это делал и дальше бы платил. Я тебя не гоню, чего еще тебе надо, в сытости да в тепле. Может, я еще передумаю там жить.

– А ты про душу-то мою подумал, не единым бутербродом жив человек.

– Тебе, может, помочь переехать? Все собрала? – поинтересовался он ехидно.

– Весенние, летние вещи взяла, заберу мультиварку и хлебопечку. За зимним потом приеду. Собаку с собой возьму.

– Собаку оставь, она моя.

– Вот нужна она твоей пассии, там у нее своей живности хватает.

– Ладно. Ты там продукты оставшиеся забери. Все равно тут никого не будет, чего добру пропадать. И помоги мне, пожалуйста,

собраться, – сменил он гнев на милость.

Ну что же, помогу, коли не шутишь. Сняла с сушилки мятые рубашки и майки, сложила в сумку, там мадам сама погладит, чистое, да и ладно. Показала, где носки лежат и джинсы. Мыльно-рыльные принадлежности ему принесла. Собрала болезного.

Пошла сама до конца собираться. Покидала в пакет заморозку, пару банок с вареньем, да кое-какую крупу и рожки в целой упаковке, а все начатое ему оставила. Он в это время наши с дочерью вещи грузил в машину. Спросил про мебель, буду я что-нибудь забирать или нет. У дочери в комнате целый гарнитур, но ставить его пока некуда. Как с ремонтом разберусь, так и заберу. А ему ответила, что сейчас брать ничего не буду.

Загрузились мы в машину и поехали в новую жизнь, на новое место.

Страшный зверь коза

До деревни мы доехали без приключений. С одной стороны я жалела, что поддалась первому порыву и согласилась на предложение помощи мужа, а с другой стороны, пусть помогает, не развалится. Подъехали к дому.

– Эта, что ли, твоя развалюшка? – ткнул пальцем муж в соседский домик.

– Нет, этот дом, – кивнула я на свое новое жилище.

– Ого, забор хороший. Давай глянем, что там за калиткой. А то, может, я сам захочу такой домик прикупить. У тебя нет денег на такое, – хохотнул он.

Вот как дам тебе сейчас пакетом с заморозкой по ушам, чтобы не зазнавался. Вот никогда не понимала мужиков: живут они с женщиной год, два, десятки лет. Вроде хорошо живут, все им нравится, бывают иногда разногласия, ну куда без этого. А тут – бац, играй, гормон пришел, и они начинают ненавидеть всеми фибрами души свою экс-супругу, к которой еще месяц назад испытывали теплые чувств. Что это за безобразие? Ну, оставайся ты человеком, приди, повинись, объяснись, забери свои манатки и иди уже в свою лучшую жизнь. Нет, надо вылить ушат грязи на бывшую, разругаться в пух и прах с ней, чтобы ни шагу назад, уж чтобы наверняка.

Перетаскали все вещи в дом. Муж по-хозяйски обошел все владения. Собака радостно пробежалась по комнатам, обнюхала Прощу, который обалдел от такой бесцеремонности.

– Хороший дом, мне нравится. Телефончик хозяина не дашь?

– Не дам. Он продавать его будет только через полгода, когда в наследство вступит.

– Жаль, а то подумал, что никак продать не может, вот и квартирантов пускает, а тут вот такая оказия. Ну, я могу и полгода подождать, – криво усмехнулся некогда благоверный.

Он вдруг развернул меня к себе, заглянул в глаза.

– Агнет, не злись на меня, прощу. Ну, вот так получилось, я сам не ожидал от себя такого, думал, интрижка очередная, а тут вот, видно, все серьезно.

– Машину жалко стало? – поинтересовалась я.

– Да, жалко. Ты как злиться начинаешь, так она ломается и все в доме ломается, и на работе у меня компы ломаются. Знаешь, сколько я денег в ремонт авто вкладываю? Я бы их лучше тебе отдал, – выдал он.

– Ну, дай, – я усмехнулась и протянула руку ладошкой вверх ему под нос.

– Сейчас, – полез он в карман и достал мобильник, – все, получите, распишитесь.

На мой телефон пришло сообщение, смотреть баланс при нем не стала.

– Коварная ты женщина, Агнета, второй муж от тебя мешком картошки откупался, а с меня денег требуешь.

– А первый здоровьем и зрением, так что деньгами – это по-божески.

– Все это предрассудки, бабкины сказки. Хотя мне Оля сказала, что ты ведьма.

– Ты десять лет со мной прожил и не знаешь, какая я, и Олю эту слушаешь? Уходи, давай, тебя ждут в другом месте.

– Не обижайся на меня, Агнета, я зарплату получу и еще тебе немного денег скину на карту, – заискивающе ответил он.

Проводила гражданина до калитки, закрыла. На душе скребли кошки. В дом зашла и давай рыдать: ну за что же мне это, что же мне все за мужики какие-то попадают.

– Мамочка, ну не плачь, смотри какая ты у меня хорошая и красивая. Найдешь ты себе еще кого-нибудь, – кинулась мне на шею утешительница дочка, стала вытирать мои слезы. Собака положила мордочку мне на коленки и тяжело вздохнула, а кот пристроился рядом у ног.

– Ой, не надо мне больше никого, тем более кого-нибудь. И вообще, бог любит троицу, хватит мне уже быть приложением к мужу, надо и для нас с тобой пожить, – вытерла я слезы и посмотрела в личико своей Катюшке.

– Мам, а чего мы есть будем? Ого, сколько яиц. Ты магазин, что ли ограбила? – переключилась дочь.

– Курятник я ограбила. У нас с тобой теперь куры имеются. Вот яйца с тобой есть и будем. Ты не против яичницы?

– Кто против? Я против? Да я всегда за! – рассмеялась Катюшка.

– Ну вот и ладненько, идем хоромы смотреть.

Мы с ней пошли разглядывать комнаты. Глянула в сообщение: «Перевод 3000 р от Сергея Владимировича». Да уж, ну с бешеной собаки хоть шерсти клок.

Комната с нарами ребенку не понравилась, а вот спальня бывшей хозяйки пришлась по вкусу.

– Мам, а можно здесь моя спальня будет?

– Сегодня в ней ночевать будешь?

– Нет, кровать надо убрать, а то мне все кажется, что спит на ней кто-то.

– Давай завтра уборкой и разбором шкафов займемся. А сегодня мы будем праздновать. Сейчас я в магазин сбегаю, торт нам и конфет куплю. Пожарим праздничную яичницу, поьем праздничный чай и поедем праздничного торта, – настроение стало улучшаться.

Дочь все ходила по комнатам и то восхищалась, то удивлялась. Изразцовая печь привела ее в полный восторг, а ванная с туалетом удивила своими размерами.

– Мам, я на кур хочу посмотреть, – подошла ко мне Катюшка.

– Ну, натягивай галоши и пошли, на улице грязь и слякоть.

Собаку решили пока не выпускать из дома, мало ли что. Она у нас комнатная и к большим просторам не привыкшая, да и деревенские псы могли ее легко задрать.

– Фу, калоши, я ботинки надену на каблучках, – пропела дочь.

– Ага, и испортишь свои ботиночки и посмотришь, как хорошо в грязюку каблук проваливается. Натягивай тогда мои резиновые сапоги, и пошли. Два часа еще до заката, курочек из сараюшки выпустим, пусть они погуляют, воздухом подышат.

Выпустили наших хохлаток погулять, такие птички пригожие, такие деловые, ходят по загончику, что-то ищут, квохчут так сердито. Заглянула в курятник, а там, мама дорогая, это не птицы, это какой-то завод по переработке добра на помет. Но как говорится, глаза боятся, а руки делают, и не так уж и много они тут напачкали, зато принесли еще три яичка за сутки. Дочь вертела головой во все стороны.

– А это что? А это что? – тыкала она пальчиком в разные сараюшки.

– Да я почему знаю, не ходила я еще туда.

– Мам, а там что за домик с окнами?

– Кухня, наверно, летняя, да баня к ней пристроена. Снег до конца сойдет, и туда ходим, посмотрим.

– Мы с тобой теперь домовладелицы, – сделала заключение Катюшка.

– Ну, я пока этот дом не купила.

– Не беда. Мы же его купим?

– Купим, купим. Пойду я за тортиком.

Вернулись в дом. Я переобулась в свои новые резиновые сапоги, взяла денег и отправилась в ближайший магазинчик. Марина была занята с другими покупателями и мне только коротко кивнула. Кремовый торт брать не стала, больно уж большой по весу, взяла вафельный и триста граммов шоколадных конфет. Забрала последнюю буханку. Хлеб высокий, ароматный, корочка такая хрустящая, так и просится, чтобы от нее откусили кусочек. Эх, натереть бы сейчас краюшку чесночком, да сала кусочек положить, лепота. Не выдержала, откусила от хлеба, вкусно, как в детстве. Донести бы до дома, не слопать половину.

Зашла в избу, зову дочь, чтобы покупки забрала.

– Мам, ты представляешь, тут интернет есть, – вышла ко мне с телефоном в руках. – Ты чего, совсем оголодала, половину хлеба обгрызла?

– Ничего ты не понимаешь, это же так вкусно, понюхай, как пахнет, – сунула ей буханку в нос.

– Ага, – она хихикнула и забрала все у меня из рук.

Пиликнул телефон, пришло сообщение от старого заказчика: «Привет, нужно две статьи по две тысячи знаков, на тему полов, вот список ключевых слов. Смогешь до завтра?». «Привет, смогешь, завтра утром будет», – отправила ему ответ. Ну вот и работы чуток привалило, жизнь-то налаживается.

Ужинали с дочерью с шутками да прибаутками, смеялись и дурачились. Поймала себя на мысли, что и без него можно жить, даже вот очень хорошо жить. Вечером у Кати уроки, сериалы, мультики, рисование акварельными маркерами анимешек, а у меня работа – статьи. Такой дом большой, а сидим в одной комнате, и никто никому не мешает. На улице уже темно стало, снова дождь полил.

Решили с дочей печь затопить. Зашуршал огонь, заплясал, начал жадно пожирать газетные листы, постепенно и бревна занялись ало-желтым пламенем. Затрещали наши чурбачки, заискрились. Прикрыла я дверцу от греха подальше, на огонь можно и через стекло смотреть.

Собрались спать укладываться. Катюшка заартачилась, говорит, спать буду вместе с тобой в этой комнате, диван большой, разложим и уместимся. Предложила ей кресло-кровать прикатить из той странной комнаты. Не захотела, уперлась: с тобой и все тут, боюсь, говорит, по дому ходит кто-то. Ну, кто ходит, нет никого, может, Проша или Маруська пробежали, а может, и крыса какая или мышка. Изба старая, половицы скрипят, стены ухают, есть такое у возрастных зданий. Да ладно, не ругаться же еще и с дочерью. Так и проспали вместе: я, дочь, котейка в ногах, да Маруська около дивана.

Как светать начало, так и проснулась, выпалась. Решила на рассвет посмотреть, оделась да вышла потихонечку. Глянула кругом и охнула – началось утро в колхозе. За ночь почти весь снег стаял, да дождиком сдобрило все кругом. Весь двор в воде, да не просто небольшие лужи, а прямо так хорошо, первые две ступеньки под водой. Надо траншеею рыть, чтобы поток на улицу вывести. Взяла лопату и пошла копать. Вот и посмотрела рассвет. Вышла за калитку, рою отвод, пыхчу себе под нос, не привыкшая к такому труду.

– Здравствуйте, – услышала я где-то сбоку бодрый молодой голос.

Я чуть с перепуга лопату не уронила.

– Ох ты ж, здравствуйте, что же вы меня так пугаете, – ответила я.

Передо мной стояла молодая женщина лет 30–35 в стареньком пуховике и в резиновых обрезанных сапожках. Рядом с ней переминались две козы и безучастно взирали на окружающую действительность. На одной из коз висела вьючная сумка, как у ослика.

– Меня Оля зовут. Я вот вам козочек привела. Мне Петя вчера написал, что в доме новая хозяйка, велел коз отдать.

– Не надо мне коз, оставьте их себе, – испуганно сказала я.

– Я вот их уже подоила, тут молоко в двухлитровой бутылке, творог козий в пакете и сливки от наших коровок, – говоря все это, она вытаскивала из сумки по очереди продукты и совала мне в руки.

– Не умею я их доить, да и ухаживать за ними надо.

– Да что там доить, поставили ведерочко и так аккуратно пальцами вниз провели, раз-раз. Смотрите только, чтобы в молоко шарики не сыпались, а то потом пахнуть будет.

Одна коза, видно, устала ждать, боднула калитку и вошла, за ней последовала другая. Их сопровождал Проша, который не давал этим животным залезть в сад, а подбадривающе лупил их лапой. Вот ведь умный какой кот.

– У нас тут ферма неподалеку, – махнула она в сторону виднеющегося за дорогой длинного здания. – Держим коров, уток, индюшек, кур, бройлера на мясо выращиваем. Если продукция какая понадобится, то приходите, не стесняйтесь. Если работа нужна, то нам всегда работники требуются. Правда, труд тяжелый, кормить, убирать, во время забоя тушки ощипывать и потрошить. Платим, не обижаем. Сливки вот вам принесла на пробу, взамен козьего молока. Дети утром у меня половину выпили, что я надоила.

– Давайте я вам денег за сливки отдам, – я стала рыться в кармане.

– Нет, что вы, мы и так вашим козьим молоком несколько недель питались. Считайте, это пробник наших сливок. Вас же Агнета зовут?

– Да.

– Агнета, а вы тем же занимаетесь, чем Семеновна занималась?

– А чем она занималась?

– Ну, лечила там, на ферму к нам заходила, – смутилась Ольга.

– Нет, животных я не лечу, да и людей тоже.

– Как жаль. Бабушка мазь для коров делала, мы же их аппаратами доим, чтобы кожа не трескалась, ей и мазали. Никаких болячек у них не было. У меня вот одна банка только осталась, так это же мало для десяти коров, – она покачала сокрушенно головой.

– Ну, а купить? Вон продают всякие «Буренки».

– Да что вы, бабушкина мазь ни в какое сравнение не идет с промышленными. Я вот и руки свои ей мажу и летом пятки, вообще ничего не трескается.

– Ой, да что же это за чудо такое, хоть бы увидеть, понюхать.

– А у меня с собой есть, я чуть-чуть переложила в баночку из-под крема, – и женщина ротянула мне банку с мазью.

Открыла, понюхала, запах такой знакомый и цвет. Пальчик туда сунула, растерла немного, попробовала на язык, точно – оно самое.

Такую мазь себе от болей в коленях делала, где-то и рецепт у меня сохранился. Оля на меня внимательно смотрела.

– Сделаете? Я заплачу, хотите деньгами, а хотите бартером. Если нужны какие ингредиенты, то скажите, я все достану.

– Бабушка рецепт на мазь не давала?

– Давала, вот только не получилось у меня, да и рецепт я потом потеряла.

– Это стоить будет не сто рублей, – предупредила фермершу.

– Да знаю, но и дойная корова тоже не копейки стоит. Два бройлера и килограмм сливочного масла за пол-литровую банку хватит? – Ольга сделала предложение, от которого сложно было отказаться.

– Я попробую.

– Договорились. Вот, возьмите мой номер телефона, – она сунула мне бумажку в карман куртки. – Спасибо вам.

– И вам спасибо. Оля, а бабушка когда умерла?

– Да вот недавно, через полторы недели сорок дней будет. Да вы не переживайте, она Пете дом давно подарила. Все говорила, чтобы после ее смерти он с наследными делами не возился.

Мы попрощались, она махнула мне рукой и пошла в сторону фермы. Я же отправилась с гостинцами домой. Вода потихоньку покидала двор по вырытой мной траншейке, выходит, не зря трудилась. Проша загнал коз в сарайчик рядом с курятником и деловито умывался на пороге дома. Что же мне делать с этими животными?

Деревенские страдания по козам

В голове моей опилки, не беда, и вот чего мне с этими козами делать, это же ответственность какая. Надо было вернуть их назад Ольге, а не ушами хлопать, когда их Проша по двору в сарайчик гнал. Дожилась, такие решения уже за меня кот принимает.

– Мамуль, а ты чего так рано встала? – из комнаты вышла заспанная дочь и кулачками терла глаза. – Ой, а что это у тебя?

Она протянула ко мне руки и забрала бутылки с молоком и сливками, и пакет с творогом.

– Ты уже с утра пораньше на ферму сбегала? М-м-м, какое молоко вкусное, – дочь налила себе в стаканчик молока.

– Катюша, у нас теперь есть козы, – с тяжелым вздохом сказала я.

– Это какие такие козы? Зачем нам козы? Нам не надо коз, я не люблю козье молоко.

– Ты его сейчас пьешь.

– Да ладно. Почему оно такое вкусное? Я пила у крестной, оно пахло плохо и привкус неприятный имело, – удивилась дочь.

– Надо доить уметь, ну и чтобы чистое вымя было. А ей, видно, продавала молоко нечистоплотная хозяйка.

Рассказала дочери про утренний визит и про «босяцкий подгон» от хозяина дома. Надо будет его поблагодарить за коз, и спросить, могу ли я их вернуть Ольге.

– Мамуль, а чем мы будем завтракать, ни колбаски, ни сыра нет? Есть нечего.

Я аж задохнулась от возмущения.

– Как это нечего есть, вот творог, вот сливки, варенье есть, смешай все и будет тебе вкусный творожок, лучше магазинных. Хлеб со сливками, омлет можно соорудить, яичницу, яйца отварить, кашу манную сварить. И вообще, дорогая моя, придется пока отказаться от магазинных колбасок и сыров, а также от конфет.

– Экономить будем? Умрем от белкового голодания. Сладкое полезно для мозгов.

– Да, будем. От голода мы с тобой не умрем, тем более от недостатка белка. Посмотри, сколько его в яйцах, молоке, твороге.

Недостаток сладкого можешь восполнить за счет варенья, все полезней. Деньги нужны на покупку дома. Не говорю, что будем экономить на еде, но я голосую за разумное потребление, ничего лишнего и вредного в рационе.

– И на мясе экономить будем? – скептически поинтересовалась дочь.

– Нам с тобой той заморозки, что я из городской квартиры забрала, на пару недель хватит. А если я еще мазь приготовлю, то мы с тобой до конца месяца будем разные всякие блюда из деревенской курочки готовить.

Дочь вроде успокоилась и пошла умываться и переодеваться в домашнее. Ну что же, пора нам позавтракать, попробуем, что там за творог из козьего молока. Поставила чайник, перелила сливки из пол-литровой бутылки в баночку, а то потом застынут и неудобно будет их из узкого горлышка доставать. Мужественно отправила половину чайной ложки творога в рот – вкусный, не такой, конечно, как от коровы, но вкусно. Хотя когда я последний раз настоящий творог ела, уже и не припомню. В детстве бабушка делала творожную намазку с укропом и чесночком, надо будет попробовать и самой такое соорудить.

Внутри прямо все зудело, так хотелось приступить к поиску рецепта и ингредиентов для прополисной мази. Но сначала куры, козы, затем основная работа, а потом уже и все остальное. Прямо вот и нет времени погоревать о развалившейся семье – все по минутам расписано. Неправильная я какая-то, не горюю да не рыдаю.

Пошла свое хозяйство проверять. Выпустила курочек в загончик погулять, проверила наличие воды и зерна у пеструшек – всего достаточно. Заглянула в сараюшку к козочкам, как они там устроились. Оказывается, это не просто сарай был, а самый настоящий козлятник с небольшим загонем, высоким настилом, лавками и кормушками, очень светлое помещение. Конечно, ведь бабушка держала коз, значит, и помещение для них специально построено было.

Что же едят козы? Наверно, сено и чужое белье, я где-то в книжке читала, как эти животные слопали соседское исподнее. В курятнике видела большой стог сена или как это правильно называется, не знаю. Нашла вилы и пошла за едой для скотинки. Зацепила сено вилами и... совершенно верно, все это оказалось у меня на голове, на лице,

в глазах, за шиворотом, везде, где можно, только не там, где надо. Но врагу не сдаётся наш гордый «Варяг», мы не ищем легких путей. Нагребла в какой-то таз сена и потащила своим новым подопечным. Воды им принесла, выпускать их на улицу не решилась, там мокро, слякотно. С чистой совестью и со спокойной душой отправилась в дом работать работу.

По дороге вытряхивала соломинки из одежды и волос. Ну ничего, справлюсь, не коровы же завелись, а маленькие козочки. Надо про уход за ними в интернете почитать, а вечером попробую подоить, что-то как-то скептически к этому занятию я отношусь. Зашла в дом. Тут мне навстречу доча выплывает с тетрадкой в руках.

– Мам, а мы когда с тобой вещи по шкафам разложим, или они так и будут в пакетах на полу валяться?

Прям не ребенок, а совесть ходячая какая-то. Поработала, называется, но дочь права. Ладно, начну свои карточки заполнять на час позже. Хорошо, хоть вчера вечером статьи отправила заказчику. Надо, кстати, глянуть, заплатил он мне или нет, и от основного работодателя сегодня должна зарплата прийти. Еще надо решить, в каком банке кредит брать, у меня ведь только на половину дома деньги есть.

Зашли в хозяйскую спальню. Открываю шкаф, а он пустой. Неужели мне померещилось, дверцу закрыла и открыла снова, точно пусто. Петр вроде говорил, что он вещи бабушкины не разбирает, а тут совершенно ничего нет, только на самой верхней полке белье постельное да вешалки пустые. Нет так нет, баба с возу, кобыле легче. Вытерли полки от пыли, протерли стенки и загрузили свои вещички. Второй же шифоньер в отличие от первого был забит, но все, что там было, – это только новые вещи: пальто в пакетах, платья, костюмы, юбки и блузки, даже шуба мутоновая висела. Все это имело стойкий запах нафталина. Целый шкаф неношеного доб-ра, которое никто никогда не носил и берёт до лучших времен. Ладно, потом разберусь, куда чего.

Тут затрезвонил телефон, звонила мама.

– Ты куда пропала? – разговор начался с претензий. – Не звонишь, не пишешь. Почему сегодня не приехала? У меня хлеб кончился.

– Я была у тебя в субботу и в воскресенье, сегодня только вторник. Сходи сама за хлебом.

– Ты же прекрасно знаешь, мне тяжело, у меня сломана нога, и рука не работает, – все слова сквозили вселенской обидой.

– Мама, ногу ты сломала больше года назад, и руку тогда же. Все уже давно зажило и срослось, имей совесть. У тебя магазин на первом этаже твоего дома, начни уже сама выходить хотя бы за хлебом. Не ехать же мне с одного конца города на другой, чтобы купить тебе булку.

– Какая ты все же, Агнета, черствая, я тебе всю свою жизнь посвятила, а ты. Из-за тебя я буду сидеть голодная.

– Попроси соседей, люди все равно в магазин ходят, не откажут тебе в одной буханке. А я в пятницу приеду и куплю тебе все продукты. Ты яйца съела, тухлых не было?

– Только два съела. Все, давай до пятницы, мне тяжело с тобой разговаривать, – недовольно проговорила мама и бросила трубку, не дав мне с ней попрощаться.

Ну вот опять я дочь плохая, хорошо, что не стала ей говорить, что съехала от мужа и перебралась в деревню, а то устроила бы мне истерику.

Наконец я добралась до ноута и углубилась в мир товарных карточек, фотографий и графического редактора для обработки фоток. Интернет тут работал исправно, не тормозил и не лагал. Два раза пиликнул телефон, пришли деньги за статьи и пятнадцать тысяч зарплата. Теперь об этом можно и не беспокоиться. Надо еще научиться строить свою жизнь по-другому, рассчитывать только на себя.

На обед я приготовила плов с куриными запчастями. Получился целый казан. Эх, сколько мы теперь его есть будем, не умею я мало готовить. Часа в четыре закончила работать с карточками. Теперь по плану у меня была мазь для Ольги. Рецепт нашла быстро, рассчитала количество ингредиентов на пол-литровую банку. Теперь дело за малым, найти все составляющие. Если бабушка такое варила, то у нее должны были быть эти продукты, вот только где это все лежит. Обшарила всю кухню, ничего не нашла. Поискала в кабинете, и там пусто. Слышу, в коридоре кот скребется, стоит так и сосредоточенно полы роет. Вот ведь негодник, только с улицы, а уже пакостить в доме собрался. Подошла к нему с целью великих люлей надавать за неполитическое поведение. Пригляделась, а он крышку в полу

скребет, дескать, смотри, чего нашел, там могут быть мыши и то, что тебе надо.

Позвала Катюшку, вручила ей телефон, сказала, если что, звони дяде Сереже или новой знакомой Ольге. В коридоре нашла выключатель, который отвечает за свет в подвале, включила и полезла в подпол. На удивление, лестница оказалась приличной и целой. Спустилась и очутилась в небольшом коридорчике, из которого вело несколько дверей. Как-то не по себе стало, почему-то вспомнились фильмы ужасов с их подвалами и маньяками, ну, как говорится, волков бояться, в лес не ходить. Одним глазком гляну, что почем, да и вылезу. Вместе со мной спустился Прошенька. Маруся заглядывала сверху и тихонько тьякала, дескать, вылезай, хозяйка, там темно и страшно.

Щелкнула выключателем у одной из комнат, толкнула дверь, там оказалась кладовка с разными вареньями и соленьями, с ящиками для картошки и других овощей. Кстати, там еще довольно много было продуктов. Эх, балда, не взяла с собой ведра, хоть бы картошки набрала, да кто же знал. Ладно, потом вернусь, никто же не съест запасы без нас. В соседней клетушке стоял работающий высокий морозильник, да стеллаж с какими-то свертками, и стеллаж с пустой тарой: банками, ящиками, коробками. Заглянула в морозилку, вот это да, это же целая сокровищница: ящик с мясом, ящик с рыбой, ящик с ягодой, ящик с овощами. А дочь еще переживала, что мы голодать будем. Почему Петр продукты отсюда не забрал, неизвестно, а если бы электричество выключили или сам агрегат сломался, запах был бы непередаваемый. Развернула один из свертков, обрадовалась, воск нашла, только вот он какой-то странный, ковырнула – сыр. Забрала его с собой.

Слышу, Проша орет своим хриплым голосом в одной из комнат. Открыла дверь, свет включила и ахнула, настоящая лаборатория. Вот где бабушка свои настойки и мази делала и хранила. Тут и электронные весы, которые все до миллиграмма показывают, и вытяжка, и различные пузырьки, и мешочки, и плитка, и посуда для мазей, и даже специальная машинка для изготовления восковых свечей. Лепота. Нашла воск, прополис, в пятилитровке – подсолнечное масло. Здесь варить или на кухню подняться? От прополиса и воска всегда пахнет хорошо, можно и наверху зельевареньем заняться. Взяла небольшой ящик в соседней комнате, загрузила все необходимые

ингредиенты, посуду и оборудование и отправилась творить волшебную мазь.

Написала сообщение Петру с благодарностью за коз, сообщила о полном морозильнике и кладовой в подвале. Вручила дочери головку сыра и ушла в кухню «колдовать». Соорудила на плите водяную баню, все взвесила, отмерила и измельчила. Есть некоторые нюансы при изготовлении этой мази, поэтому решила взять немного больше ингредиентов, чем планировалось получить готового продукта. Но прошло все, как по маслу, хоть и пришлось повозиться. За полтора часа управилась, получилось полторы пол-литровые баночки. Самый интересный процесс – это отмывание посуды, поэтому для таких дел лучше завести отдельную кастрюльку, терку, ножи и ложки.

Так время подошло к ужину. Много особо готовить не стали, сотворили гренки с яйцами и бутерброды с найденным сыром. Он был изумительный, слегка терпкий, с небольшой остринкой, столько лет на земле живу, а ничего подобного не ела. Спасибо тебе, бабулечка, за такую заботу о незнакомом тебе человеке. Вот неудобно мне как-то перед Петром, может, бабушка хотела, чтобы внук лакомился ее сырами. Только об этом подумала, как пришел ответ от хозяина дома, дескать, не волнуйтесь и пользуйтесь всем со спокойной совестью. Не буду ему больше надоедать со своими находками, а то передумает еще продавать.

С маленьким пластиковым ведром и дрожью в коленях отправилась доить коз. Взяла еще бутылку с теплой водой, чтобы помыть вымя, бабушка корову держала и всегда перед дойкой мыла. Здесь, правда, не корова, но, думаю, лишним не будет. Перед дойкой пересмотрела кучу роликов, как правильно это делать. Боялась, что они меня или забодают, или запинают. В качестве душевной поддержки со мной пошел Проша, доча отказалась, сказала, что она коз боится, но будет держать за меня кулачки, чтобы у меня все получилось. Зашла в козлятник, а коза уже на лавке стоит, ждет. Помыла ей вымя и ведро для дойки поставила, и как-то сразу ничего у меня не получилось, видно, слабый захват, боялась животинке больно сделать. А потом сдавила сильнее, и молоко полилось, раз-раз, туговато, пальцы-то не привыкшие к таким усилиям. Надоила с одной козы половину ведерка и с другой столько же. Подсыпала им свежего

сена и пошла с гордо поднятой головой домой хвастаться, какая я молодец.

Пришла, процедила через марлю молоко, перелила в кастрюлю и смотрю на него с ужасом, куда же его теперь девать. Это сегодня вечером четыре литра плюс стакан молока, и завтра утром столько же и вечером еще будет. Нам же столько не надо. Что же с ним делать-то? Ну, творог можно, а сливки из него, интересно, делают, а кефир? Сыр вот точно готовят. Кипятить надо или не надо. Читала, что йогурт из него вкусный получается, только вот закваски нет. Сколько вопросов, пойду гуглить, а пока накрою крышкой и поставлю в холодильник.

Бриллиантовая рука, вернее, нога

Вечером с дочей смотрели сериальчики, те самые, что мне муж не давал посмотреть, потому что они, по его мнению, скучные. Перед сном решила просто почитать всякое разное в интернете, истории и рассказы. Не заметила, как задремала. Воздух, что ли, на меня так действует, или хозяйственные работы. Проснулась от того, что кто-то в звонок наяривает, и в калитку тарабанит, глянула на часы – почти двенадцать ночи. Дочь тихонько сидит за столом, рисует, в наушниках, ничего не слышит. Марусяка заливается, лает, бегаёт туда-сюда по коридору, забегает в зал, смотрит на меня, словно говорит, ну, чего ты сидишь, не слышишь, что ли, кто-то пришел. Тут и Катюшка вынула один наушник из уха и стала наблюдать за собакой.

Кого могло принести в такое позднее время, неизвестно. Мои, кроме мужа, не знают, что я в деревню перебралась, а он бы так просто не приехал, предварительно написал или позвонил. Соседей ближайших нет, только два дома жилых в конце улицы, но я с ними еще не познакомилась. Явно они бы не полезли ко мне за помощью, нашли бы кого знакомого. Из деревенских знаю только Олю с фермы, участкового, Марину из магазина и забулдыгу Ваську, может, это его нелегкая принесла денег за занимать на опохмел. Открывать в такое время боязно, но с той стороны непрошенный гость не унимался, а все продолжал трезвонить. Надо на такой случай ружжо какое завести, буду, как в американских боевиках, с дробовиком выходить к незнакомцам.

Любопытство пересилило здравый смысл, и я пошла смотреть, кого же принесло в столь поздний час. Приоткрыла дверь и крикнула в темноту: «Кто там?» Ответа не услышала, так как Марусяка бросилась вперед, выбила дверь у меня из рук и полетела с оглушительным лаем пугать непрошенных гостей. Через забор увидела, что за калиткой стоит какая-то машина, фары горят. К ночи подморозило, и моя звезда собачья, распластав лапы, на своих когтях, как на коньках, со всей силы въехала в калитку, взвизгнула и замолчала. Маруся грустно зашкандыляла домой в сопровождении Проши.

– Агнета, это я, ваш участковый Александр Павлович Сидоров.

– И какого лешего вас, Александр Павлович, принесло в столь поздний час? Вы на часы-то, любезный, смотрели, а? – не спускаясь с крыльца, поинтересовалась я у позднего гостя.

– Там Васька ногу сломал.

– А я при чем? Я ему ноги не ломала и я его с того раза вообще больше не видела. У вас, кажется ФАП в поселке есть, будите фельдшера и тащите гражданина тунейдца туда или везите в больничку в ближайший областной центр, – крикнула я ему через весь двор, вот не было у меня никакого желания калитку открывать и разговаривать с глазу на глаз.

– Его мать вызвала меня и хочет на вас, Агнета, написать заявление за порчу здоровья.

– Что? С какого такого перепуга?

– Васька три дня не пил после того, как вы ему пожелали всякого. А тут сорвался, побежал, бутылочку купил, чтобы поправить здоровье, отхлебнул глоток, ну и упал, сломал ногу. Говорит, что это вы на него порчу навели.

– Подморозило, скользко, при чем тут я, – удивилась я.

Меня такое зло взяло – вот они пить будут, ноги ломать, а виновата буду я. Вот как сейчас устрою всем разгон и построю на место, будут еще мое доброе имя порочить. Зашла в дом, Катюшке сказала, чтобы диван разбирала и спать ложилась, меня не ждала. Натянула джинсы, накинула куртку и вышла на улицу. Дверь дома заперла на ключ и калитку тоже. Участковый топтался около машины. На другой стороне улицы заметила силуэт волка.

– Вы меня уж, Агнета, извините, не знаю, что меня понесло к вам, глупости это все. Но ведь она же напишет, а потом придется мне за это все перед начальством отчитываться.

– Поехали, – плюхнулась я к нему на переднее сиденье. – Но сначала к фельдшеру заедем, пусть вашего болезного посмотрит.

– Не поедет она к нему, он ее в прошлом году в грязь толкнул, когда она к больному шла, и обозвал ее по-всякому.

– Все равно поехали.

Подъехали к небольшому домику, в одной из комнат горел свет.

– Не спит еще, – сделал вывод участковый и постучал в окошко: – Алевтина Максимовна, откройте, это я, Александр, ваш участковый.

Через пару минут дверь приоткрылась, в проем высунулась женская голова.

– Саша, чего так поздно? Что случилось, кто заболел? Родителям плохо или с сыном чего?

– С ними все нормально. Васька Мирошниченко, кажется, ногу сломал.

– Да пошел он, твой Васька, знаешь куда... вот туда он и пошел. У меня в прошлом году артрит обострился, я еле ходила, а эта сволота толкнул меня в грязь, еще и обматерил, сказал, что я коряга старая и мне давно на погост пора. Сломал, так ему и надо. Вези его в обл. больницу, а я даже пальцем ради него не пошевелю. Хочешь дам тебе гипсовые бинты, сам ему намотай, как хочешь. А это кто с тобой?

– Это Агнета, новая хозяйка дома Семеновны.

– Вместо Семеновны? Лечить его будешь? Крапивы ему под гипс насовай, чтобы жизнь медом не казалась. Подождите, сейчас бинты принесу.

Фельдшер скрылась за дверью, а я вернулась в теплую машину. Сидела и думала, что за порыв у меня был ехать куда-то в такое время. Нужно мне это одобрение неизвестных мне людей, зачем мне все это? Женщина отдала Александру бинты, и он сел в машину. Только я открыла рот сказать ему, чтобы он вез меня домой, как участковый вскрикнул:

– Вы видели, там волк, видели? – тарасил он глаза на дорогу.

Волка я видела еще тогда, когда мы ехали к фельдшеру. Он трусил за машиной, стараясь не попадать в свет фар. И сейчас я прекрасно различала его фигуру при луне, но говорить об этом не хотела.

– Какой волк, Александр? Вы когда последний раз спали нормально? Вам мерещится, поехали уже.

Минуты через три подъехали к маленькому низенькому домику. Оттуда выскочила пожилая растрепанная женщина и кинулась на меня с кулаками и бранью.

– Теть Маша, успокойтесь уже, – схватил ее за запястье участковый. – Идемте уже, вашего Ваську Агнета посмотрит.

Зашли в дом и тут женщину прорвало.

– Ах ты такая, ах ты сякая, ты моего сыночку обидела, он из-за тебя ногу сломал. Кто тебя в нашу деревню звал? Откуда ты взялась такая?

– Кто звал, того уж в живых нет. А вы бы не на меня с кулаками кидались, а сыну своему навалили, чтобы он не пил. И вообще, с какого такого перепуга вы меня во всем вините? Это я его родила? Это я его таким воспитала? Это я покрываю его перед другими людьми и считаю, что он дитя неразумное, ни в чем не виноват, а все кругом его обижают?

Женщина поджала губы и отвернулась, вытерла ладонью глаза.

– Там он, – кивнула на дверь в комнату.

– Зря вы так, Агнета, – покачал головой участковый.

Э-э, нет, родной, не хватит, никто не смеет Агнету обижать и поклеп зазря на нее наводить, за это я могу и нос с ушами пооткусывать. В комнате болезный лежал на деревянной продавленной односпальной кровати, рядом на тумбочке стояла початая бутылка чего-то мутного и неприятного. В воздухе витал запах плесени, старого дома, немытого тела, перегара и сивушных масел.

– Убери это, – ткнула пальцем в бутылку, почему-то она вызвала во мне приступ тихой ярости.

– Ах ты ж ведьма, приперлась, чувствуешь за собой грех? – начал Васек.

– Василий, – укоризненно начал Александр.

– Я тебе сейчас эту ногу до конца доломаю, а потом вторую начну крошить, – зашипела я, приблизив свое лицо прямо к его небритой харе. – Если ты сейчас же свою помойку не прикроешь.

– А-а-а, – только и смог испуганно произнести забулдыга.

– А ну на стол, живо, и штаны снимай, – скомандовала я. – Не буду я тебя смотреть в скрюченном состоянии.

Тот, стащил грязные джинсы и сполз с кровати, поковылял к стоявшему посреди комнаты длинному столу.

– Я тут не умещусь, – капризно сказал Васька.

– Живо.

Он забрался на стол, верхняя часть туловища свисали над полом. Его мать подставила ему под шею стул со спинкой.

– Мне больно, – захныкало дитяtko.

– Цыц. Предупреждаю сразу, я вообще ни разу не доктор и никогда в этой области не работала. Так что все это на ваш страх и риск.

– Ишь ты какая, – подала голос мамаша. – Как людей калечить, так она специалист. Ты пошто моему Васеньке порчу навела?

– Васька ваш у меня лопату украл, и порчу я на него не наводила, лишь сказала, что если пить будет, то ходить не сможет.

– Не может быть такого, мой Васенька хороший, он и мухи не обидит, – возразила маманя. Васька довольно хрюкнул на столе.

– А вы на него глазами другими посмотрите, вот как будто чужой человек перед вами. Посмотрите, пока я им заниматься буду, и желательно молча.

Предо мной лежала грязная, волосатая мужская нога в неестественном положении. Почему-то вспомнилась дочкина энциклопедия по анатомии. Ногу положила правильно, товарищ взвыл, ничего, ему полезно. Прикрыла глаза и пошла пальцами по костям, а вот и переломчик, под пальцами явно чувствовалась трещина с небольшим смещением в большой берцовой кости. Поправила все на место.

– Тащите таз с водой и бинты. Накладывать гипс я тоже буду первый раз, – хихикнув, сообщила я всем присутствующим.

Тетя Маша принесла все в комнату и поставила на стул, не поднимая на меня глаз. Видно, она о чем-то крепко так задумалась.

– Сломана большая берцовая кость, так что гипса у тебя будет от пятки до пятой точки. Рекомендую завтра все же съездить в травму и сделать рентген.

Вася безучастно махнул рукой. Маманя кивнула головой. Я принялась мочить бинты и наматывать на ногу.

– Вот ты говоришь, я виновата, что он пьет, – начала тетя Маша. – А ты не знаешь, через что я прошла, чтобы его вырастить. Я его ведь родила поздно, да одна, да без мужа, да в деревне, – она горько вздохнула и собралась дальше жалобиться на свою тяжелую жизнь.

Но не успела она и слова сказать, как я ее перебила, и меня понесло, и про жизнь тяжелую, и про вину, и про алкоголиков, и что мы все люди взрослые. Говорила, что выросшие дети – они уже взрослые, хоть и характер формируется в детстве под влиянием воспитания, родителей и окружения, но во взрослом состоянии человек сам решает и выбирает, как ему жить. Говорила, что родители не виноваты во взрослых поступках детей, а дети не имеют никаких

прав винить их в своей нынешней жизни, если те не отравляют им жизнь сейчас.

Я ораторствовала и наматывала бинт на ногу. Но вдруг бинты кончились, а нога нет. Мне принесли мешочек с промышленным гипсом и навали старую простыню на полоски. После такого строительного материала у меня от рук ничего не останется. Вздохнула тяжело и продолжила наматывать и разглагольствовать, а они меня слушали молча. И так я разошлась, что по окончании гипсования со всей силы хлопнула болезного по ляжке. Он аж ойкнул от неожиданности.

– Чего орешь? Ты мужик или где? – фыркнула я на него. – Где пошло-то берешь?

– У Бугульчихи. Маринка в долг давно не дает, говорит, за тебя мать будет рассчитываться. А Бугульчиха и за вещи какие продает, и если в огороде у нее поработаешь.

– Какая добрая женщина, – иронично сказала я.

– Она одну треть деревни споила, кого уже и в живых нет, – покачала головой тетя Маша.

– И ей до сих пор еще никто хату не подпалил? – удивилась я. – Где у вас рукомойник, мне бы руки помыть. Да домой надо бы, поздно уже.

Женщина проводила меня на кухню и кивнула на умывальник с ведром.

– Только мне вас отблагодарить нечем, – тихо сказала она.

– А вот это плохо. За все, что для вас делается, нужно благодарить, иначе высшие силы возьмут сами то, что посчитают нужным.

Что со мной происходит, непонятно. И лекцию прочитала взрослым людям, и нагрубил, и вот теперь про благодарность завела речь. Скажут, какая нахалка, да пусть что хотят, то и думают, – я полтора часа тут проторчала, руки, скорее всего, сожгла.

Мы с участковым молча вышли на улицу и сели в остывшую машину. Сразу пробрало холодом до костей. Он завел автомобиль и ждал, когда мотор хоть чуть-чуть прогреется. Из дома выскочила женщина, что-то прижимая к груди и маша нам рукой.

– Стойте, стойте.

Я приоткрыла дверь.

– Вот, возьмите, это масло сливочное топленое, свежее, я у Ольги два дня на ферме работала. Мне жирное категорически нельзя, а он этот месяц, пока не восстановится, на пустых макаронах посидит. А потом пусть на работу идет, хватит, не крест он мне, не наказание. Мужик взрослый, пусть жизнь свою как хочет, так и устраивает. Возьмите, не побрезгуйте, спасибо вам большое, – она попыталась схватить меня за руку, положила на колени пол-литровую баночку с топленным маслом.

– Спокойной ночи, и пусть все сложится у вас хорошо. Спасибо вам за масло, – ответила я.

На душе скребли кошки, вот как будто я выклянчила у нее это масло, последнее забрала. Ночь какая-то неприятная, тяжелая.

– Агнета, странная вы женщина, – начал Александр.

У меня заныл затылок, словно что-то потянуло кожу на голове. Вот только без этого, не до этого мне сейчас, я еще с мужем не разобралась и не отдохнула от всего.

– Александр, я так устала, давайте в тишине до дома доедем.

– Хорошо, – кивнул он.

Мы добрались до дома и распрощались. Участковый как-то грустно посмотрел на меня. Дома было тихо, все спали. Вот только Маруся голову подняла, тихо твякнула и снова спрятала нос в своем теплом пузе. Дочь распласталась по всему дивану, места мне не было. Я забрала подушку и ушла спать на диванчике в кабинете.

Вот они какие, черти

На протяжении последних десяти лет я мечтала каждое утро делать зарядку. Но почему-то моя мечта каждый раз разбивалась о мою утреннюю лень. Я упорно продолжала мечтать и даже иногда делала какие-то новомодные упражнения из Ютуба. И вот, пам-парам, моя мечта осуществилась. Но не так, как я хотела: у меня завелось маленькое хозяйство. У кого-то вши заводятся, тараканы там, а у меня курочки с козочками. Упражнения на все группы мышц, и даже кардио есть (правда, не знаю, что это такое, но точно есть). Метлой помахала, яйца собрала, воды принесла (обязательно разлить надо по дороге, как же без этого), еды дала, присела, подоила, перепрыгнула через лужу. Красота, лепота: и наклоны тут, и силовые тренировки, все, что душевненьке угодно.

Домой принесла молока и думку думаю чего с ним делать-то. В холодильнике четыре с лишним литра, в ведре четыре литра, да в бутылке еще литр. Вечером еще четыре будет, куда же его девать, не выливать же. Да и яйца что-то не уменьшаются, а только увеличиваются. Можно из одного литра блинов настряпать, ну, пол-литра выпить, а остальное куда. Не было печали, да купила баба поросю. Порылась в интернете: йогурт можно сделать из покупной сметаны или промышленной кисломолочки. Пойду в магазин за молочкой, может, там ферменты продают для сыра, да и хлеб кончился, купить надо.

Подхожу к калитке, а около нее валяется такой длинный ржавый гвоздь. Это что еще за новости. Оглядела конструкцию, откуда выпасть мог. Оказывается, по всему периметру входа вбито несколько таких гвоздей, и, судя по цвету дерева, сделано это было давно. Я гвоздь подобрала. Смотрю, а там еще один в деревяшке сам по себе раскачивается, как будто его кто-то невидимый дергает, и вытащить пытается. Я калитку как дерну на себя, как она откроется, а там бабка стоит скрюченная такая в драной фуфайке, в коричневом платке, в серой юбке чуть ниже колен, в теплых гамашах и галошах на шерстяной носок.

– Здрассе, – просипела она. – Дай мне, – начала она.

– Ничего я тебе не дам, а ну пошла отсюда, старая карга. Еще раз к моему дому с такими намерениями придешь, я тебе этот гвоздь в крышку твоего гроба вобью, – и со всей силой вогнала гвоздь в деревяшку, так, что он наполовину в нее вошел.

Бабка от испуга подпрыгнула и рванула по дороге в далекие дали. Я ей вслед еще и плюнула. Глянула мельком, вроде у нее на загривке как будто кто-то сидит, что-то черное да мохнатое. Проморгалась, вроде нет никого, померещилось. И чего меня так понесло, может, бабка молока купить хотела, может ей есть нечего и она пришла попросить еды. Вот что со мной творится, непонятно, видно, меня моя семейная жизнь подкосила, стала злая, как собака.

С такими мыслями дошла до магазина, а там эта бабка уже стоит и ей какая-то полная тетка непонятного возраста и непонятной национальности жалуется, что у нее ночью летняя кухня сгорела со всем добром. Только я к прилавку подошла про йогурты всякие у Марины спросить, так меня эта тетя своим обширным жизненным опытом подвинула, буркнув, что она тут типа первая стояла. Я возражать не стала, пусть берет. Бабулька та на меня своими глазками зыркнула, да из магазина вышла, ничего не купив. Странная какая-то, или я ее так напугала. Тетка набрала целый пакет покупок.

– Марина, запиши в долг, у меня ведь летняя кухня сгорела, восстанавливать надо, лишних денег нет.

– Мы с тобой вроде договорились: я у тебя самогон в долг не беру, а ты у меня продукты, – хмыкнула продавщица.

– Какая ты все-таки бессердечная, на чужом горе наживаешься, – ответила тетка, вынув из кармана пятитысячную купюру.

Марина молча отсчитала ей сдачу. Как только за теткой закрылась дверь, продавщица наклонилась ко мне.

– Слышала, у Бугульчихи летняя кухня сгорела вместе с ее аппаратом, бражкой, тарой, сахаром и запасами. Так ей и надо, – хихикнула она.

– Это местная алкозаводчица? – кивнула я на дверь.

– Она самая. Народу кучу споила. Самое интересное, что если один раз у нее продукцию возьмешь, то так ходить к ней и будешь. Знаешь, Агнета, я сама чуть не спилась из-за нее. У меня еще магазина не было тогда. Друзья в гости из города приехали, ну, посидели, отметили, показалось мало, а все уже закрыто, я к ней за добавкой

и побежала. Очнулась я через три месяца в грязи под забором. На заборчике черт сидит и говорит мне: «Айда, Маринка, за добавкой». Я ему отвечаю: «Денег-то нет», – а он мне: «А ты дочкин комбинезончик продай, он почти новый, и купи бутылку». Вот что ты ржёшь, черт такой реальный сидел.

– Зелененький? – хихикнула я.

– Нет, как положено, черный, с рогами, с языком красным, размером с десятилетнего мальчишку. Я тогда послала матом его, он обиделся и ушел. Я домой приползла, говорю мужу, чтобы он меня к кровати привязал.

– А муж что, не пил?

– В тот раз ему надо было срочно на работу ехать, он и не пил. Все три месяца со мной боролся. Потом мы вместе за меня боролись. Ох, и тяжело мне было. Этот черт еще ко мне несколько раз приходил, звал и даже наливал стопочку. Я тогда ему пообещала, что, если он еще раз ко мне придет, Бугульчихе плохо будет. Теперь такое пошло на дух не переношу, сама торгую хорошим, чтобы люди за самогонкой к ней не шли лишней раз. Видно, долетели до кого надо наши молитвы, хоть на время производство прекратится, – порадовалась Маринка. – Ты подожди, я сейчас проверю кое-что.

Она отодвинула прилавок и прошлась по маленькому помещению магазинчика, заглядывая в разные укромные уголки и что-то проверяя под и над витринами.

– Бабку видела? – спросила она меня.

– А то.

– Приходила, что ли, уже к тебе? Ты ей ничего не давала, у нее ничего не брала?

– Нет.

– Молодец. Она у нас чернушница. Пакостит всем с помощью черной магии. Бабушка моя рассказывала, что эта баба Нина по молодости влюбилась в одного городского, а он женатый. Мужик красивый, да ходок тот еще был, совратил ее, а жену не бросил. Так она его через кладбище и приворожила. Сначала они, вроде, ничего так жили, а потом он пить начал, бить ее стал. Детей у них так и не было, она забеременеет – он ее изобьет, она и скинет. Пять лет так прожили, а потом он взял и повесился. Она, видно, с кем-то не рассчиталась

за такого «хорошего» мужа, а может, злоба на людей гонит ее всем пакостить.

Если птицадохнуть начала, то баба Нина постаралась, если убытки идут, то ее рука. Ее как-то мужики так отходили, что она своими черными делами месяца три не занималась. А потом снова здорово. Вот только промышлять на трассе стала. Да не то, что ты подумала, торгует она там со своего огорода. Может к ведру яблок еще в «подарок» яблочек накинуть или типа забыть денег за яблоки взять, или сдачу дать больше, чем должна. Вся торговля с «подарками» да с «добрыми» пожеланиями. Вот и едут люди домой, везут себе с деревенскими дарами проблемы да болячки, а кто-то и далеко не уезжает.

– Откуда знаете, что это ее рук дело?

– Сначала думали, совпадение, а потом и за руку ловить стали. Она особо и не отпирается, говорит, что сильно ее покойный муж мучает, если она зла какого не натворит.

Вот и сходила за хлебушком, не зря я бабку-то прогнала, чутье сработало, а я еще себя корила за это. Прямо не деревня, а шкатулка с чудесами.

– Ты зачем пришла? А то я стою тут, болтаю всякое, а работать не работаю, – поправила фартук Марина.

– За хлебом да за йогуртом для закваски. У тебя закваски для сыра нет? У меня теперь козы появились, молоко куда девать – ума не приложу.

– Объявление повесь на дверь магазина, продавай излишки. У нас козы только у дяди Жени, но он их как собак держит. У него такой козел злющий, как сам хозяин, – засмеялась Марина.

– Спасибо за совет, я подумаю над вашим предложением.

– За ферментами для сыра к Ольге фермерше обратись, они сыры варят на продажу. На работу еще тебя к себе не звала? Она всегда платит, но и требует.

Купила у Марины все, что хотела, и в раздумьях пошла домой.

Когда любит только один

Я шла медленно домой, переваривая все сказанное Мариной. Прыгала с кочки на кочку, выбирая место посуше, между глубокими лужами и валунами грязи.

– Тетенька, тетенька, подождите, – послышался тоненький детский голосочек.

Интересно как, давно не слышала, чтобы так обращались ко взрослым. Обернулась – за мной бежала худенькая девочка лет двенадцати-тринадцати в огромных резиновых сапогах на голые ноги, в старенькой короткой курточке, из-под которой торчал домашний халатик. Я остановилась.

– Тетя Марина сказала, что вы козье молоко продаете. Мне для маленького братика надо, – кричала она на бегу.

– Здравсьте, – добежала она до меня.

– Здравствуй.

– Вот, у меня есть деньги, – она протянула пятьсот рублей.

– Сто рублей полторалитровая бутылка. У тебя полторашка пустая есть?

– Дома есть. Сейчас я быстро сбегаяю и принесу. Мне нельзя надолго из дома уходить, у меня там братик один.

– А родители твои где? – поинтересовалась я.

– Папа на вахте, а мама в больнице. Она что-то съела, и ей стало плохо, ее скорая увезла в город.

– А братику сколько?

– Два месяца. Я его кормила смесью, но она кончилась, а в магазине такой нет. Я его напоила коровьим молоком, и он покрылся сыпью. Алевтина Максимовна, врач, сказала, что надо кормить его козьим молоком.

Я представила, что у девочки дома сейчас криком исходится младенец.

– Идем, сейчас найду тебе какую-нибудь тару, молока возьмешь.

Мы направились к дому.

– Ой, – девочка остановилась. – Мне мама не разрешает к бабушке Семеновне ходить, говорит, она злая.

– Бабушка умерла недавно, теперь я тут живу. Когда твою маму выпишут?

– Не знаю, она сначала лежала в одной больнице, а потом ее перевели в другую. Она мне звонила, сказала, что у нее телефон забрали, и теперь общаться со мной сможет только раз в три дня.

Мы зашли в дом. К нам навстречу вышла Катюшка, Проша и Маруська, последняя оглушительно лаяла. На собаку прикрикнули, и она замолчала.

– Я Наська, – девочка протянула руку моей дочери.

– Катя, – смущенно сказала та.

– Настя, ты есть хочешь? У меня плов есть, правда вчерашний, – предложила я ребенку.

– Не, мне бы молока, и я побегу.

Налила в стакан молока и поставила перед ней на стол. Стала искать подходящую бутылку, откуда-то сверху с кухонных шкафчиков упала полторашка. Сполоснула ее под проточной водой, окатила кипятком, отчего она некрасиво сморщилась, ничего, для ребенка ведь.

– Настя, молоко не кипяченое, сразу предупреждаю.

– Ага, понятно, – отхлебнула она немного из стакана. – Ой, как вкусно.

– А ты бабушкам своим не звонила?

– Бабе Люде звонила, но она у нас молодая, еще работает, сказала, что я уже большая, сама справлюсь. Но я ее не очень люблю, она вечно все везде проверит, что понравится, себе возьмет. А папина мама далеко живет, приезжает раз в год на папин день рождения. Не надо мне никого, от взрослых одни проблемы, – она на меня внимательно посмотрела.

– Ну зачем ты так? Как же мама с папой?

– Папа не любит маму, женился на ней из-за меня. Мне кажется, мама с ума сошла. Она ведь не что-то съела, а горсть таблеток. До этого все ходила с кем-то, разговаривала, а потом взяла и так сделала.

– Может у нее родовая депрессия, – предположила я.

– Не знаю, что у нее там, – она пожала плечами и тяжело вздохнула.

– Давай я тебе плова наложу в баночку?

– Давайте. У вас случайно чистотела нет? Алевтина Максимовна сказала, Андрюшеньку в ванной с чистотелом купать, чтобы сыпи не было. Только вот у нее этой травы в аптеке нет.

– Мне поискать надо. Ты мне адрес свой назови, и я тебе его принесу, если найду.

– Вы деньги возьмите за молоко, – опять она мне протянула пятисотку.

– У меня сдачи нет.

– Телефон тогда свой дайте, папа вам на карту скинет попозже.

Написала Насте свой номер телефона на бумажке. Она назвала адрес, поблагодарила, забрала бутылку с молоком и баночку с пловом.

– Вы про чистотел только не забудьте, а то Андрюшка так чешется от сыпи и плачет.

Проводила Настю до калитки. Девочка махнула мне рукой на прощание. Грустно стало оттого, что маленький ребенок вынужден решать свалившиеся на нее проблемы. При этом родные взрослые просто самоустранились.

Ладно, вернемся к нашим баранам, вернее, к козам. Отлила в небольшую кастрюльку молока, чуть-чуть подогрела и плюхнула туда целую баночку несладкого йогурта. Завернула в полотенце и поставила доходить. Сама делаю, а в голове все вертится, как так, это же ребенок, а на нее оставлен младенец и целый дом. Червячок все точит и точит, плюнула на все и полезла в подвал искать чистотел да облепиховое масло. Порылась в шкафах, нашла огромный пакет травы, отсыпала одну четверть, скоро новый пойдет, самый первый вылезает, как сорняк по всему огороду. Нашла и пол-литровую бутылку с облепиховым маслом, отлила в маленькую бутылочку, много его и не надо, только болячки помазать. Насыпала еще фенхеля на всякий случай, он от колик помогает.

Поднялась наверх, а молоко-то глаза мозолит, и что мне, как той обезьяне, разорваться, что ли. Отправила сообщение Ольге, что ее мазь готова, и спросила про ферменты для сыра. Вижу, что прочитала, но не отвечает, думает, поди. Минут десять прошло, я уже и место под молоко в холодильнике нашла. Если уж прокиснет, то творог сделаю, а из него плавленый сыр, в инете рецептов куча, один веселей другого, найду подходящее. Оля прислала ответ: «За мазь спасибо, после пяти зайду, заберу. Ферменты сама покупаю, могу дать ссылку

на магазин». Пишу ей, что не за так у нее прошу, а за денежку, а то молоко пропадает. Она назвала цену за маленький пакетик, я и согласилась.

Собралась и потопала травки относить Настасье с Андрюшкой. Прошла половину деревни, пока нужную улицу нашла. Оказывается, что асфальта нет только у нас, а на остальных улицах он себе вполне неплохо так лежит, местами, правда, в ямах, кое-где с трещинами, но он есть. Дошла до места, дом такой у них хороший, кирпичный, большой, телевизионная тарелка на улице висит, забор новый. Позвонила, слышу, кричит: «Открыто». Захожу, двор ухоженный, пес из будки мне навстречу вышел, я встала, жду. Настя на крыльцо вышла с младенцем на руках, качает его.

– Идемте в дом. Шарик старый, он вас не тронет.

– Что же у тебя все открыто?

– Я вас ждала, да и лазить особо некому. Вот Васька ногу сломал, теперь далеко не убежит. А правда, что вы на него порчу навели, и он поломался?

– Неправда. Я ему ногу гипсом намазала, вот это правда, а остальное – происки империализма.

– Происки кого?

– Людей плохих. Я тебе чистотел принесла, фенхель и облепиховое масло.

Мы зашли с ней на кухню; чисто, на столе только бутылочка стоит с остатками молока. Настя унесла ребенка в другую комнату.

– У вас молоко, наверно, волшебное. Поел и тут же уснул. Чаю хотите? – вернулась она ко мне на кухню.

– Нет, спасибо. Вот, смотри – это чистотел, кипятишь пол-литра воды и туда столовую ложку травы. Как закипит, выключаешь, накрываешь крышкой. Постоит немного, и в ванну выливаешь или в тазик, и детеныша ополаскиваешь. Ты одна его купаешь?

– Алевтина Максимовна вечером приходит, помогает, когда не сильно устает.

– Облепиховым маслом мазать болячки, только ты сначала посмотри, какая реакция на него будет. Ватную палочку намочи и в одном месте на чистую кожу чуть-чуть помажь. Фенхель, чтобы живот не пучило. Его совсем немного надо на стаканчик с горячей водой.

– Спасибо вам большое.

– Папа когда приедет?

– Через две недели, а мама неизвестно когда. Папа от нас еще в прошлом году уходил, мама тогда бегала к бабе Нине. Он потом вернулся, мы так хорошо жили, он маму на руках носил. Она вот Андрюшкой забеременела, а потом они стали снова ругаться. Папа уехал на полгода и приехал, когда ее в роддом забрали. Побыл с нами месяц, сам готовил, сам продукты покупал, маме даже на кухню не разрешал заходить.

Девочка, опустив голову, говорила куда-то в пустоту.

– Я не хочу, чтобы она возвращалась. Орет на меня постоянно, иногда бьет. А то впадает в ступор и сидит, не двигаясь, смотрит по полдня в одну точку, Андрюшка криком кричит, а она словно и не слышит его. Страшно с ней.

Мне нечего было сказать, да и неизвестно, как тут помочь. В опеку позвонить? Хорошо ли в интернате будет ребенку? Забрать к себе на время? Да разве она пойдет. Хоть и ребенок, а как взрослая уже.

– Вы меня простите, пожалуйста, что я со своими разговорами лезу, вам наверно домой пора. Я папе напишу, он вам заплатит за молоко. Завтра за свежим приду. Спасибо большое.

Она проводила меня до калитки и закрыла дверь. А я потопала в свои владения, работа сама себя не поработает. Через полчаса звякнуло сообщение на телефоне: пришли деньги, пятьсот рублей от некого Игоря Петровича. Затем пикнул Вайбер: «Доброго дня. Спасибо за молоко и травы, дочь мне написала. Перевел пятьсот рублей: сто за молоко, сто за чистотел, двести за облепиховое масло, еще сто аванс на завтра. Цены на травы посмотрел в интернете, если мало, то скажите, я добавлю».

Ответила ему: «Спасибо за денежки, этого хватит». Ну и отложила телефон в сторону, о чем мне с человеком общаться. Он и так все про свою ситуацию знает, да и деревенские ему, вероятнее всего, уже позвонили.

Через пять минут снова пикинуло сообщение: «Вы меня простите, конечно, если я вас обижу, но у меня вопрос есть. Вы же вместо Семеновны? Вы меня на наличие приворота посмотреть не можете?» Вот честно, уже достало вот это – вместо Семеновны, я

сама за себя, а не вместо кого-то. «Нет, я такое не умею», – отвечаю ему.

Через полчаса прилетело новое сообщение от Игоря: «Мы с женой плохо живем, и с ней не могу, и без нее не могу. Нашел работу вахтами, так там меня крутило со всей силы, мог посреди ночи уйти с рабочего места в сторону железнодорожных путей. Сколько раз меня напарник ловил, не перечить. А домой приеду, рад, а через сутки видеть ее не могу, убить готов. Пить пробовал, еще хуже становится.

Как-то к нам мужик местный на буровую приехал, рыбу всякую привез, мяса, сала, варений, солений. Ему мой напарник и пожаловался на меня, дескать, по ночам убегает, а сам потом и не помнит ничего. Он на меня глянул и говорит, поехали, мол, к шаману нашему, пусть тебя посмотрит. А мне жизнь не мила, да и терять нечего, напарник обещал прикрыть, я и поехал. Привез, я думал, будет там дед древний, а там мужик молодой, смотрит на меня и смеется. Идем, говорит, выпьем моего фирменного зелья, и настойку какую-то достает. Ну, выпили, ядреная вещь, забористая, мышами воняет. Выпил три рюмки и больше ничего не помню. Все обрывками: как в снегу голышом катался, как по лесу бегал и орал, как около огня вместе с тем шаманом скакал, да в какой-то землянке в лесу парился.

Через три дня только очухался у шамана в доме, также за столом, только мы с ним уже чай пили. Я себя другим человеком почувствовал и увидел тогда все со стороны. Вернулся на буровую, ни напарник, ни начальник ничего не сказали. Я, когда в город попал, то шаману всю зарплату свою перевел, никаких денег не жалко было. Домой приехал, а жена на меня с кулаками кидается, а я вижу, человек передо мной чужой стоит, незнакомый. Поесть мне поставила, а меня выворачивает только от запаха, ни пить там не смог, ни есть. А она уже беременна вторым была. Я вещи тогда собрал и уехал к матери. Приехал только тогда, когда дочь написала, что жена рождает. Сам тогда все готовил, не пускал ее на кухню. Уехал на работу, а она такое с собой сотворила. Звонила до этого, кричала, требовала, чтобы я вернулся, иначе она детей порешит и сама с собой чего сделает. Вот хотел узнать, есть ли на мне новый приворот или нет».

Написала ему ответ: «Если нет навязчивого состояния, одержимости женой, то значит, все чисто». Снова сообщение прилетело: «Делать-то мне что? Я жить с ней не хочу, а детей жалко.

А вдруг, когда я на работе буду, она с ними чего сделает?». Я ему ответила: «В таких вопросах я советчик плохой. Сам решай, дядя взрослый, не стоит перекладывать на кого-то ответственность». Ответ от него прилетел: «Спасибо вам за все. Всего доброго».

И как после такого работать, как на чужой исповеди побывала.

Золото в подвале

Еще полчаса потыкала карточки, но голова была забита девочкой и ее отцом. Сколько событий за эти несколько дней произошло, что моя прошлая жизнь казалась такой далекой и чужой. Чего сидеть, глазами монитор прожигать, пойду-ка я лучше блинами займусь. Напеку большую стопочку, разделю ее на две части, в одну заверну сладкого творога, а другую со сметаной и с вареньем поедим. Меня готовка всегда успокаивает, так бы готовила и готовила. Люблю вот открыть холодильник, а там чтобы всякая всячина стояла, что хочешь, то и ешь.

Развела тесто на блины на литре молока. Поставила на полчаса, чтобы клейковина набухла и комочки, какие не промешала, разошлись. Сама полезла искать сковородку блинную. У меня в городской квартире их две штуки осталось, надо будет в следующий раз забрать. Роюсь в шкафчике, аж по пояс туда залезла. Слышу, телефон пиликает, кто-то сообщениями меня забрасывает. Нашла подходящую сковороду и пошла смотреть, кому там нейдет. Оказывается, муж активировался, интересуется моей жизнью, как я устроилась на новом месте, чем занимаюсь. Пишу ему, что блины пеку, и он мне мешает. Обрадовался, говорит, как замечательно, значит, на ужин у нас блинчики будут. Ой, какой наивный чукотский мальчик, думал, что нашел свою наивную чукотскую девочку. Нет, говорю, это у нас на обед блинчики будут, а на ужин мы в гости идем.

Замолчал телефон, на том конце воздушной связи кто-то сильно обиделся на меня, надулся, как мышь на крупу. Но я же не со зла, я счастья ему желаю. Пусть его новая пассия отростками бобов кормит и читает лекции о вреде копченого сала и пирогов с рыбой. Пущай организм свой оздоравливает и живет с ней в мире и согласии, нечего рушить новую ячейку общества блинами.

Сковородка оказалась вполне себе приличной, блинчики легко отлеплялись и переворачивались. Дело спорилось, а горка все росла и росла. Развела творог со сметаной и сахаром, завернула его в уже остывающие блины. Половину сразу отложила, уберу потом

в морозилку, маме возьму с собой в город. Так она деревенский творог отказывается есть, брезгует, так, может, от блинов не откажется.

– Мамуль, – в дверях появилась Катюшка, – А я когда в новую комнату перееду?

– Дочь, давай через полторы недельки. Не надо пока тебе там жить, пройдет сорок дней, и дух бывшей хозяйки из дома уйдет. Вот тогда и ремонт будем там делать.

– Ну ладно. Я блинчик возьму? – она потащила с тарелки аппетитный круг блина, разорвала его пополам, половинку сунула мне в рот, а половинку утащила в комнату.

Каждый день заботы какие-то, и времени нет, чтобы домом заняться. В кладовке в подполе нужно ревизию провести в первую очередь, там продукты, все перебрать и пересмотреть, чего выкинуть, а что побыстрее съесть. Может, излишки отдать кому. Пообедаем, и полезу гляну, что к чему. Оля только к вечеру подойдет, надеюсь, успею до нее. Карточки свои тогда вечером буду писать.

Обед удался на славу, половина блинов еще осталась. На ужин у нас вчерашний плов. Посидела пять минут, отдышалась, взяла ведро, пару пакетов да полезла вниз на винные погреба. В кладовке чего только нет: и соленья, и варенья, и овощи, и даже яблоки с виноградом, завернутые в пергаментную бумагу. Достала ящик, яблоки еще не испортились, а вот у винограда кое-где порченые ягодки попадаются. Виноград весь перебрала, порченное убрала, отложила нам с дочерью пару хороших веточек, добавила несколько яблок. Полезла по полкам банки смотреть, учет запасам делать. Надо будет пару банок огурцов тетке отвезти, она их любит.

Двигаю банки туда-сюда и что-то рукой задеваю, глаза прикрыла, приготовилась услышать «дзынь», ан нет, упало глухо. Посмотрела сначала одним глазом, затем другим – мешок какой-то, заглянула и обалдела. Накидала быстро в ведро картошки, кинула туда три морковки, в пакет сунула яблоки и виноград. Подхватила мешок с добром и поднялась наверх, рассматривать находку. Поставила его на кухонный стол и опустила края, и дрожь у меня по всему телу пошла, неприятный такой озноб. В мешочке было золото, да не простое, а обручальные кольца, печатки, колечки, перстни, крестики нательные, цепочки и серьги, все, видно, хорошо ношенное.

Килограмма полтора, а может, и больше, добра лежит. Вот так бабушка Семеновна.

Пошла за телефоном, чтобы Петру сообщить о найденном «кладе». Сначала сфотографировала все, а потом написала, а то опять будет отмахиваться, что ему ничего не надо. Через пять минут спрашивает: «Что это?». Отвечаю: «Золото, килограмма полтора, в погребке нашла». Тишина в ответ. Мешочек завязала и назад в погреб отнесла. Не надо мне такого добра, не мое оно, вон пусть наследник сам разбирается, что с ним делать.

Вот весь день сегодня наперекосяк, как начался в магазине с чертями, так и пошло и поехало. Золото это вконец мне настроение испортило, и времени до вечера еще куча. Значит, нужно заняться карточками, хватит рефлексировать. Села за ноут, завела будильник на пять вечера и принялась мужественно сражаться за интернет-магазин. Не заметила, как втянулась и перевыполнила дневную норму. Тут и Ольга мне звякнула, что она пришла и ждет. Я взяла банку с мазью и вышла на улицу. Стоит, вся лохматая, на лице печать забот. Сунула мне пакет с продуктами, забрала мазь.

– Ты меня прости, разговаривать особо некогда, новую породу кур привезли, вернее, цыплят.

Открыла она банку, понюхала, пальцем потыкала.

– Вот точно оно самое, – улыбается стоит, – На, – протягивает мне пакетик с ферментами.

Я ей обратно деньги в руки кладу – посмеялись.

– Там один бройлер, колбаса домашняя и масла килограмм, как договаривались. Прости, некогда было второй курицей заниматься.

Открыла пакет, а на меня как пахнуло копченым, да так вкусно запахло, что аж голова закружилась и слюна сама собой, как у собаки Павлова, побежала.

– Пакетик ферментов рассчитан на пятьдесят лит-ров. Открытый можно хранить несколько дней в холодильнике, хотя производитель не рекомендует этого делать. Как варить, в интернете найдешь. Все, давай, покеда, я поскакала. Спасибо за мазь, – быстро объяснила она мне и побежала к своим птичкам и коровкам.

Посмотрела на пакетик с ферментами – а вечер-то обещает быть томным. Пойду коз кормить, доить да сыр варить из имеющегося молока. Хорошо, что вечером готовить ничего не надо. Пока туда-сюда

ходила, прилетел ответ от Петра, предлагает мне продать золото и получить с этого тридцать процентов. Предложение, конечно, заманчивое с учетом всех моих финансовых обстоятельств, но, пожалуй, откажусь, больно уж риски высокие. Как представила себе, что я с этим мешком в автобусе в город поеду, и буду по нему шараться по всем ломбардам и светить своим паспортом везде. Ну уж нет, увольте меня от такого удовольствия, сами как-нибудь обходитесь. Отказалась, пусть сам приезжает и забирает, или жену свою отправляет за золотом.

Вчерашнее молоко вылила в большую кастрюлю и стала подогревать, а оно начало сворачиваться. Хотя говорят, что оно долго не скисает. Расстроилась немного, ну ничего, творог откину. Взяла кастрюльку поменьше и налила свежего, что утром надоила и вечером. Чуть подогрела и влила разведенные в воде ферменты. Перемешала и накрыла крышкой, газ выключила. Пусть само теперь доходит. Ушла пеструшек в курятник загонять, да яиц собрать. Пока туда-сюда ходила, да воздухом дышала, да на огород любовалась, на молоке и сырное кольцо образовалось. Стоим с дочей, любуемся на такую красоту, порезали и оставили там мариноваться. За это время творог откинула из прокислого молока. Сыворокку решила козам отдать, ну не пропадать же добру. Интересно, можно из нее что-нибудь сделать?

Поужинали, я опять к кастрюльке с сырной закваской. Помешала его активно. Через минут пятнадцать сыворокку слила, опять помешала. Затем нагрела его чуть-чуть. Потом уже откинула. Чуть-чуть повисел будущий сыр, и я утрамбовала его в специальную форму – нашла у бабушки в шкафчике. Надеюсь, все правильно сделала, и не придется его выбрасывать.

Весь вечер читала про сыры да видео смотрела, как и что. Спать решила лечь в кабинете, там хоть и диван узкий, зато никто не пинается и не разговаривает во сне. Дочь у меня еще та болтушка, любит поговорить, когда спит, раньше даже песни пела. Постелили себе постель да спать улеглись. Уснула мгновенно, вот что значит воздух свежий да нагрузка умеренная физическая. Снится мне дом этот, народу в нем много, кто-то приходит, кто-то уходит. Благодарят бабушку, руки целуют, кто денег дает, кто продукты приносит, а кто-то так уходит. Но есть те, кто отдает последнее, потихоньку складывает в ящик стола цепочки, крестики, снимает с себя обручальные кольца

и серьги. Бабушка уже и ящик в столе заколотила, так они стали в кухонные шкафчики класть. Рука у нее не поднималась выкинуть такое золото или продать. Вот и складывала их в мешочек, авось хозяева одумаются и вернуться за своими вещами, ведь нельзя обручальные кольца и крестики отдавать и терять, к беде это, нехорошо.

Странное кольцо и неприятные гости

«Утро красит нежным взором стены красного Кремля», а у меня солнышко осветило первыми лучиками комнату. Проснулась рано. Хорошо, тишина в доме, на улице птички поют. Зашла на кухню – на полу валяется колечко, наверное, вчера из того мешка выпало. Кольцо такое приметное, в виде змейки сделано, с зелёным камушком. Видно, что старинное, красивое очень, так взгляд к себе и притягивает. Подобрала его с полу, покрутила в руках, да и положила на кухонный шкафчик. Потом достану мешочек и уберу.

На телефон пришло сообщение от Петра, что за золотом приедет его жена сегодня в течение дня. Ну что же, приедет так приедет, делов-то, отдадим. Ушла на двор, козы, куры – всё ухода требуют. Убралась, накормила, надоила молока, собрала яйца. На завтрак думала блинчиками вчерашними перекусить, но решила, что если Агнета, то бишь я, так кушать будет, то она ни в какие ворота не пройдет, только если боком. Поэтому решила ограничиться творогом, который сама вчера откидывала. Продукт получился на славу, чуть кисловатый, но жирненький. Плюхнула туда варенья пару ложек, и ушло все за милую душу. Даже дочь у меня к творогу пристрастилась, нравится ей.

Прибежала за молоком Настя, принесла целый пакет пустых бутылок. Налила ей парного молочка и дала с собой по паре блинчиков с творогом и без ничего.

– Ой, спасибо вам большое. Мама говорила, что в деревне все люди злые, все ее только обидеть хотят, вот только баба Нина хорошая. Мне за две недели никто слова плохого не сказал, и все подкармливают. Даже готовить не надо. А баба Нина мне сказала, намочи марлю в самогонке и давай Андрюшке обсасывать, чтобы он спал, – рассказывала Настя, идя вместе со мной к калитке.

– Ты так делала?

– Да вы что. Я пока еще нормальная, нельзя такое детям давать, да и взрослым вредно.

Распрощались мы с ней, вернулась я в дом. Захожу на кухню, а там это колечко лежит, так и манит меня. Ну, думаю, а чего его

не померить, примерю и верну на место, никто же меня за это не накажет. Надела, пришлось впору на указательный палец. Стою, люблюсь, красота такая, глаз не оторвать. В голове нехорошие мыслишки мелькают, возьми себе, ведь никто не узнает. Но я-то знать буду. Вздохнула тяжело и стала снимать, а оно, зараза такая, не снимается, и так тянула, и так, и с разными матерными словами. Вот Агнета, какого ляда тебе надо было мерить его, звезда пленительного счастья, не могла его назад в мешок положить, что же ты за сорока такая, а то у тебя золотых колец нету. Все-таки смогла его стянуть при помощи мыла, масла и такой-то матери.

Положила его на стол и полезла в подпол за золотишком, а то вдруг Петина жена с утра приедет, буду я еще там при ней шариться. Захватила еще из запасов настойку окопника, а то что-то суставы с непривычки от дойки болеть стали. Достала мешочек, веревки развязала да кинула туда симпатичное колечко, встряхнула, чтобы оно сверху не лежало и не совращало меня на непотребные действия. Потуже затянула мешок и закинула на холодильник.

Решила сегодня из козьего молока сгущенки сварить в мультиварке. В инете рецепт нарыла, попробую, что выйдет. Залила два литра молока в чашу, насыпала четыре стакана сахара, перемешала. Поставила сначала на режим «суп». Ноут притащила на кухню, чтобы если что – не пропустить, вдруг молоко хулиганить начнет. Время закончилось, поставила на режим «Тушение». Сижу, работаю, сегодня кроме карточек нужно еще статью написать, как правильно пылесосами пользоваться. Слышу, в калитку трезвонят, наверно мадам Петина приехала.

Выхожу, точно приехала, за забором стоит малолит-ражка «Ниссан». Автомобиль голубенький, аккуратненький такой. Около него девица такая, все при ней: реснички, бровки, ноготочки, губки, фигурка точеная, блондинка, волосы нарощенные, каблучища по десять сантиметров, джинсы с подворотами модные, курточка коротенькая. Не девушка, а модель из соцсетей. Рядом хмырь какой-то вышагивает, внешность, как у бандита из 90-х годов, только на нем не пиджак малиновый, а кожанка черная, да джинсы узкие, а-ля гамашки у Наташки. Как и положено, цепь в палец толщиной, печатка золотая и пара наколок синих на кистях рук. Тип такой неприятный, смотрит на меня исподлобья, так сурово.

– Здравствуйте, я Петина жена, мы за продуктами деревенскими приехали, – говорит мне девица, а сама меня так оценивающе осматривает. – Это брат мой, – кивает на своего спутника.

– Здравствуйте, ну идем в дом, – и ее вперед себя пропускаю.

Товарищ тоже за ней решил пойти, вот только абы кого я в дом не пускаю. Повернулась калитку закрывать, а он идет напролом. Ладонью ему в грудь уперлась.

– А вы, молодой человек, свою спутницу в машине подождите. Она сейчас быстро управится.

Он меня хватя за кисть лапицей и поворачивать ее в сторону начал больно так, и смотрит мне в глаза молча. Тут слышу близко, близко рычание, глаза вниз скосила, а там мой волк стоит и прямо в бедро хамоватому господину мордой уткнулся, прямо там, где самая главная артерия проходит.

– Я ведь могу твою шавку и пристрелить, – смотрит он мне в глаза и тянет мою кисть вниз.

– А ты попробуй, коли не боишься, – вот зло меня такое взяло, что всякие гады практически у меня дома меня калечат.

Поднимаю вторую руку на уровень его глаз, и делаю такое движение, как будто что-то сжимаю, в тот момент представила, что у меня в ладони его сердце. Глаза то он из орбит вытаращил, не дыхнуть, не продохнуть не может. Кисть мою отпустил и ртом, как рыба, воздух ловит. Хлопнула я его по плечу:

– Иди, болезный, в машине посиди, продышись, водички выпей, с дороги, поди, умаялся, аж мозги у тебя закипели.

Он еле-еле до авто дошел, на сиденье плюхнулся, закашлялся, принялся воду из бутылки хлебать. Волка по головке погладила и пошла за мадам к дому.

– А где Олежа? – спрашивает она.

– Олежа твой устал сильно в дороге, решил тебя в машине подождать.

Мадам фыркнула и зашла в хату. Прошла прямо в обу-ви в кухню.

– Они у меня чистые, я в машине ехала, – заявила девица, увидев мое удивленное лицо.

Ну да чистые, а ты, ангел небесный, от авто до дома долетела на крыльях любви.

– Зря ты так, я ведь за тобой полы помою, а тебе еще ехать по трассе в город.

– Ой, все это бабкины сказки, – махнула она ладошкой.

– Ну-ну, – хмыкнула я.

– Где золото? Я за золотом приехала в вашу дыру. Терпеть не могла этот дом, хорошо хоть быстро Петька от него избавился, – капризно надула она губы.

Мешок сдернула с холодильника и перед ней поставила.

– Ого, – жадно сглотнула мадам слюну.

Развязала, руку запустила внутрь, достала, разглядывает, будто видно что-то считает.

– А ты оттуда ничего не брала? – спрашивает подозрительно.

– Если бы мне чего нужно было, то я бы и не отдавала.

– Ну, мало ли, может, совесть заела, поделиться решила, а большую часть себе прикарманила, – и смотрит на меня внимательно.

– По себе людей не судят.

– Да все мы одинаковые, – хохотнула она. – Ладно, поверю на слово.

Она встала и уж было направилась к выходу, но вернулась в задумчивости и плюхнулась назад на стул.

– Ты же лечишь? Я работаю ногтевым дизайнером, после работы что-то стали руки побаливать. Не поможешь? – спросила Барби.

– Вари свиные или говяжьи мотолыжки, съдай по стакану этого бульона или желатин разводи в каком-нибудь соке и ешь желе.

Она сморщилась.

– А мази какие-нибудь, настойки?

– Любой каприз за ваши деньги.

Перелила ей настойку окопника в небольшую бутылочку из-под сока и положила прополисной мази в баночку из-под детского питания.

– Из этого компрессы делать раз в день, а это втирать в суставы утром и вечером, – поставила перед ней баночки.

– Спасибо, – сгребла она все со стола и кинула в пакет. – Сдачи не надо, – положила пятисотку на стол.

– На здоровье.

Проводила ее до калитки, около забора сидел разомлевший от солнца волк, караулил. Около соседней заброшки стояла знакомая

«Нива». Видно, brutальный принц из «Ниссана» не понравился нашему участковому, бдительный какой. Села мадама в машину и покатила золото в деньги превращать.

Тут Александр Батькович из авто вышел и пружинистой походкой ко мне направился.

– Добрый день, Агнета. Это к вам гости приезжали или вы уже пациентов принимать стали? Вы поаккуратней будьте, люди всякие бывают.

– Доброго дня, Александр. Ну, вы же вот всегда на страже, спасли бы меня, – смеюсь. – Как там Васька поживает?

– Не знаю, не заезжал к ним, соседи меня из-за него не вызывали. Мама его звонила, просила, чтобы я его на следующей неделе в больницу отвез, часть гипса срезать, а то уж больно тяжелый. Что-то, Агнета, мы с вами то на ты, то на вы.

– Ну да, после такой запоминающейся ночи, что мы провели вместе, можно и на ты переходить, – похлопала его ладошкой по груди и рассмеялась. Что-то у меня игривое настроение появилось.

– Агнета, если надо что по хозяйству помочь или еще чего, ты не стесняйся, звони. Я сейчас тебе номер свой дам, – и побежал к машине за ручкой и листочком.

Написал и бежит обратно, тут запнулся и чуть не упал. Застыл, смотрит то на меня, то вниз.

– Это же волк, – пальцем тычет в моего охранника.

– Нет, что ты, это маламут, собака такая.

– Да? – недоверчиво спрашивает.

– Ну, ты сам подумай, стал бы волк около меня спокойно сидеть.

– Ну ладно. Без обид только, все же псина такая огромная и страшная, – сунул мне бумажку с телефоном. – Поехал я, в Ромашкино две бабки соседки подрались, вот звонили, хотят заявление друг на друга написать.

На прощание он помахал мне рукой и укатил на своем внедорожнике. Я опустила на корточки вниз к волку.

– Ну что, родной, давай знакомиться. Как тебя зовут? Есть хочешь?

Он зажмурился, мотнул головой, а я четко услышала «Волк». Как скажешь, так и буду звать. Почесала его за ушком, погладила. Он еще немного посидел и убежал в сторону наших необъятных степей.

В доме меня ждал сюрприз, на столе, на купюре, оставленной мадам, лежало то самое кольцо-змейка. Странно это все, покрутила его в руках и положила в кухонный ящик. Ушла деньги в кошелек убирать, вернулась на кухню, а оно лежит уже на моем ноутбуке. Взяла кольцо в руки, стала его рассматривать и не заметила, как оно у меня на пальце указательном оказалось. Ладно, потом Петру его верну или деньги за него отдам.

Предназначение во сне

Посмотрела вокруг, натоптала мадам знатно в своих «чистых» ботах. Надо бы помыть, а как мыть, если на душе у меня от их приезда осадок остался, а они сейчас по трассе едут, вдруг по дороге чего приключится, потом сама себя виноватить буду. В чужой грязи сидеть тоже не комильфо. Ой, у меня же в комнате один целый взрослый ребенок сидит, сейчас ей швабру вручу, пусть протрет за гостями.

Катюха была явно не в восторге от перспективы коридор и кухню намывать, но я ей пообещала за это сгущенкой угостить. На обед решила лапши нам из деревенской курочки сварганить, а на ужин творожной запеканки испеку с замороженной смородиной. Полы были благополучно вымыты, воду вылила на улицу под дерево.

Снег практически везде уже сошел, рядом с прошлогодней травой уже виднелись зеленые росточки. Можно уже курочек и козочек в сад и огород выпускать, пока ничего не посеяно. Пусть с будущими сорняками поборются, да витаминов наберутся, да землю удобрят. Теперь доберусь и до бани, и до погребки, и до сараев, и до гаража. В выходные нужно будет спальнями заняться, а то вроде в своем доме живем, а все, как в гостях, спим, где постеляют.

Сгущенка в мультиварке жидковатой получилась, надо было ее с открытой крышкой варить. Уваривала ее потом на плите, ушло еще минут десять. Из двух лит-ров молока получился литр сгущенки, красота, вкуснота. Обратила внимание, что в этом доме состояние духа какое-то благодное, вроде и мелкие неприятности случаются, но вот как-то легко все это переношишь.

Сегодня работала ударными темпами, завтра в город собралась к маме. Весь день проездишь, время только вечером будет, и то если никаких ЧП опять не случится. Вот интересно, в городе народу полно, а я ни с кем не общалась, а тут за четыре дня столько событий и столько народу всякого незнакомого оказалось.

За день больше ничего такого приметного не произошло. Вечером достала свою любимую колоду с картами Таро, давно за них не бралась, решила их про колечко спросить. Кстати, в кабинете в книжном шкафу у бабушки тоже колоды видела, но все руки

не доходили до них, чтобы посмотреть, что там лежит. Я так предполагаю, шкаф этот, как волшебный сундук с чудесами, можно найти такие артефакты, что закачаешься. Может, там книжки какие-то по магии лежат. Хотя не верю во все это, скептик я, но все же есть что-то в этом мире, что неподвластно науке. Но если оглядеться вокруг, то последние события в моей жизни в правила логики ну никак не укладываются.

Карты мне сказали, что вещь эта не простая, а колечко это мне предназначено для дальнейшего обучения и очень сильно скажется на моем дальнейшем будущем. В оракуле выпала карта, которая говорила о том, что эта вещь судьбоносная. Несет с собой кардинальные изменения в жизни, как стадо бизонов, сметая все на своем пути, и от этого никуда не деться, остается только их принять. Ну, я так и предполагала. Надо еще перед сном попросить, чтобы мне там ответы показали, подробностей хочется, а то карты так подробно не хотят все рассказывать.

Вечером обнаружила, что диван в кабинете раскладывается, правда, в разложенном виде занимает все пространство до самого книжного шкафа. Зато спать буду, как королева, а не поджав под себя ноги. Соорудила себе гнездо на диване и улеглась спать. Что же интересного нам сегодня ночью покажут, надеюсь, без кошмаров обойдусь.

Только глаза прикрыла, еще дремота до конца меня не обняла, а уже в ногах наша Семеновна сидит.

– Пришлось колечко в пору. Как сама понимаешь, колечко-то не простое, а золотое. Силу в себе немаленькую таит. На владельца кольца большая ответственность ложиться за ее использование. Да и ты сама сегодня все видела. Ведь ты его только померила, а чуть недоброго человека на тот свет не отправила. В свое время я от него отказалась, напугало оно меня. Тогда мне и было велено лечить всех людей, без оговоров и без оглядки, на личной силе. Ох и тяжело, скажу я тебе, это дело. Вот приходит к тебе женщина, а она столько горя людям принесла: и обманывала, и специально пакостила. На ней столько проклятий висит, а я ее должна лечить, чтобы она зло свое дальше творила. Ведь не пройдя свой путь до конца, она не поймет и не осознает, за что ей все досталось. А если откажу, то меня так

скрючит, что будешь только о смерти молить, но и не отпустит, пока такого же грешника не вылечишь.

Конечно, не все такие ко мне ходили, в основном люди добрые и порядочные или те, кто после болезни осознавал, какую жизнь он вел неправильную. Отказывать никому не имела права, в любое время суток принимала. Вначале тяжело было, а потом привыкла и нашла себя в этом.

В доме этом всегда жили ведьмы, знахарки, ведуньи, называй их как хочешь. Женщины, обладающие знаниями, умениями и силой, такой, что у обычного человека либо в зачаточном состоянии находится, либо вообще нет. Дом построен на месте силы, да что уж говорить, он сам по себе волшебный. Прошенька и Волк – это духи-помощники, есть еще один, но он крайне редко появляется, я его за свою жизнь только два раза видела. Один защищает внутреннее пространство дома, а второй внешнее. Соответственно Проша к тебе ближе, чем Волк, но он проследует за тобой, куда бы ты ни шла, а вот кот останется всегда в доме и на его территории.

За кольцо денег Петру не отдавай и не говори ему про него, это твоя вещь и твоей всегда была, как только я от него отказалась. Пользуйся моими книгами и записями, разрешение даю и на всевозможные артефакты, это теперь тоже твое. Учить мне тебя нечему, ты и так все знаешь, вот только не помнишь. Будешь читать книги, все постепенно вспомнится.

Помогать ли тебе людям или нет, это уже тебе решать, ну и тем, кто свыше, но заставить они тебя, как меня, уже не смогут. Смотри сама по своему разумению и велению совести. В доме я больше не появлюсь, ну может, к тебе во сны иногда захаживать буду, так что можешь дочь в мою бывшую спальню заселять. Кстати, присмотришься к девочке повнимательней, там явно имеются кое-какие способности. Зря, конечно, ты ее попросила за своими гостями полы помыть, но, как говорится, уже поздно что-либо изменить. Удачи и спасибо за все.

Бабулька исчезла, а я резко села на кровати: вот огорошила меня горошком старая, и чего мне с этой информацией делать. Надо было дальше спать, заспала бы весь сон и утром бы не вспомнила. Сижую, в темноту таращусь и думаю, как теперь в таких условиях уснуть. А я сделаю вид, что ничего не знаю, и буду дальше жить, как жила. С такими мыслями плюхнулась на подушку и вырубилась.

День в городе

Утром пришлось вставать рано: сегодня нужно съездить к маме. Автобус уходит в 7:20, а еще нужно собраться и курочек с козами проведать. Включила телефон, я его на ночь всегда выключаю, ибо у мужа есть нехорошая привычка с пьяных глаз звонить или писать посреди ночи. Так и есть, писал и звонил, первое сообщение «пошла ты на три буквы», а второе через час «я тебя люблю».

Также пришли сообщения от Петра, спрашивал, приезжала ли его благоверная, он с ней связаться не может. Ответила, что приезжала с мужиком каким-то, забрала все и уехала. Я поинтересовалась, нашлась ли его жена. Отправила ему сообщения и пошла собираться. Пакет с продуктами еще с вечера приготовила, только в холодильник его поставила. Положила кусочек Олиного масла, десяток яиц, блинчики, немного творога, домашнего йогурта. Неизвестно, будет она это все есть или нет, очень она уж капризная и привередливая. Главное, чтобы не выбросила, если не понравится, пусть тетке тогда отдаст, она от хороших продуктов никогда не отказывалась. Отлила козьего молока в полторашку, поставила в холодильник для Насти.

Позавтракала, оделась, взяла сумку и отправилась на остановку. Приеду в город в восемь утра, придется еще целый час около подъезда сидеть, не предупредила вчера маман, что приеду рано. На остановке стоял уже народ, практически все одновременно повернулись в мою сторону. Я поздоровалась, мне ответили, и стали бесцеремонно разглядывать. Ну да, новый человек в поселке, всем интересно. Подъехал автобус, все загрузились, опять мне место на заднем колесе досталось, ну хоть не пешком стоять всю дорогу.

Пиликнул телефон, пришло сообщение от Петра, жена его нашлась. Она на заправке остановилась кофе купить, потому что я ей даже воды не предложила, а ей пить сильно хотелось. Зашла в павильон за кофе, а когда вышла, машины уже не было, угнали. Спросил, что за мужик с ней был, потому что она ему сказала, что ездила одна. Рассказала про наглого дядю. Ответ от Петра: «Все ясно, это ее бывший, его пять лет назад закрыли за что-то, видно, вышел. Спасибо, Агнета, дома буду разбираться». Хорошо, что этот гражданин

по голове ее не стукнул и не сбросил где-нибудь по дороге, а только на заправке оставил и машину угнал.

Ехала, в окно смотрела, неделя еще не прошла на новом месте, а столько событий произошло. Захлестнуло меня новым, а я и не растерялась, сижу, смотрю, как фильм о ком-то чужом. Радуюсь, что выспаться стала, давно я нормально не спала, в городской квартире то шумно, то кровать не такая, то не там стоит, то муж ночью в игрушки играет, да мало ли какие помехи случаются. В доме тихо и очень спокойно, комфортно. Все идет своим чередом, как будто так и надо, нет, конечно, меня удивляет все, что происходит в моей жизни, но я стараюсь сильно не радоваться, чтобы не сглазить. Да и приданое к дому весьма своеобразное: животных, конечно, бывает, что отдают вместе со всеми вещами, но вот эти вот сны странные и умения пугают.

Меня воспитывали в полном атеизме и отрицании чего-либо магического и потустороннего. При этом взрослые при мне часто рассказывали истории, что кто-то где-то кого-то приворожил, и тот человек сильно страдал и мучился. Все это воспринималось мной в то время какими-то бабьими рассказами. Слышала, что есть такие люди, которые могут лечить, но воспринимала в контексте нетрадиционного лечения, вон в мединституте на фитотерапевта и физиотерапевта учат, а здесь люди сами знают, какая травка от какой хвори, кости вправить могут да мозги пьянчугам. Что тут такого.

Гадать стала лет в двенадцать на покерной колоде, относилась к этому занятию как к развлечению. Пасьянсы всякие раскладывала на желание, на будущий день, что сложится или не сложится, сбудется – не сбудется. Как-то попала мне в руки тетрабочка с обозначением карт в качестве предсказаний. Было интересно, но как-то я на этом особо не заикливалась и не отслеживала результат, мне нравился сам процесс. Только в шестнадцать лет я прекратила гадать после одного случая. Как обычно, делала расклад на предстоящую неделю, чего стоит ожидать. Выпала карта, обозначающая смерть, я напугалась и не поверила, перетасовала колоду и снова разложила. Все карты выпали в таком же порядке, что и в прошлый раз. В третий раз – та же картина. Я сказала себе, что все это неправда, собрала карты в коробку и убрала их куда подальше. Но карты не обманули, на следующей неделе на моих глазах погиб мальчик, с которым мы

были в одной компании. Залез на трансформаторную будку и встал на перила, чтобы покрасоваться перед девочками. Не удержал равновесие и вцепился в провода. С тех пор я не притрагивалась к картам восемнадцать лет.

Года два назад случайно в сети наткнулась на прекрасную колоду с картами Таро, и мне захотелось их приобрести. Купила, принесла домой и сразу разложила их на предстоящую поездку. Карты сказали, что поездка будет тяжелой для здоровья. Решила, что все это фигня и поклеп, буду радоваться природе и горам во чтобы то ни стало. В поездке подвернула ногу, упала, ударилась сильно головой, к тому же еще чем-то отравилась. Снова карты были убраны в дальний ящик, как будто они были виноваты в произошедшем.

Всю жизнь я старалась блокировать в себе способности, прятала их и хотела быть, как все. Единственное, что я делала с удовольствием, – варила мази, ставила настойки на травах, собирала травы и копала коренья, сушила и даже занималась ферментацией. Потом это все употреблялось внутри семьи и раздавалось друзьям и знакомым. Остальное меня пугало и отталкивало, хотя некоторые сны могли досконально исполниться. А еще меня нельзя было обижать, на человека резко нападали неприятности. Вот эти вещи я никак контролировать не могла. Но все равно продолжала ко всему скептически относиться, типа так сложились обстоятельства, не я такая, а жизнь такая.

Все Агнета, хватит закрывать глаза и прятаться. Тебя уже за шкуру притащили, твою жизнь семейную сделали такой невыносимой, что ты, ни о чем не думая, понеслась к рогатому на кулички, лишь бы из дома сбежать. Откажешься и окажешься в таких условиях, что впору будет из этой жизни уходить. Открывай глаза, Агнета, это не твоя детская фантазия, как раньше говорили тебе взрослые, это ты сама и есть, настоящая, волшебная на всю голову повелительница своей жизни. Но где-то в глубине души сидит червячок и тоненьким маминым голосом говорит: «Ерунда все это, ты все это придумала, такого не бывает». Все мы родом из детства.

С такими раздумьями доехала до города. Еще пятнадцать минут на городском автобусе, и я на месте. Посижу на лавке полчаса и пойду будить маман, буду снова выслушивать потоки жалоб и злобы на всех

окружающих. Не стала ждать полчаса, а поднялась в квартиру, открыла своим ключом.

– Утро доброе, – крикнула в тишину квартиры.

– Ты чего так рано, я еще сплю, – услышала сонный мамин голос.

– Ну, я тогда поехала, – ответила я, разуваясь и снимая куртку.

Прошла на кухню, поставила чайник на плиту, стала разбирать пакет с продуктами.

– Я тебе яйца привезла, творог, масло, йогурт домашний, блинчики.

– Не клади ничего на стол. Все грязное, не стерильное, – донесся голос из коридора.

– Я дома все в свои пакеты складывала.

– Творог деревенский, что ли? Неизвестно от какой коровы, какими руками, в какой посуде сделан. И масло на развес? Я такое не ем, заberi. Купишь мне все в магазине, на заводе все нормы соблюдают, а тут неизвестно что, – капризно сообщила мама.

– Творог я сама откидывала, он вареный. Масло себе взяла и тебе. Мы его уже ели и нам ничего не было, вкусное, настоящее.

– Ну ладно, оставь, если что, отдам кому-нибудь. Яйца мне не нужны, я еще те не съела, да и мелкие они какие-то.

– Тетка придет, ей отдашь, что же я катать их буду туда-сюда.

– Блинчики я люблю, но знаешь, мне в прошлый раз соседка приносила, так у меня от них так желудок разболелся. Надеюсь, от твоих болеть не будет. Приготовь мне что-нибудь, а то я всю неделю голодная сидела. Список написала тебе, что мне купить.

– Сама ничего не готовила?

– Ты же знаешь, я терпеть не могу готовить.

Дальше все пошло по привычному сценарию: выслушивание физиологических подробностей жизни мамы, жалобы на то, какие все кругом козлы и как все ее обижают. Два раза сбегала в магазин, потому, что ей такой хлеб не надо. Приготовила на два дня, помыла посуду. Нет, мама не древняя старуха и не инвалид первой группы, ей всего шестьдесят два, и год назад она сломала ногу. После этого отказалась выходить на улицу, потому что ей тяжело ходить.

После сто десятой придирки я взорвалась, ругалась и обещала больше не приходить. На меня обиделись и назвали неблагодарной, сказали, что я вечно ко всему придираюсь. Собралась и ушла, хотя

до вечернего автобуса оставалось еще три с половиной часа. Ну, значит, можно съездить в городскую квартиру и забрать еще какие-нибудь свои вещи. Надеюсь, я там не встречу своего благоверного.

Дверь в квартиру моим ключом не открывалась, а только закрывалась, значит, дома кто-то есть. Поковыряла замок и решила, что я не готова к романтическим встречам с пока еще супругом. Развернулась и стала спускаться по лестнице, сзади открылась дверь, из квартиры пахло сигаретами и перегаром.

– О, Агнета, а Серега сказал, что выгнал тебя из дома, – услышала я позади себя голос его друга Виталика. – Идем в дом, я сейчас за пивком сбегаю, посидим, как приличные люди. Правда, там у него пожрать нечего, но я яйца куплю, пожарю. Он там спит, от этой своей ушел, а мне скучно. Бухнем с тобой по старой дружбе.

– Ой, знаешь, Виталик, а давай, тащи свои яйца, с пивом пожарим, – и зашла в квартиру.

– Лады, – загадочный дружбан мужа радостно ускакал в направлении магазина.

У меня в запасе где-то десять минут. Прошла по квартире, кинула в пакет кое-какие вещи, которые в прошлый раз забыла. Зашла в спальню, посмотрела на пьяного мужа, порадовалась тому, как мне повезло. Вышла из квартиры и закрыла ее на ключ, пусть отсыпается, а всякие разные личности пьют в другом месте.

Добралась до остановки и села в подошедший автобус. Через две остановки звонок от Виталика.

– Агнета, открой дверь, я тут стою с шампанским, вином, тортом и яйцами.

– Ой, Виталик, а я передумала и уже уехала. Ты возьми свой продуктовый набор и езжай к Серегиной пассии. Она-то женщина не брезгливая, любит пьяных мужиков собирать, – и отключила телефон.

Вот у меня сегодня денечек-то выдался, расчудесный. Сейчас еще два часа на автовокзале сидеть, лучше я там посижу, чем приключения на свою пятую точку собирать буду.

Мы вас не ждали, а вы приперлись

Автобуса ждать не пришлось. Около вокзала стояли маршрутные такси – газельки, на одной из них заметила знакомое название населенного пункта.

– До Октябрьского идете? – спросила у болтающих рядом водителей.

– Дорогая, золотая, только тебя ждем, садись, поехали, одно место твое осталось, рядом со мной таким красивым, – заговорил с характерным акцентом мужчина колоритной внешности.

Он открыл мне дверь, вытащил с переднего сидения студента и любезно посадил меня в машину. Я оказалась посередине, рядом уселся тот самый парень, которого бесцеремонно вытащил кавказец. Водитель запрыгнул в газель, попросил народ передавать деньги за проезд. Как только у него сошелся дебет с кредитом, мы тронулись. Словоохотливый водитель все о чем-то болтал, я ему что-то вяло отвечала.

Два раза звонил Виталик. Первый раз я звонок отбила, а второй раз взяла трубку, чтобы немного приостановить словесное недержание гражданина за рулем.

– Агнета, ты что, обиделась? Я не хотел обидеть. Ты баба хорошая, я всегда Сереге завидовал, что у него такая жена замечательная. Приезжай ко мне, я уже домой еду. Посидим, поговорим, а там как сложится. Если хочешь, я к тебе приеду. Мне Серега сказал, что ты в какую-то деревню уехала, по-любому для мужика работа найдется. Только я сегодня не на коне.

– Виталя, я домой уже еду. Давай завтра созвонимся и поговорим, когда ты трезвый будешь.

– Отлично, тогда я сегодня больше не пью. До завтра.

Абонент отключился. Ну вот, еще мне женихов не хватало для полного счастья.

– Муж звонил? – поинтересовался водитель.

– Ага, – ответила я блеклым голосом.

– Это хорошо, что у тебя муж есть, а то бы я к тебе приставать начал, а ты бы не смогла мне отказать, я же красивый. Пришлось бы

мне жене изменять, а я не люб-лю ей изменять.

Его болтовня начала меня забавлять.

– У меня жена красивая. Я вообще люблю все красивое, вот специально место около себя оставляю для красивых женщин. На работе женщина красивая рядом сидит, домой придешь, там жена красивый сидит. Не жизнь, а песня. Вай-вай-вай, – он что-то запел на своем языке и засмеялся.

И я посмеялась вместе с ним, потом он болтал про детей красивых, про жизнь хорошую. Сказал, чтобы я в следующий раз обязательно к нему в «Газель» садилась. Не дал он мне думы грустные думать.

Быстро доехали. К дому подхожу, а там внедорожник стоит большой, дорогой «Мерс». В калитку моего дома ломится дама, такая же необъятная, как ее авто. Стучит кулаком и орет матом, притом не благим, а отборным. Мадам одета дорого, золота на ней, как на новогодней елке.

– Открывай, мать твою, я знаю, что ты дома, всех вас за ногу.

– Женщина, вы к кому? Ошиблись, наверно, тут такие не живут, о которых вы кричите.

– А не твое собачье дело, к кому я пришла, – и дальше кулачищем молотит по моей калитке.

– Это мой дом, отойдите от калитки, – попросила я даму вежливо.

– Мне сказали, тут бабка живет, которая алкашей лечит. Ты на бабку не похожа, – смерила она меня взглядом.

– Умерла бабушка.

– Да мне до одного места, кто там из вас издох. Забирай вот, – и выволокла с заднего сидения мужичка пьяненького. Подперла им мой забор и, несмотря на свои габариты, шустро прыгнула за руль. Обдала меня выхлопными газами и рванула в сторону трассы.

Вот те здасьте, вы нас не ждали, а мы приперлись. И на какой ляд мне вот это чудо-чудное расчудесное. Я от своего сбежала, чтобы чужих собирать? Мужичок тем временем постепенно сползал по забору вниз. Схватила его за грудки и резким рывком на лавку рядом с калиткой посадила. Дядя хоть и неказистый, маленький да плюгавенький, но одет прилично и одежда на нем Армани да Версаче, да ботинки не натуральная резина, а кожа.

Калитку открыла да домой пошла, подкидыша на улице оставила. Пьяных не люблю и боюсь ужасно – кто их знает, что у них на уме. В свое время досталось мне от пьяных граждан, это я чуть-чуть пригубила, а кто-то всю жизнь хлебает полной ложкой, не надо мне такого счастья.

Домой зашла, переоделась. Дочь все, что за день с ней произошло, рассказала: что делала, что ела, а еще что Настя приходила за молоком, что тетка ломилась в калитку и даже пыталась перелезть через забор. С Катюшкой разговариваю, а в голове червячок точит: дескать, бросила дядьку на улице, а вдруг чего с ним случится. Сама себя успокаиваю – ночью плюсовая температура, не замерзнет, проспится на свежем воздухе. Тащить незнакомого человека в дом, где я одна с ребенком, глупо.

Думала-думала, пошла глянуть, там ли товарищ или волшебным образом исчез. Нет, на месте, лежит на лавке, ботинки снял, аккуратно поставил, ладошку под голову подложил и сопит. Прямо не пьющий гражданин, а агнец божий. Растолкала его.

– Идем.

– Куда? Я женат, – язык еле ворочается.

– Сдался ты мне. Спать в темном, тихом месте положу, – отвечаю, а сама головой по сторонам кручу, то ли подмогу высматриваю, то ли лишних глаз боюсь.

Ботинки кое-как натянул, встал и чуть не упал. Подхватила я его. Смотрю, он желтый какой-то, сухой весь, пахнет не только перегаром и дорогим одеколоном, но и еще чем-то. Запах такой еле уловимый, сладковатый, как от прелых яблок с гнильцой. В дом такое не потащу. Во дворе как раз дорожка к летней кухне оттаяла, вот там и переночуешь, друг ситный. Правда, я там еще не была, но вот заодно и посмотрим, что там есть.

Дверь открыла, вошли в большое помещение с диваном, столом, табуретками и шкафом с посудой. Из него две двери, с левой стороны – предбанник в баню, а с правой – по всей видимости, и есть летняя кухня. Там стоит также диван, печка с плитой, холодильник, пара кухонных шкафчиков, стол большой и табуретки. Под потолком травяные веники висят, на полках расставлены пустые банки.

Заволокла подкидыша в кухню, на диван его кинула. Ведро около него поставила на всякий пожарный случай.

– Есть выпить? – спрашивает.

– Нету, откуда?

– Купи, – из кармана вытаскивает мятые купюры и на стол кладет, сверху банковскую карточку и бумажник. – Купи.

– Сейчас, ага... принесу тебе и выпить, и закусить, и табачку понюхать.

– Я не курю.

– Ну вот и славненько, значит, хату мне не спалишь, – усмехнулась я.

Сгребла все его добро, да в ящик стола кинула, очухается, заберет. Принесла ему литровую банку молочной сыворотки – от жажды похмельной помогает, да воды в ковшике. стакан граненый поставила на стол.

– Принесла? – не открывая глаз, спрашивает.

– Да, вон стоит.

Сама села печку растапливать, ночью все же холодно, да и помещение сырое да не протопленное. Налил себе, выпил, стакан поставил.

– Это что? – глаза открылись.

– Самогон местный.

Упал на диван, глаза закрыл.

– Принесла? – снова спрашивает.

– Да, на столе стоит.

Наливает полный стакан, выпивает.

– Вкус странный.

– Самогон деревенский.

– А-а-а, ну ладно, – падает на диван.

У печки тяга есть, а растапливаться никак не хочет.

– Агнета, ты думаешь, меня молочной кислятиной обманешь?

Поворачиваюсь, а посередине комнаты стоит мужичонка и так нехорошо улыбается. На диване лежит он же и пузыри пускает, и что-то сказать пытается. Смотрю на него, а у меня стадо мурашек по спине к затылку побежало, а потом обратно. В комнате и так зябко было, так меня вообще озноб прошиб, до самых костей проняло.

Мужичок-то улыбается, а зубки у него такие маленькие-меленькие, остренькие-остренькие. И с ногами что-то не то, не ботинки на ногах, а копытца, как у моих козочек.

– Что, Агнета, глазки-то вытаращила. Тащи нормальное пойло, к Бугульчихе сбегай. Ему-то от твоей печки ни жарко ни холодно, а мне скучно и голодно, позабавиться не с кем.

На пятую точку я так перед печкой и плюхнулась, дыхнуть боюсь. Сроду такого не видала, глаза потерла – стоит и ухмыляется, а тот лежит и пузыри пузырит на диване, да глаза таращит в потолок, словно блаженный.

– Не пойду я никуда. Сейчас в бане печь затоплю, да твоего подопечного в ней и упарю до состояния инсульта. Его парализует, а ты к нему привязанным будешь до самой его смерти. Вот и станешь с паралитиком веселиться – ни тебе выпить, ни тебе закусить, – подняла я свое седалище с полу, а саму трясет от страха, и зло одновременно берет.

– Ты же не такая, Агнетка, ты же совестливая да сердобольная, – и продолжает дальше скалиться.

– Ты его видел? Сколько ему осталось? А так в инсульте он лет десять пролежит, а ты рядом с ним томиться будешь. Так что я сейчас буду доброе дело творить, а ты мне не мешай, – уже сильно злюсь я на беса окаянного.

– Не хочу я быть привязанным к нему. Я жрать хочу, потешаться хочу, скучно мне, – уже не лыбится, а скалится по-звериному.

– Ну и иди туда, откуда пришел или к тому, кто тебя привел.

– Жинка меня к нему привязала, чтобы он по бабам не бегал и денег много зарабатывал, – отвечает бес.

– Ну и вали к ней, они же вместе живут, значит, связаны между собой и с тобой тоже. Давай, давай отсюда. Она баба здоровая, надолго тебе хватит.

Снова села печку топить. Вспыхнуло пламя, заплясал огонек по газетным листочкам, читает, видно, что в прессе пишут. Теплее стало, спокойнее. Захрапел подкидыш, не требует больше выпить. Обернулась, нет никого, вроде и дышать легче стало. Отстал он от него или нет, не знаю, да и не нанималась я бесов гонять, главное, чтобы его в моем доме не было.

Дверь прикрыла на замок, на всякий случай. Вода у подкидыша есть, ведро в наличии имеется, печка топится исправно – в комнату не дымит, пусть он отсыпается. Через три часа загляну, проверю. Сама коз пошла кормить, доить.

На ужин доели то, что в холодильнике было, ничего не готовила, устала. Молоко снова ферментами заквасила. Присела отдохнуть, глаза прикрыла, да, видно, задремала.

– Что же ты, Агнета, беса назад вернула, изгнать его надо было. Он теперь другому человеку вредить будет, – слышу голос женский. – Ты бы почитала бы записи в тетрадях, а потом самовольничала.

Вроде толкнул кто в плечо. Глаза открыла – нет никого, послышалось, видно, или приснилось. Спать надо пораньше лечь, а то чудится всякое.

Три девицы вечерком

Перед сном один раз заходила в летнюю кухню к подкидышу, подбросила еще угля и дровишек в печку, посмотрела, дышит ли он или нет. Спал, как мышка, посапывая и попискивая во сне. Хорошо, что не буйный, хотя таких сразу видно, но все, же на всякий случай, на замок закрою, чтобы не шастал у меня по саду и огороду посреди ночи.

Эксперименты с козьим молоком продолжаются. В одном из шкафов обнаружила сепаратор. Прогнала на низких оборотах молоко, получила маленькую баночку сливок и обрат низкой жирности. Он у меня на йогурт и кефир пошел. Вечером звонила мама, сказала, что блинчики вкусные, поблагодарила, а вот йогурт какой-то несладкий. Объяснила ей, что это домашний продукт, туда сама добавляй, что хочешь по вкусу.

В стиралку белье закинула. Пока там все стиралось, все боялась, что она сломается. У меня последнее время в городской квартире вся бытовая техника переломалась. Муж ворчал, что я ее специально ломаю, чтобы он не ходил к своей пассии, а чинил сломанное. Здесь все обошлось, исправно машинка отработала.

Посмотрели сериальчик с дочей, отвлекаться от всякого разного тоже нужно. Перед сном шкаф книжный проверила, на предмет тетрадей разных, все же надо в них иногда заглядывать. Нашла целую стопку: и совсем старые с самодельным переплетом, чернилами еще писанные, и относительно новые. С чего начать, даже не знаю. Нашла несколько дневников, вот с них, наверно, и начну, а то вдруг какое заклинание на ночь прочитаю, оно возьмет и свершится.

Взяла самый старый дневник, по моему мнению, и принялась читать. Писала его женщина, которая убежала из купеческого дома вместе со своим возлюбленным. Написала про родительское проклятие от отца вместо родительского благословения. Интересно было читать про все перипетии их совместной жизни.

Видно, под это чтиво я и заснула. Снится мне большое просторное помещение, по всей видимости, чердачного типа, с большим торцевым окном. Посредине комнаты стоит круглый стол,

за столом сидят две женщины, третья стоит около окна. На столе чайный сервиз, разложены карты. Одна из дам то ли гадает, то ли пасьянс разгадывает. Вторая что-то записывает в небольшую тетрадочку.

– Зря ты, Маргарита, девочку напугала, что она не правильно с бесом поступила. Я вот считаю, что все доб-ро или зло должно назад возвращаться к тому, кто его сделал. Вернула, и правильно сделала. Нечего лезть туда, куда не просят, муж ее любит, нет, ей денег много захотелось, да еще и страх примешался, что уйдет он от нее. Вот бес пусть и возвращается, потешается над своей хозяйкой, – сказала женщина, раскладывая карты.

– Ой, Аксана кто бы говорил. Ты вон помощников да охранников дома столько создала. Духи твои не такие уж и безобидные. Ладно Волк, он сам себя прокормит. Он и не уйдет от этого места никогда, больно уж оно приметное для всяких разных сущностей, для него просто лакомый кусочек. А вот Прошу кормить надо хоть иногда, и вовсе не молоком козьим и мясом. А ты что, Ангелина, молчишь? – спросила Маргарита, отложив в сторону свои записи.

– Мне тут так нравится, какое тут место хорошее, – произнесла полупрозрачная женщина около окна. – Тихо тут, спокойно, вот только вы, балаболки, никак не успокоитесь. Пусть тетрадки читает, да по сторонам внимательно смотрит, меня же вот никто не учил, до всего сама доходила. Тут у нее целая библиотека всего, да еще как его, этот, коллективный разум, – она махнула рукой.

– Ангелина, совсем ты безучастная ко всему стала, – покачала головой Маргарита.

– Вот ты только почила, ты и участвуй. Меня уже и не помнит никто, что ты от меня хочешь, – полупрозрачная женщина снова принялась смотреть в окно.

Постепенно картинка растворилась и перешла в другой сон с сюжетами то ли из прошлой, то ли из будущей жизни, а может, откуда-то из параллельных миров и вселенных. Утро разбудило ласковыми лучами, где-то закукарекали петухи, сначала один, затем другой, будя деревню. На улице щебетали птахи, радуясь новому дню. Около дивана сидел Проша и внимательно на меня смотрел.

– И чем же тебя, Проша, еще кормить? Вот задали мне задачку ведьмы.

Кот прыгнул на стол и начал копаться в тетрадах. Помня прошлый раз, прогонять не стала, но на всякий случай находилась начеку, мало ли, может, решит что-нибудь свое написать на страницах, так сказать, увековечить себя. Но нет, он не стал хулиганить, а скинул одну из тетрадей на пол. Почерк там другой, не такой, как в первых дневниках, и написано уже химическим карандашом и ручкой. Много записей о том, как создать себе помощника, как его призвать. Записаны разные опыты с созданием, с вызовами и прочими штуками. Пролистала, быстро просмотрела, нашла небольшую запись, что кот живет за счет той силы, что тратится на всякие магические заговоры. Небольшая пометка в углу: любит употреблять некоторых мелких существей.

Погладила котофея по голове, колдовать я не умею, но попробую делать что-то простое. Он одобрительно мявкнул и ускакал в недра дома.

Ну что же, нужно проверить нашего узника, может, уже встал, родимый, мается там, поди. Отперла замок, заглянула в кухню: сидит на диване, щурится, в окно смот-рит. Банка с сывороткой пустая и в ковшике воды нет.

– Утро доброе, – поприветствовала я его.

– Доброе. Скажите, пожалуйста, где тут у вас туалет? – спросил интеллигент, вставая с дивана.

– Туалет на улице.

В конце огорода был еще один обычный уличный туалет фирмы клозет, чтобы при огородных работах туда-сюда не бегать. Мы вышли с ним на улицу, и я махнула рукой в сторону, куда нужно было идти. Он поблагодарил и быстренько поскакал, словно козлик молоденький по грядкам. Ушла в курятник, яиц собрать да подружек пеструшек покормить. Сарайку открыла, чтобы погулять вышли. Смотрю, бежит гость назад, так же вприпрыжку.

– Ой, вы меня простите, там у вас туалетной бумаги нет.

– Подождите, сейчас принесу.

Принесла ему новый рулон, с ним он уже бежал, как угорелый. Сыворотка штука полезная, а особенно если в тепле ночью постоит, то чистит организм со свистом. У козочек подмела, подоила их, выпустила на прогулку, пусть воздухом свежим подышат. Выхожу

из козлятника с молоком да с миской с яйцами, идет навстречу размеренно, важный такой.

– Ну, теперь идемте чай пить, – и руку мне протягивает: – Разрешите представиться, Константин Петрович.

– Агнета, руки можно в доме помыть, – кивнула на его протянутую руку.

Вытер их об себя.

– Агнета, а вы не знаете, когда за мной Машенька приедет? – продолжил он любезно со мной разговаривать.

– В душе не чаю.

– Она обычно меня на следующий день забирает.

– Какая добрая женщина. А деньги за постой платит?

– Что-то я вас не понял, Агнета, – он так смешно произносил мое имя, словно его во рту перекачивал.

– Ну так ваша Машенька выкинула вас около моего забора. Вы у меня переночевали, теперь вот чай мой собрались пить, наверно, с моими бутербродами и с моей кашей. А если вас ваша Машенька не заберет, так еще и обедать будете, а может, даже ужинать. Я же не благотворительная организация, – покачала я головой.

– Ах, вот вы о чем. Да, да я заплачу. Маша всегда с такими, как вы, сама договаривалась.

– С какими такими?

– Ну, которые из запоев выводят. Я вот сегодня себя чудесно чувствую, даже похмеляться не тянет.

Мы зашли в дом. Поставила чайник, процедила молоко через марлю в чистую кастрюлю. Плеснула в блюдце котофею.

– Вы не знаете, где мои вещи?

– Деньги, кошелек, карточка и телефон в столе в летней кухне, где вы спали, – ответила я, хлопоча по хозяйству.

– Спасибо, пойду заберу.

– Давай, давай.

Подкидыш ушел за своими сбережениями, а я решила сварить кашу.

– Ой, извините меня еще раз, где можно умыться?

– В летней кухне есть умывальник. Сейчас воду тут открою, там она в кране появится.

Полотенце принесла ему из шкафа в той комнате, где стояли нары.

– Если нужно помыться, то с баней разбирайся сам, – гражданин начал меня раздражать своей назойливостью.

– Ну что же вы так, Агнета, мы с вами на брудершафт не пили, – обиделся товарищ, что я к нему на ты.

– Летняя кухня там, – ответила я и указала пальцем на дверь.

Он обиженно хрюкнул и вышел прочь из дома.

– Мам, кто это у нас? – в кухню зашла заспанная Катюшка.

– Константин Петрович у нас, – хмыкнула я.

– Ты же обещала, что мы с тобой сегодня будем комнату для меня освобождать, – надула губы Катерина.

– Будем, вот Константин Петрович нам в этом и поможет. Не гость, чтобы вокруг него прыгали.

Собрались все за столом завтракать. Наложила всем каши манной, хлеб нарезала, чай налила, сливок в пиалушке поставила и сыра козьего на тарелочке.

– Ой, вы знаете, я такую кашу не люблю, да и чай я такой не пью, – поковыряв в тарелке ложкой, сообщил гражданин алкоголик.

– Жри, че дали, – рыкнула я на него.

Катюшка захихикала.

– Маму злить нельзя, у нее все всегда вкусно, а если не вкусно, то вилкой в глаз.

Товарищ придвинул тарелку и стал молча жевать кашу, заедая ее бутербродом с сыром. Дальше мы завтракали молча.

Капризы взрослого мальчика

– Ну что, Константин Петрович, звонили своей Машеньке? – спросила я, намывая посуду после завтрака.

– Звонил, трубку не берет, – тяжело вздохнул подкидыш.

«И не возьмет», – подумала я про себя, но ничего не сказала.

– В половине пятого приходит автобус. Вы можете на нем уехать в город, – хотелось поскорей избавиться от чужого человека.

– Я не привык ездить в общественном транспорте, – обиженно ответил Константин.

– Ну, давайте попробуем вызвать такси. Погода сегодня чудесная, еще день. Деньги ведь для вас не проблема, – предложила ему еще один вариант.

– Я привык, что меня забирает Машенька, – посмотрел на меня исподлобья интеллигент.

Я села напротив упрямого гражданина алкоголика.

– Константин Петрович, вы, наверно, не понимаете всю ситуацию происходящего. Ваша жена выкинула вас вчера около моего забора в невменяемом состоянии. Я пожалела вас и оставила ночевать в летней кухне. Теперь я хочу, чтобы вы, совершенно посторонний мне человек, покинули мой дом. Я вам ничего не должна, пока только вы передо мной в долгу, – стала объяснять товарищу интеллигенту весь расклад.

– Я когда долго пью, неделю, две, Машенька отвозит меня к какой-нибудь бабке. Там меня выводят из запоя в течение нескольких дней. Потом она меня забирает. Она говорит, что у них дар и платить им ничего не надо, – он посмотрел на меня внимательно.

Теперь понятно, почему эти люди не бедствуют: потому что они внаглую берут то, что хотят, и не платят за это.

– Ну, у меня нет дара, так что я с удовольствием приму от вас небольшой презент в виде нескольких денежных знаков. Так сказать, за крышу над головой и кашу манную, – я редко с кого что-то требую, но вот такой потребительский подход меня просто возмутил.

Он тяжело вздохнул и принялся снова названивать своей благоверной, но та не брала трубку.

– Я вас понял, не ко двору я тут пришелся, не по вкусу вам интеллигентные люди, – пафосно сообщил мне Константин, тяжело вздохнул и отвернулся к окну, громко сглотнув комок в горле.

– Константин, я вас умоляю, меня манипуляциями не возьмешь. Может, участкового вызвать, чтобы он вам разъяснил, что к чему? Прямо цирк с конями какой-то, – усмехнулась я.

Он повернулся ко мне, надо сказать, выглядел он не очень. Лицо, замученное водами нарзана, усталость и беспросветная тоска в глазах.

– Вы знаете, Агнета, мне кажется, у нее кто-то появился, и она сейчас с ним. Честно говоря, мне не хочется ехать домой. Я боюсь застать ее с ним, боюсь этой точки невозврата. Она давно меня не любит, да и, наверно, не любила никогда, разве такая красивая женщина обратила бы на меня внимание. Я понимаю, что доставляю вам неудобства, но туда возвращаться в выходные не хочу, – честно признался Константин и снова отвернулся к окну.

– Вы можете поехать к своим родственникам, к друзьям, в гостиницу, в конце концов, – мне хотелось избавиться от него, чужие люди меня всегда напрягали.

– Машенька ото всех избавилась, – тяжело вздохнул он. – Позвольте остаться мне у вас до понедельника. Рано утром я уеду, вызову водителя. Я заплачу вам за доставленные неудобства. У вас есть банковская карточка? Номер телефона ваш можно? – он вытащил смартфон из пиджака и приготовился набирать номер.

– С несколькими условиями: вы спите в летней кухне, я вас не развлекаю, вы мне не мешаете, едите то, что я приготовила. Если вам моя еда не по вкусу, то предупреждаете об этом заранее, а не тогда, когда я уже ее положила в тарелку, а вы там поковырялись. Все понятно?

Он кивнул головой, я продиктовала свой номер. Через несколько минут у меня пиликнул телефон, товарищ положил мне на карту пять тысяч. Ну что же, неплохо, выцыганила все-таки денежку.

– Константин, у нас сегодня в планах был разбор комнат. Вы с нами или посидите в летней кухне? – поинтересовалась я.

Он пожал плечами.

– У меня по мужским делам твердая тройка, я умею только деньги зарабатывать, а вот все остальное не ко мне. Но вот в летней кухне сидеть не хочется, там, понимаете ли, грязно, пыльно и душновато.

– В чем проблема, ведро я вам дам, тряпку тоже. Можете убраться, и будет чисто, ну и окна открыть не возбраняется, – усмехнулась я.

Он на меня внимательно смотрел, изучающе так.

– А вы мне нравитесь, Агнета, я бы вас взял на работу к себе, работать с возражениями клиентов.

– Ну, так дать вам ведро с тряпкой? – не отступала я.

– Успеется, давайте займемся вашими комнатами сначала.

Надо было найти инструменты для разбора старой мебели. В городской квартире я знала, где что находится, а тут искать нужно. Скорее всего, они лежат либо в гараже, либо в подполе. Спустилась вниз, в комнате с травками-отравками нашла небольшой ящик с инструментами, достала несколько отверток, большую плоскую и крестообразную.

Поднимаюсь наверх, а на кухонном столе сидит Проша и, не мигая, смотрит на Константина, который пристроился на местном диванчике.

– Что-то ваш кот так на меня смотрит странно, – испуганно поеживаясь, выдал товарищ.

– А вы ели из его тарелки и сидите на его месте, – я решила пошутить.

Он слабо улыбнулся.

– Проша, молодец, слезь со стола, негодник, – погладила я кота и спихнула его на пол.

Мы все втроем отправились в хозяйскую спальню, предстояло разобрать кровать, один шкаф и комод.

– Мам, давай не будем забирать мою мебель от дяди Сережи, я хочу новую кровать, а то неизвестно кто там на ней без меня валялся, да и вообще, мне кажется, я уже из нее выросла. Шифоньер пока не разбирай, а то куда мы вещи будем складывать, и комод мне нравится, давай оставим, – стала просить Катюшка.

– Ковер со стены, может, хоть снимем? – спросила ее.

– Ковер снимем, – она рассмеялась.

Убрали с кровати подушки, покрывало, одеяло и постельное белье. Залезла на кровать и аккуратно сняла ковер с гвоздиков, он на специальных колечках висел. Внизу его ловил Константин Петрович. Было принято решение ковер вынести на улицу, выбить, постирать, посушить, а затем постелить в спальне на пол вместо

тряпочных половиков. Белье отправлю пока в сарай вместе с матрасом и кроватью. Половики тоже в стирку и на летнюю кухню.

Ковер, барахло, матрас и пружинные подушки из дома выносил Константин. Было видно, что ему тяжело, он пыхтел, краснел, тужился, но не роптал. Разбирать кровать пришлось самой, так как господин никак не мог сообразить, какой отверткой лучше воспользоваться. Но мы сами с усами, и умеем и можем, и на чью-либо помощь до этого я вообще не рассчитывала. Так что обошлась своими силами, тем более там особо разбирать нечего было. Управились к обеду. Все убрали в сарай, конечно, захламлять его не хотелось, но я просто не знала, куда все это девать. Повешу объявление на магазине «Отдам кровать в хорошие руки», может, кто и заберет.

На обед приготовила тушеную картошку с деревенской курочкой, открыла банку с солеными огурцами и помидорами, да хреновины поставила. Салат никакой не делала, не до него было.

– Эх, красота какая, – оглядел стол Константин, – Не хватает еще бутылочки со стопочками.

– Эка тебя разморило, Константин Батькович, а салом по мусалам не желаете? – возмутилась я.

– Я денег дам, – полез он в карман. – Сбегай, Катюша, за бутылочкой беленькой, выпьем за знакомство и для аппетита, – и стал совать смятые купюры дочери.

– Так, Константин Петрович, в четыре с копейками автобус идет до города, так что давай собирай свои манатки и на выход. На остановке и выпьешь, и закусишь. В моем доме не пьют для аппетита и с устатка, и за знакомство, и за здоровье тоже.

– Так мы же по чуть-чуть, ну, не хотите беленькой, Агнета, так давайте красненького, – стал уговаривать меня гражданин алкоголик.

– Я неясно выразилась? В моем доме мои правила. Вы со своей Машенькой не особо спорите, а тут у меня порядки свои устанавливаете, – я покачала головой и принялась за картошку.

Он замолчал и надулся, как мышь на крупу. Стал ковыряться ложкой в еде, типа не идет мне ваша пища без топлива. Да нехай дуется, к вечеру оголодает, за милую душу все есть будет. Поела, стала тарелки собирать, у него почти полная, он ее так нехотя от себя отодвигает, а на морде лица вселенская печаль.

– Я коту отдам? – спрашиваю.

Вздыхает, отворачивается, ну что за детский сад, мальчик Костя из младшей группы.

– Я доем, не хочу вас расстраивать, – и тянет тарелку к себе.

– Ну, ешь, чего ковыряешься, там еще в одной комнате мебель нужно разобрать, рассусоливать некогда. Посуду тогда сам будешь мыть за собой, только воды много не лей, у нас септик.

Пока чай наливала, варенье доставала, в его тарелке как-то стало пусто, только ложка сиротливо болтается. Катюха рядом сидит, посмеивается. Почаевничали да пошли нары разбирать. Катюшка ушла в свою новую комнату убираться.

– После еды физические нагрузки противопоказаны, – авторитетно сообщил мне Константин.

– Я и не заставляю, можете идти в летнюю кухню. Я даже могу вам телевизор туда отдать, мы его все равно не смотрим, – я пожала плечами.

Одной, конечно, сложно будет разобрать и дольше, но можно.

– Что вы меня все летней кухней пугаете, как маленького ребенка углом, – стал он возмущаться. – Я деньги заплатил, имею право ничего не делать.

Да что же он все со мной бодается-то, надоел уже, честное слово. Капризный и избалованный, не мужик, а дите малое.

– Мы с вами договаривались только на летнюю кухню, в доме посторонним делать нечего, – устало произнесла я и принялась стягивать матрасы с коек. Их я планировала сжечь.

Он стоял в дверях и наблюдал за мной, у него ходили желваки, видно, от злости. Плохое настроение, нервозность, психи – все это признаки похмелья. Вот только почему-то отсутствовало чувство вины. Но и нянчиться я с ним не собиралась. Он демонстративно достал телефон и принялся звонить своей благоверной. Трубку взяли.

– Але, – послышался пьяный голос Машеньки, – чего тебе, козел старый, надо? Протрезвел, что ли? – она икнула. – Ты мне тут ни в какое место не сдался, – послышалась отборная брань.

Константин весь покрылся красными пятнами, открыл рот и попытался что-то вставить в ее монолог, где и как она всех любила и в какие места. Потом она отключилась, так и не дав ему что-либо сказать. Он опустил голову и молча принялся сворачивать матрасы

и вытаскивать их на улицу. Опять я разбирала мебель, а он выносил запчасти. Все делалось молча, человек был явно подавлен.

У меня пикинул телефон, пришло сообщение от мужа: «Ты меня закрыла? Не знаешь, где мои ключи? Я вчера вел себя прилично?». Ответила: «Закрыла, где ключи, не знаю, когда я пришла, ты спал». Новое сообщение: «Прости меня, я козел. Я понимаю, что такое простить невозможно, но может быть, когда-нибудь ты сможешь это сделать. Мне очень плохо. Я позвоню?». Ответила, что сейчас занята, часа через три, может быть, освобожусь. «У тебя там мужик, что ли? Как ты быстро меня забыла».

Что это было, Пух? К чему это все, лыко да мочало – начинай сначала. Отключила телефон, чтобы не трепать себе дальше нервы. Хватит мне пока одного мозгоправа с вселенской печалью на лице.

– Агнета, где у вас ведро с тряпкой? Я полы помою у себя, да пойду отдохну, что-то совсем сил не осталось после физических работ, – вырвал меня из моих дум Константин, улыбаясь виновато.

Я тяжело вздохнула и пошла за ведром, как раз Катюшка все домывала в своей комнате. Ну хоть эту кислую физиономию не буду видеть до ужина.

ДЫМ ИЗГОНЯЮЩИЙ

Устала, как беговая собака у чукчей. Плюхнулась в кресло-кровать, ее убирать не стала, пусть стоит. Оглядела комнату, остался стол и старенький шифоньер, в нем лежит чистое белье для бабушкиных постояльцев. Его отправлю в летнюю кухню вместе с содержимым, но сейчас нет сил и желания таскаться с ним. Помою полы с солью: натрясли трухи и пыли с матрасов и кроватей.

Нашла еще одно ведро. Налила воды и насыпала соли для очищения помещения от всякой нечисти и негативной энергии. Быстро пробежалась тряпкой по подоконнику и полам. На пороге сидел Проша и рассматривал помещение.

– Ну что, Прошенька, подымим, поколдуем? – спросила я кота.

Он одобрительно мявкнул. Спустилась в подпол за веничком из полыни, можно, конечно, и шалфеем окуривать, но горькой травкой мне больше нравится, а воняет одинаково противно. Дочу выставила на улицу, пусть свежим воздухом подышит. Сама зажгла полынь и пошла по всем комнатам сначала по часовой стрелке, а затем против, чтобы уж наверняка прогнать всех непрошенных гостей из параллельных миров.

– Дом от зла я очищаю, негатив я изгоняю, чтобы жить и не тужить, и в ладу с собой дружить. Кыш, брысь из дома, злобная нечисть, уберись, а духи добрые, останьтесь, но помните, здесь я хозяйка, а вы только гости.

Проша ходил за мной и по углам что-то лапкой собирал и с громким хрустом лопал. Решила посмотреть, что же у него там такое. Первым был небольшой паучок с головой, похожей на человеческую. Это существо пыталось убежать, быстро перебирая лапками и что-то вереща, но кот его поймал и схрумкал. Второе было похоже на черно-фиолетовую ящерицу с мышинным хвостом. Остальные находки кота не разглядывала. Видно, осели в доме после приходящих постояльцев, притаились и ждали подходящего момента. Дымом их выкурила, а Проша подъял всех, надеюсь, что всех.

Открыла все окна, пустила свежий воздух. Каждый сезон пахнет по-особенному, даже ранняя весна отличается своим ароматом

от апрельской весны. В комнаты ворвался запах талой воды, земли, прелых листьев и свежести. В кухню продефилировала первая муха, которая была благополучно поймана Прошей. Скоро и комары с мошкой появятся.

На готовку не было сил, поэтому просто смешала творог, яйца, манку с сахаром, добавила замороженной смородины и отправила все это в духовку. На ужин будет запеканка.

Отправилась к козам, девочки мои сосредоточенно подъедали пробивающуюся травку на огороде. Увидели меня с ведром и нехотя пошли на дойку. Такие смешные, характер, кстати, у них покладистый. Я-то всегда думала, что козы хулиганки и драчуньи, а тут мне, видно, повезло, три раза сплуну, чтобы не сглазить.

Постояльца что-то моего видно не было, может, уработался и уснул. На обратном пути с молоком завернула к нему. Он сосредоточенно домывал баню, о как его на труд физический пробило.

– Грязно у вас, не могу в грязи жить, да и баньку хотел затопить, если вы не против. Давно в бане не парился. Когда молодой был, все мечтал дом свой иметь, чтобы там баня была, огород, виноградник, чтобы вино свое ставить, коньяк делать. Коттедж построили по Машиному проекту, баня для нее – фу, виноградник – тебе что, делать нечего. Так и махнул на это все рукой. Засеяли все газоном, посадила она розы, да беседку с мангалом поставила, – он тяжело вздохнул.

– Ну, теперь в бане, благодаря вам, чисто. Дрова в дровянике, там же, кажется, и топор есть. Если что, наколите сколько надо. Прежде в бак воды не забудьте налить. Через полчаса запеканка творожная будет готова, если хотите, могу суп для вас погреть или обедешную картошку.

– Я вчерашнее не ем, и то, что в обед сегодня ел, тоже не ем. А от молока сейчас не откажусь, – заглянул он ко мне в ведро.

– Суп не вчерашний, а позавчерашний, погрею, будет сегодняшним, – налила ему в стакан молока.

– Нет, спасибо, обойдусь запеканкой, – отказался он от такого заманчивого предложения. – Вкусное какое молоко. Коровье? – отпил он немного из стакана.

– Козье, – усмехнулась я.

Он одобрительно кивнул и допил оставшееся молоко. Я ушла колдовать на кухню, а он остался в бане мудрить с печкой. Остатки утешного и свежее вечернее молоко отправила на сыр. Дочь в своей новой комнате расположилась прямо на полу и что-то там рисовала, периодически заглядывая в ноутбук.

– Мам, я тут переночую?

– На чем? Кровати-то нет, кресло тебе, может, раскладное сюда притащить?

– Не хочу на кресле, оно пахнет неприятно. Может, на полу? Буду спать, как буддийские монахи, на коврике, – она улеглась на голый пол, изображая, как будет тут спать.

– Давай диван из кабинета сюда затолкаем, тогда я буду ночевать в зале, – предложила я.

– Ладно, не надо, что мы его туда-сюда тягать будем. Пару-тройку ночей-то я и в зале посплю.

Вот озадачила меня Катюшка с кроватью, это же за новой мебелью надо в город ехать.

Согрелся чайник, поспела запеканка. На ужин явился постоялец.

– Воды в бак залил, печь растопил, через час-два баня будет готова, – отрапортовал Константин. Первый раз за весь день он улыбался, явно был доволен собой.

– Молодец, садись, чай сейчас пить будем с творожником, – в ответ улыбнулась я.

На стол поставила в пиалушке сливок, варенья яблочного и домашней сгущенки, выбирай, что хочешь, или ешь так. Положила всем по кусочку запеканки в тарелки, налила чай, уселись ужинать.

– Ой, вкусно-то как. В детском саду всегда запеканку любил, хоть она и кисловатая у них была. А тут и сладкая в меру, и с легкой кислинкой, и с ароматом смородины. Чудесная вещь, – произнес Константин, облизывая ложку.

– Ну, хоть в чем-то угодила, – улыбнулась я.

– Вот только кот ваш как-то на меня смотрит странно, – кивнул он на кота, который забрался на стул и внимательно следил за каждым движением гостя.

Проследила за его взглядом, и мурашки поскочили по всему телу, начиная от затылка, и закончили свой ход где-то в районе пяток. Вокруг шеи гражданина обвилась маленькая черно-зеленая змейка, ее

хвост уходил куда-то в тело. Периодически она поднимала свою головку и шипела в сторону Проши. Я протянула руку к ней, и она попыталась меня ужалить. Константин испуганно отшатнулся от моей руки. Со стороны это выглядело весьма странно, кроме меня и Проши эту дрянь никто не видел.

– Мошка около вас летает, – пояснила я.

– Ну да, весна на дворе, просыпаются разные насекомые, – кивнул он, уплетая второй кусок запеканки.

Сложно было отвести свой взгляд от змейки, а она заметила, что зрителей у нее больше стало, и продолжила уже шипеть и в мою сторону.

– Константин, как вы себя чувствуете?

– После вчерашнего? Если сравнивать с тем, что раньше у меня было, то просто замечательно. Ну а в молодости бывало и лучше, – отпил он чаю.

Встал, помыл руки и ополоснул за собой тарелку с чашкой.

– Пойду баню проверю. Вы мне полотенце не дадите какое-нибудь? – спросил он. Выглядел товарищ весьма бодро.

– Да-да, сейчас, – выдернула полотенце из стопки, предназначенной для постояльцев.

Он ушел, а я была просто в растерянности от увиденного.

– Проша, это же что-то нехорошее? Да? – спросила я кота.

Он одобрительно мявкнул. Решила не полагаться на мнение кота и посмотреть на картах. Таро подтвердили мои опасения, тут и угроза здоровью имеется, и смертельная болезнь, и крушение всех планов. Вот как бывает у человека: и бес сидит, и сущность какая-то, а может, и порчу кто навесил, товарищ-то с изюминкой запашистой. Спросила у карт, могу ли я это снять; дали добро, надо, чтобы и сам Константин этого захотел. И самой решить, надо мне это или нет.

Вдруг у меня галлюцинации начались – от полынного ли дыма или опухоль какая в мозгу образовалась и мне просто это мерещится.

Попарился в баньке

Долго думала – убирать эту гадость у него с шеи или нет. Безумство и отвага – это не ко мне, только в состоянии отчаяния могу сделать необдуманный шаг. Посмотрела, почитала тетрадки, ни к чему душа не лежит, все не то. Да и много записей, разбираться надо с каждой.

Время идет, а Константин Петрович из бани не выходит, может, сразу к себе на летнюю кухню прошел, да спать улегся. Но после банных процедур всегда пить хочется, а он такой привереда, воду из-под крана пить не будет, чай запросит. Да и спать ложиться на не застеленный диван мало приятного, не пьяный, чать. Беспокоиться начала да и потопала болезного проверять.

Захожу в предбанник, а там дым из-под двери пробивается. Открываю парилку, а там все в дыму. Это чудилко веник старый можжевеловый решил подсушить и положил его на печку. Видно, он его сначала замочил, а потом решил ароматным паром подышать и разложил его не на горячих камнях, а на печной железке. Поплохело ему от жары, да и не заметил, как отключился. Потрогала его, вроде живой, дышит.

Рядом эта гадость ползает и его во все места кусает, видно, не нравится ей можжевеловый дым, если от него отлипла. Так я по ней этим дымным веником давай настукивать.

– Ах ты дрянь такая, иди, откуда пришла, за моря да за океаны, в гнилые топи, да непроходимые места, где нога человеческая не ступает. Да что бы тебе там сгинуть во веки веков, да лопнуть от твоей жадности, да забрать с собой всю гадость, что ты Константину, рабу божьему, причинила. Знать тебя не знаю, ведать не ведую, в огне тебе гореть, земле тебя предать, водой тебя смыть, да в дыму тебя уморить. А ну, пошла, окаянная, из моего дома и с моего двора. Да будет так, все, что я сказала, все сбудется, ключ, замок, язык, да будет так.

Змейка надулась, как воздушный шарик, да вылетела из бани. Тут-то ее Проша и словил да схрумкал.

– Ох, Проша, ешь ты всякую гадость, я же на нее чего только не наговорила. Смотри, не заболей, – покачала головой, смотря, как кот дожевывает змеюку.

На болезного гражданина водой побрызгала, не стала на него много лить, а то скопытится у меня еще в бане, а мне потом как ей пользоваться. Задышал ровно, глазки открыл, смотрит на меня удивленно.

– Где я? – спрашивает.

– В преисподней. Вставай давай потихонечку, а то ишь тут развалился, муди раскидал по полу. Кто же с похмелья-то парится, это вот надо до такого додуматься, – бурдела я, приподнимая его тушку.

– Агнета, вы же весь жар выпустили, дверь открыли, – сказал он мне укоризненно.

– Хорошо, что ты дух не испустил с таким жаром и дымом, – покачала головой, помогая ему подняться.

Сунула ему полотенце, чтобы прикрылся, да вывела в предбанник.

– Сиди тут, сейчас я тебе чаю сладкого принесу.

Сбегала домой, налила чай травяной в самую большую кружку, добавила пару ложек сахара. Захожу, сидит на диванчике, полотенцем обернулся, смотрит на меня.

– Агнета, я, когда там на полу лежал, видел всякое.

– Что видел? – спросила я.

– Что меня змей огромный сожрать хочет. А потом пришла женщина в черно-белой одежде и била его какой-то странной штукой. Змей вылетел, а его какое-то страшное существо сожрало, – и смотрит так на меня внимательно.

– Как это понять – черно-белые одежды?

– Ну, она поворачивается, то у нее одежда черная, а то повернется – белая.

– Странно это все, от жары и от дыма, наверно, привиделось. Ты бы, Константин Петрович, после деревенских каникул к врачу сходил бы, сердце и печень проверил. Не шутят с этим. Ну, и с алкоголем завязывай давай.

Он отпил немного чая.

– Вкусный он у вас, с травками, – зажмурился.

– Постельное белье принести? – спросила я.

– Постельное надо, и книгу мне какую-нибудь можно почитать? – попросил он.

– Одевайся и в дом заходи, все выдам, – скомандовала я.

Зашла в дом, достала из шкафа в дальней комнате белье да подушку с одеялом. Вынесла в кухню и положила на табуретку.

– Мам, там тебе дядя Сережа звонил и еще какой-то Виталик, я не стала трубку брать, – вышла Катюшка из комнаты.

– Хорошо, – сказала я и отправилась искать свой телефон.

Пишу одному и другому в Вайбере: «Что хотел?». Тут же звонок от мужа.

– Привет, Агнета. Что делаешь? Как дела? Как настроение? Сказала, через три часа свободна будешь, вот звоню, – голос весьма бодрый.

– Привет. Козий сыр делаю. Настроение отличное. Я вещи оставшиеся хотела забрать, а то ходят в квартиру всякие, потом придется зимнее нам с Катюшкой покупать.

– Агнета, да ладно тебе, поиграла в домик в деревне и хватит, возвращайся. Я вот вернулся, и ты приезжай. Хочешь, я за вами приеду? – спросил Сергей.

– Сережа, мне тут хорошо, я тут дома. У меня тут и курочки, и козочки, и кот вот появился, и Маруське тут больше нравится, чем в городской квартире. Катюшка уже обустроилась. Да и стыдно мне мешать тебе личную жизнь налаживать. Я же мешаю тебе пить да гулять.

– Променяла меня на коз с курами, – засмеялся Сергей. – Давай я к тебе приеду, поговорим, все обсудим. Только я, наверно, завтра не смогу, что-то тяжело я стал отходить от пьянок. Сердечко барахлит, и температура подскочила.

– Чаю себе завари, попей, легче станет, – ответила я, жалко мне его горемычного. – Ключи-то нашел?

– Нашел, в коридоре на полу валялись. Виталик ничего тебе не говорил? – в голосе послышалось напряжение.

– Говорил, какая я классная и что в жены бы меня взял хоть завтра, – смеясь, ответила я.

– Вот козлиная, а еще друг называется, – усмехнулся Сергей.

– Агнета, а где можно книгу взять? – услышала я голос Константина из коридора.

– Сейчас, – ответила я в трубку и господину алкоголику.

– У тебя там мужик, что ли? – спросил муж.

– Сосед зашел за книгой, – прошла я в зал и знаком поманила Константина.

Показала ему на книжный шкаф, жестом объяснив, чтобы он брал все, что нравится. В зале стояли приключенческие книги и многотомники классических авторов. Вся литература, не предназначенная для чужих глаз находилась в кабинете.

– Ты это, прости меня, не обижайся, – опять завел пластинку Сергей. – Ой, мне кто-то звонит, попозже поговорим. Хорошо?

– Ага, до связи, – ответила я и отключилась.

Константин взял что-то из «Капитана Блада», захватил белье и пожелал спокойной ночи. Я ответила тем же и закрыла дверь за ним. Маруся грустно на меня смотрела.

– Что, собачка, соскучилась по хозяину?

Она тяжело вздохнула и отвернулась.

Порча

Потрепала псинку за ушком. С Прошей они общий язык нашли, могли на полу вместе, свернувшись в единый комок, спать. С едой тоже разобрались, не отбирали друг у друга.

– Мам, а что ты с дядей Сережей совсем не разругаешься? Что он все тебе названивает? – спросила Катюшка.

– Есть несколько причин не делать этого. Во-первых, мы с ним прожили десять с лишним лет, и он всегда относился к тебе и ко мне хорошо, до последних событий. Во-вторых, в квартире остались наши с тобой вещи, картины, вышивки, книги. Если я с ним разругаюсь, то, как ты думаешь, что он может с ними сделать? Живем с одним человеком, а уходим совершенно от другого. Ну и, в-третьих, вдруг в будущем он мне понадобится, – закончила я свою речь.

– Ну да, если он выбросит наш с тобой зимний гардероб, то придется довольно крупную сумму отдавать за одежду и обувь, – задумалась дочь.

– И я о том же. Согласись, не такой уж он и плохой человек, если бы не особенности его организма, с которыми я больше не могу и не хочу мириться.

– Мамуль, я тебя поняла, – чмокнула меня Катюшка в щечку, и пошла дальше рисовать своих анимешных героев.

Запиликал телефон, кто-то усиленно забрасывал меня сообщениями. Пара сообщений была от Виталика, извинялся, что не приехал в гости, как обещал. Он случайно выпил шампанское и вино, а потом отполировал все это с соседом самогонкой. Посмеялась над его «случайно», этого и следовало ожидать. Пожелала ему скорейшего выздоровления.

Семь сообщений пришло с незнакомого номера. Гражданка мужа забрасывала меня гневными словами, требовала, чтобы я оставила его в покое, забыла о нем и занялась уже своей личной жизнью, а то она за себя не ручается. Она писала и писала, телефон не успевал принимать ее сообщения. Ответила ей, чтобы она забирала мужа, если, конечно, он к ней пойдет, а затем отключила аппарат. Не готова я принимать этот бред на ночь глядя.

Доделала все дела и улеглась спать. Половину ночи снилась какая-то женщина, которая долбилась в стену. Вот как панночка в «Вие» со всего разлета об стену ударялась, так и та дама в моем сне. Платье у нее длинное кремовое, волосы средней длины черные, худая. Смотрю на нее и думаю, больно, наверно, так долбиться, стена каменная прочная, не пробьешь, а она все ее пробить пытается всем своим телом.

Утром на улице солнышко, птички поют. Так салатика сырного захотелось, аж слюна потекла при мысли о нем. Все продукты в доме есть, только майонеза не хватает. Поставила яйца вариться, три на салат, а четыре на завтрак. Вода сразу как-то сразу мутной стала, хотя я их помыла. Ну, мало ли, может, реакция какая с водой. Ушла утренние процедуры проводить. Вернулась, вода кипит, а все яйца сверху плавают, как будто они пустые.

Сунула их под ледяную воду, немного остудила и принялась чистить. В них не было желтка, притом во всех. Его словно кто-то вытянул – белок был, а вот на месте желтка пустота. Меня аж передернуло, собрала все почищенные яйца, три штуки отдала Проше, три Волку, а одно оставила. Значит, салат буду делать без яиц.

Зашла к курочкам, поменяла им водичку, насыпала дробленки, собрала снесенные за ночь яйца. Открыла им дверь, пусть погуляют. Пошла к козам, там все, как всегда. Подоила и с ведром в дом отправилась. Принесла молоко, а оно у меня на глазах свернулось и затухло. На поверхности начала образовываться плесень. Подхватила и понеслась с этим добром на улицу.

– Ну ты и дура, это надо же до такого додуматься, – в сердцах сказала я.

Выливая порченное молоко на пустыре около заброшенного дома, приговаривала:

– Порченное молоко выливаю, все тебе назад возвращаю в двойном размере, чтобы у тебя так же тухло в жизни было, как в этом ведре. Пусть будет так, как я сказала. Аминь.

Пока выливала, три раза повторила, да от души, да представив ту даму, что в стену долбилась. Сходила за пустым яйцом и лопаткой. Прикопала его там же, только пожелания другие отправила и тоже все с возвратом. Пусть теперь своим же «добром» захлебнется.

В следующий раз, может, подумает, как людям пакостить. Плюнула на то место, где яйцо закопала, и отправилась домой.

– Тетя Агнета, тетя Агнета, подождите, – услышала я знакомый детский голосок.

Остановилась около калитки.

– Здравствуй, Настя, а молока сегодня нет. У тебя вчерашнего дома не осталось? – спросила я девочку.

– Осталось немного, на пару кормлений хватит, наверно, если оно конечно не закисло.

– Могу йогурт тебе дать, правда, братишка у вас еще маленький, не знаю, можно ему или нет, – предложила я.

– А вечером молоко будет? – спросила она с надеждой.

– Должно быть, я надеюсь, – посмотрела я на то место, куда тухлое вылила.

– Я вечером приду, часов в пять. Хорошо? Папа вам денежки за молоко перечисляет? – спросила Настя.

– Приходи в пять. Папа твой исправно платит, – улыбнулась я.

Девочка помахала мне ладошкой и побежала в сторону своего дома.

В кухне уже крутился Константин Петрович.

– Утро доброе, – радостно поприветствовал меня товарищ. – А что, каши сегодня не будет?

– Вам же вчера она не по душе пришлась, – усмехнулась я. – Позавтракаем останками запеканки и бутербродами с сыром, или просто сыром, – достала я позеленевший хлеб.

– Агнета, вы вроде хозяйка хорошая, а у вас вот такое тут хранится, – скривился Константин, кивнув на плесневелый хлеб у меня в руке.

– Вот не поверите, Константин, сама в шоке, – отнесла я буханку на улицу.

В душу закрадывались нехорошие сомнения, и я с ужасом открыла холодильник. К счастью, продукты там не испортились. Все пересмотрела и перенюхала, вроде порча не успела коснуться холодильника. Решила ничего на завтрак не готовить, боялась, что в руках продукты начнут портиться. Дочь накрыла на стол, позавтракали.

– Эх, хорошо, но мало, – причмокнул Константин, доев последний кусочек запеканки.

– Вы же вчерашнее не едите? – подколола я его.

– Ну, мы же это сегодня едим, значит сегодняшнее, – рассмеялся он, настроение у него было хорошее.

Он пробрался в зал и выбрал еще несколько книг с книжной полки.

– Агнета, если я вам нужен, то скажите, а если нет, то я пойду читать. Давно так себя хорошо не чувствовал, – он улыбался.

– Пока ваша помощь не требуется. Может, после обеда шифоньер перенесем в летнюю кухню.

Он ушел в беседку, а я подхватила плесневелый хлеб и отправилась его уничтожать. В этот раз я его сожгла, с оговорами да шепотками.

Теперь нужно топтать в магазин за майонезом. Хлеб, к сожалению, по выходным не продают, придется свой ставить или лепешки печь. Ну да ладно, это дело поправимое.

В магазине стоял худой молодой парень со светлыми длинными волосами, убранными в хвост, и козлиной бородкой. Выбирая продукты, он подергивался и закатывал глаза, когда Марина задавала ему уточняющие вопросы. Одет обычно: джинсы, кеды, ветровка. Пока он набирал себе продуктов, я разглядывала в витрине майонез. Парень немного отступил назад и наткнулся на меня, я его придержала рукой, чтобы уж совсем не упал. Он дернулся, извинился, рассыпал сдачу по прилавку. Марина помогла ему все собрать. Схватил пакет с продуктами и выскочил на улицу.

– Это что за малахольный? – спросила я продавщицу.

– Это батюшка местный, отец Николай, – усмехнулась Марина.

– Почему в мирской одежде и не на службе?

– Отслужил, наверно, – пожала она плечами. – Холостой, между прочим, – подмигнула она мне правым глазом.

– Марина, у меня муж есть, – ответила я укоризненно.

– Мужа мы твоего не видели, так что имей в виду, – засмеялась она. – Батюшка сюда три года назад приехал с мечтой найти селянку и жениться на ней. А у нас молодых и нет особо, девчонки 9-й класс заканчивают и в город бегут учиться. Если возвращаются, то уже с семьями.

– Слушай, Марина, а кто-нибудь в поселке мебелью занимается? Мне дочери кровать нужна.

– Ну, вот он и занимается, мастерская у него, – кивнула она на дверь.

– Понятно, давай майонез вон тот и пачку соли, и я побежала, может еще и догоню блаженного.

Выскочила на улицу, – стоит, на небо любуется. Одну ногу на велосипед забросил и никуда не едет.

– Здравствуйте, батюшка, – обратилась я к нему, а саму смех разбирает, парень-то меня лет на восемь моложе.

– Здравствуйте, меня Николай зовут, – улыбается. – Церковь только на следующей неделе работать будет.

– Я насчет мебели. Слышала, вы специалист по дереву. Меня Агнета зовут, – и зачем-то протянула ему руку.

Он дернулся, закатил глаза, но руку пожал. В затылке снова заломило. Вот зачем ты, Агнета, чужих мужиков трогаешь, не надо так делать. Поругала себя.

– Что вам нужно? – опять глаза закатил, заболевание у него какое-то, что ли.

– Кровать для дочери.

– Размеры есть? набросок?

– Ну, стандартные, – вопрос меня поставил в тупик.

– Агнета, как размеры узнаете, так приходите, – он снова дернулся и улыбнулся.

Я кивнула ему головой, мы пожелали друг другу доб-рого дня и разошлись в разные стороны.

Тучи над головой

Бежала домой и думала, что батюшка этот странный какой-то, и я, дурында, хватаюсь за все подряд. Сама ведь терпеть ненавижу, когда меня кто-то просто так трогает, а тут рука сама потянулась. Да и чревато все это, потом будет ходить за тобой, как липучка, а тут деревня, что не узнают, так придумают. Ребенку-то кровать все равно надо, если из города заказывать, так на так и выйдет. Здесь хоть натуральная будет, и может, смогу на рассрочку договориться.

Дома телефон включила, хоть и звонят мне последнее время все неприятные личности, но они же и беспокоиться будут, что аппарат отключен. Уж лучше с ними пять минут по телефону поговорить, чем лице-зреть их испуганные рожи около своего дома. Включила, и тут посыпались сообщения, как из рога изобилия. Эта мужнина звезда написала мне двадцать три сообщения в Вайбере и семнадцать в ВК. Человек не спал до пяти утра, так ее перло. Да не просто короткие в одно предложение, а целые письма. Еще бы у меня молоко утром не скисло от такого напора. Заблокировала ее везде, пусть с мужем сами разбираются.

Сергею написала и попросила оградить меня от своей сумасшедшей мадам. В ответ он мне прислал скрины переписки звезды и меня, с ее комментариями, дескать, посмотри, как она к тебе относится, а ты еще вернуться к ней хочешь. Пожаловался, что и ему она около тридцати сообщений прислала за ночь. Ну, сам такую выбрал, сам и хлебай полной ложкой.

Катюшку спросила, какую она кровать хочет. Порылись с ней на сайтах интернет-магазинов, нашли в каталоге желаемую модель с двумя нижними ящиками. В копеечку мне такая кровать влетит, но хотелось, чтобы ребенок спал нормально. Да и высшие силы мне почти каждый день денежку подбрасывают. На этой недели трат практически не было, только на проезд да на хлеб с майонезом и солью. Свое хозяйство – вещь хорошая, если руки растут не из брюк, то и голодным не останешься.

Написала себе на листочке размеры, Катюшка сделала набросок кровати, на всякий пожарный случай сохранила фотографию

в телефон. Собралась и потопала к священнику. Церковь со всех сторон видна была, так что найду, где его дом. Добралась без приключений, стою, головой кручу в разные стороны. Смотрю, дверь в церковь приоткрыта, заглянула. Там наш батюшка Николай прибирается. Зашла, рассматриваю убранство, хорошо тут, пахнет краской и побелкой, около правой стены леса стоят. Жду, когда он ко мне лицом повернется.

– Закрыта церковь, – не поворачиваясь ко мне лицом, ответил батюшка, – в понедельник служения будут проводиться.

– Да я не за этим пришла, – стою, улыбаюсь.

Он голову поднимает на меня.

– Ой, простите, я думал, мои бабульки пришли, не сидится им дома. Краской пахнет сильно, не хотел отказываться от служб, но вот вчера одной плохо стало от запаха. Сегодня утреннюю только провел, хоть и воскресенье, помолиться они и дома могут, а вот здоровье-то одно.

Он практически не дергался и глаза не закатывал.

– Идемте, на улицу выйдем о мирских делах разговаривать.

Мы вышли с ним. Батюшка пошел вперед, а я за ним семенила. Рядом стоял небольшой дом. Он открыл дверь и знаком пригласил меня войти.

– В мастерскую не зову, там у меня бардак. Чаю хотите? – спросил он и снова дернулся.

– Хочу, – скинула ботинки и стащила с себя ветровку, поражаясь собственной наглости.

Мы прошли с ним в кухню. Он поставил чайник на плиту. Жилье довольно аскетичное: деревянный обеденный стол, две табуретки, кухонный столик и один навесной шкафчик, жалюзи на окнах. Николай достал две обычные белые кружки, вытащил тарелку, в которую насыпал овсяного печенья и шоколадных конфет.

– Печенья свежие, сегодня вот в магазине покупал, – придвинул ко мне тарелку.

Я мотнула головой и положила на стол листок с размерами и наброском кровати.

– Вот, мы тут с дочерью нарисовали. Если не сложно, то сразу цену назовите за все. Вдруг мне это не по карману. Могу еще фотографию показать.

– Покажите.

Протянула ему под нос телефон. Случайно коснулась его руки, когда он у меня аппарат забирал, опять дернулся и глаза закатил. Снова потянуло затылок. Он разглядывал фото, посмотрел на листок, отложил все и задумался. Зашумел чайник, отец Николай налил заварки и кипятка, все молча. Придвинул ко мне чашку. Станный какой-то, молчит, ничего не говорит. Пригубил из стакана, сморщился, – кипяток.

– Агнета, вы мне денег на материал дайте, а за работу я с вас не возьму.

– Почему?

– Потому что я так решил.

– Тогда я вам должна буду, а я не люблю быть должной. Давайте хотя бы чисто символически.

– Почему вы всегда спорите? – спросил он, внимательно заглядывая мне в глаза.

– Я с вами еще ни разу не спорила.

– Ну вот и не надо, кушайте печенье, – он снова подвинул ко мне печенье.

– Сколько нужно на материалы?

– Я еще не считал, – пожал он плечами и снова отхлебнул из чашки. – Вы знаете, Агнета, в этом доме еще ни одной молодой женщины не было, – он посмотрел на меня внимательно.

– Я сюда не за этим пришла, – я почувствовала, как краска заливает мои щеки.

– Вы о чем? – усмехнулся он и снова дернулся.

– Ни о чем, – закусила я губу.

Повисла неловкая тишина. Он меня внимательно разглядывал, а я думала, что его козлиную бородку не мешало бы отстричь, и привести ее в божеский вид, а не это недора-зумение какое-то, не служитель культа, а хипстер какой-то. В этот раз он специально дотронулся до моей руки и снова дернулся и закатил глаза. На мгновение над его головой показалось маленькое черное облачко. Я одернула руку.

– Вы живете один? – спросила я, продолжая разглядывать неказистый интерьер.

– Вам разве еще не рассказали про меня всякого? – криво усмехнулся батюшка.

– Ну, вы как еврей, вопросом на вопрос отвечаете. Простите, – вперилась я в кружку с чаем.

– Живу один, вдовец. Не доехали мы с матушкой до нового места жительства, в аварию попали. На трассе лихач обгонял фуру и вылетел на встречу. Я попытался уйти, улетел в кювет, перевернулись несколько раз, она получила травмы несовместимые с жизнью, а я слегка головой приложился.

– Простите.

– За что? Вы же в этом не виноваты.

– Пойду я. Не надо мне кровать делать, куплю все в магазине, – встала и боком потопала в коридор к двери.

– Стоять, – хватя меня за руку, а над головой у батюшки облако четко вырисовалось, снова глаза закатились, и дернулся весь еще сильнее, чем прежде.

– Пусти, – попыталась вытащить руку из его лапищи.

– Ой, извините, Агнета, не пойму, что со мной. Кровать я вам сделаю, не переживайте, завтра вот в город собирался по приходским делам, заеду за материалом для вас. Простите ради Бога, что напугал вас, – убрал руку с моего запястья.

Жалко мне его стало, но и страшно как-то.

– Номер телефона мне напишите, я вам позвоню и скажу, сколько будет стоить дерево и комплектующие. Не бойтесь меня, я человек божий, вам вреда не причиню, – он заглядывал мне в глаза, как нашкодивший щенок.

Трясущимися руками написала свой номер телефона. Сунула ноги в ботинки, накинула ветровку и пулей вылетела из дома батюшки, не попрощавшись.

– До свидания, – крикнул он мне в след.

– Да-да, до свидания, – махнула я рукой.

Не ходи, Агнета, по домам одиноких мужчин, не искушай судьбу. Вот чего меня понесло к нему домой, такие вещи можно было и на улице решить, и в мастерской. Что у него над головой непонятное висит, или это мои галлюцинации? Он же церковный служитель, не должно быть у него ничего такого.

Влетела во двор, а меня потряхивает, и зуб на зуб не попадает, как будто я замерзла. Постоялец мой из беседки выглядывает.

– Агнета, что с вами? Напугал кто?

- Все в порядке, наверно, – прошмыгнула мимо него в дом.
- Может, помочь чем? – пошел вслед за мной.
- Да, картошку вот почистить надо, – думала, испугается и уйдет.
- Хорошо, и почистить могу, и пожарить, и чаю вам сейчас налью

холодного.

Он отложил в сторону книгу. Поставил предо мной кружку с чаем. Выбрал из ведра несколько картошин и принялся их чистить.

– Я в армии столько картошки начистил, сейчас быстро управимся.

Через пять минут на сковородке шкварчало сало, в миске лежал нарезанный картофель, а на дощечке – лук, все ждало своей очереди. По телу разливалась прохладная терпкость мятного чая, – и чего я так перепугалась.

Собака злая

Константин Петрович ушел на огород за зеленым чесноком, сказал, что видел первые стрелки. Я перебралась на диванчик в кухне. На колени залез Проша, котик не маленький, растянулся на половину дивана, а на меня сложил голову и лапы.

– Что же ты, Прошенька, мышей не ловишь? Всякие тут порчу наводят, а ты и ухом не ведешь, – глажу кота за ушком. – Как же ты ее пропустил?

Он на меня мордочку поднимает, мол, ты же сама справилась.

– Ну, справилась, наверно. Вроде пока ничего не испортилось. Но вот яйца – это на бесплодие, на болячки всякие по женской части, да на невезение в делах. Продукты пропали и заплесневели – это на финансы сделано. А вот облачко черное над головой – это же тоже что-то нехорошее? Да, Проша? – по спинке рукой прошлась.

– Какое облачко? У кого над головой? – в кухню зашел испуганный Константин.

Над его ухом сразу появилось что-то темное с крыльями, похожее на жирную муху.

– Ну, е-мое, Константин Петрович, – вздохнула я тяжело, спихивая кота с коленок.

Подошла к жильцу и пальцем на лбу нарисовала руну Альгиз. «Муха» вспыхнула и упала на пол, Проша растер останки лапкой по полу.

– У вас нет ничего, успокойтесь. Над вами мирное небо, – усмехнулась я. – Не стоит так пугаться.

– Знаете, Агнета, я ведь не дурак, я все вижу. Меня Машенька к кому только не возила, я насмотрелся на всяких знахарок, колдунов и ведьм. Так вот, я уже чую, кто мошенник, у кого дар есть, а у кого только самомнение раздутое и легкие зачатки. Не нужно меня обманывать, скажите мне правду, – посмотрел на меня серьезно, пытаюсь поймать меня на лжи.

– Я не практик, никогда с такими вещами не сталкивалась, и для меня все в новинку, – ответила я, пожав плечами.

– Вы у меня что-то ведь убрали? Правда? Я себя по-другому чувствую, – спросил он у меня с надеждой.

– По идее, вы себя должны чувствовать не очень. Вы же не знали, что у вас что-то есть. Оно как клещ, ощущаешь, как бежит по телу, а как присасывается и кровь пьет, нет. Вот когда отваливается, вот тогда и начинаются все прелести. Хотя, наверно, у всех по-разному. Но гадость всякая все равно остается, тем более сколько лет вы свой организм травили. Ну и свято место пусто не бывает, можно на брешь еще что-нибудь словить, – пустилась я в пространные рассуждения.

– А это что было? – он потрогал свой лоб.

– А-а, это? – я махнула рукой. – Руна Альгиз, экстренная защита. Я когда-то руны пыталась изучать, но что-то они у меня не пошли. Выучила только Альгиз и Райдо, ну еще Кеназ знаю. Вот. Что там картошечка? Чеснок зеленый, я смотрю, вы нашли?

Константин Петрович сел на стул и стал потирать лоб.

– Свято место пусто не бывает, говорите, хм, – он наморщился.

– Лицо чесноком пахнуть будет, – заметила я.

Он положил зеленые стрелки на стол.

– Вы можете на меня защиту поставить? – спросил он.

– А вы уверены, что на вас больше ничего нет? Я вас специально не смотрела, да и не знаю, как это делать. Все что сверху было, то ушло, а чего у вас внутри есть, я не знаю, – пожала я плечами и потопала к картошке, с такими разговорами можно и без обеда остаться.

– Агнета, вы так это все легко делаете, словно мимо проходили, подправили, убрали и дальше пошли. Нет в вас этой напыщенности, позерства и актерства, и гордыни пока нет, – посмотрел он на меня с каким-то восхищением.

– Вот я сейчас зазнаюсь и буду картошку в одно лицо есть и ни с кем не поделюсь, – приподняла я крышку и втянула аромат жареной картошки. – Чеснок кладите, а то он от разговоров уже завял.

Зашла к Катюшке, та бурдела, что от таких запахов у нее слюна течет, как у собаки Павлова. Еще ее волновал вопрос, когда этот крендель от нас съедет.

– Ходит, все что-то вынюхивает, высматривает. Мам, ты бы поосторожней с ним, мутный он какой-то.

– Конечно мутный, парами еще перегарными дышит, аки змей Горыныч, – хохотнула я. – Пошли есть, кушать подано, садитесь жрать, пожалуйста.

Война войной, а обед по расписанию. Приготовила еврейский салатик с сыром, чесноком и сырой морковью. На стол поставила огурцы, помидоры, икру баклажанную. Все приступили к трапезе.

– Мам, а мы вечером тоже что-то картофельное есть будем? Вчера картошка тушеная, сегодня жареная, – поинтересовалась дочь, откусывая хрустящий соленый огурец.

– А вечером вареная, – засмеялась я. – Могу бабку картофельную сделать или драники. Картошки полный погреб, ее есть надо, весна уже. Не выбрасывать же.

– Агнета, а хлеба в магазине не было? Я все с хлебом ем, – спросил Константин.

– Не пекут в воскресенье. А я картошку без хлеба ем. Вечером лепешки тогда сделаю на кефире. С молоком за милую душу зайдет.

Посуду быстро помыли, убрали.

– Полчаса всем, чтобы еда утрамбовалась, а затем разбираем и выносим шкаф в летнюю кухню, – скомандовала я и отправилась в кабинет искать, что это над головой батюшки нависло.

Нашла кое-что, но прежде, чем выводы делать, нужно товарищу несколько вопросов задать. При подходящей возможности расспрошу, как он дошел до жизни такой.

Через полчаса явился Константин. Я выгребла все барахло из шкафа, разобрали с ним вдвоем и перетаскали все в летнюю кухню. Мебель собирал уже он, видно, захотелось ему покрасоваться, дескать, гляди, какой я мужик.

– Машенька ваша звонила? – спросила я его.

– Нет, я позвонил водителю, завтра он за мной заедет, и я вас покину. Вы на счет защиты не передумали? – поинтересовался он.

– Зачем тебе защита? Вон у тебя какая звезда во лбу горит, на пару недель хватить должно, а там, глядишь, и собственная восстановится.

– Если не восстановится?

– Ну, тогда приезжай, будем смотреть, с чем или кем дальше плясать, – пожала плечами я.

Ну, хочет человек быть подопытным кроликом, отчего же на нем эксперименты не поставить, может, и получится что с моей легкой

руки. Остаток дня мы провели в обдирании обоев в пустой комнате. Под обоями были обнаружены разнообразные рунные ставы, видно, рисовались на защиту. По углам комнат в доме я разложила мешочки с солью с заговором, чтобы всякое «добро», посылаемое некими гражданками-самозванками, не распространялось по жилищу.

– Катюша, может, ты в эту комнату переедешь? Ремонт тут сделаем. В городской квартире новые обои лежат, даже покупать не надо.

– Давай лучше в моей комнате сделаем.

Она принесла мне эскиз интерьера своей комнаты. Она хотела избавиться от старых шифоньеров, отгородить небольшой угол и соорудить что-то похожее на гардеробную комнату.

– Класс, но вот на эту всю красоту нужно денег. На кровать я согласна, а вот с этим следует повременить, – ответила я, разглядывая ее художество.

– Хорошо, но давай хоть один шкаф передвинем в пустую комнату, и от вещей этих старых избавимся.

Легко сказать; выбросить жалко, а носить это никто не будет. Намочили полы и перетолкали мебель в соседнюю комнату с ободранными обоями.

– Теперь и тут можно ремонт делать, – радостно сообщила мне Катюшка. – Поменяем шторы и тюль, кровать новая будет, обои свежие. Красотища.

Подоила коз, молоко не скисло. Настена забрала причитающуюся ей полторашку. Вечером пекла лепешки с луком и сыром. Ужинали в беседке, захотелось провести вечер на свежем воздухе. Пили чай и молоко, болтали о всякой ерунде, смеялись. На душе было тихо и спокойно. Никаких особых событий больше не происходило. Ночью спала, как младенец, может, что и снилось, но ничего не запомнилось.

В понедельник утром проводила Константина Петровича. Он смахнул скупую слезу и обещал звонить. Я вздохнула с облегчением. Предполагаю, такие «гости» будут периодически ко мне сваливаться, вот тебе и домик по дешевке.

Работа сама себя не пороботает, деньги нужны всегда, везде и всюду, и так два дня пронянькалась со взрослым мальчиком. Несколько часов подряд заполняла карточки, писала статьи, работала, не поднимая головы. В обед доедали все, что осталось от выходных.

Снова приступила к интернет-магазину, пришли новые позиции, и менеджер попросил в срочном порядке добавить их в каталог, хотя бы без описания.

В четыре часа раздался телефонный звонок.

– Агнета, это Николай, батюшка, – услышала я взволнованный голос. – Я тут в строительном магазине.

– Добрый день, батюшка, это хорошо. Сколько нужно вам денег скинуть на карточку?

– Я кое-что у вас забыл уточнить. Ящики на колесиках или на направляющих?

– На колесиках.

– Хорошо, тогда 5740 рублей. Я ламели из доски сделаю.

– Сейчас вам скину на этот номер, – и я отключилась.

Перевела ему деньги на карточку и принялась дальше творить добро на благо людям и моему начальству. На ужин решила сварганить пирог творожный с замороженной жимолостью.

– Опять творог, – скривилась Катюшка, зайдя на кухню, когда я собирала все ингредиенты в одно целое.

– Для тебя персонально могу отварить картофель, – ответила ей, подмигнув.

– Ну уж нет, лучше сладкий пирог, – сказала она, пробуя начинку.

Отправила творожную красоту в духовку, поставила таймер и снова приступила к работе. Я сегодня прямо ударница и молодец. Звякнул таймер, и кто-то звякнул в калитку, видно, кто-то унюхал ванильный запах пирога. Вырубил духовку и пошла посмотреть, у кого же такой нюх особенный. Маруся принялась оглушительно лаять и побежала вперед, сметая все на своем пути. Следом за мной шел Проша, прямо целая делегация.

За дверью стоял батюшка при полной амуниции. Из кузова «Газели» торчали разнообразные деревянныешки, лежали какие-то строительные материалы.

– Здравствуйте, Агнета, – он немного дернулся.

– Здравствуйте, батюшка, а вам ряса идет, – улыбнулась я.

– Это не ряса, а подрясник, – улыбнулся он. Я тут чеки привез отчитаться, так сказать. – Он протянул мне несколько чеков.

На заборе сидел Проша и наблюдал за происходящим. На противоположной стороне дороги расположился Волк, позади меня

пыхтела Маруська, пытаюсь прорваться на неохраняемую ей территорию.

– Может, в дом пройдем. Теперь вы меня чаем угостите? – спросил Николай, сделав шаг вперед.

– В доме у меня не убрано, – соврала я, – а вот в беседке можно и чай попить.

Он спокойно зашел во двор, Маруська попыталась его тяпнуть за ногу, но запуталась в подоле. Собака получила волшебный пендель и, ворча, ушла под лавку, решив, что этот стратегический пункт ей больше подходит для засады. Дочь выглянула из дома, поздоровалась и ушла на кухню, отказавшись с нами чаевничать. Я принесла чашки, чайник с кипятком и заварник, блюдца и пирог, кусок от которого уже был утянут Катюшкой в свою норку. Порезала его на кусочки и разложила на блюдца.

– С утра ничего не ел, – сказал Николай, вонзив свои передние резцы в творог. – Ой, какой он горячий, но такой вкусный. Сто лет не ел выпечку. У нас бабушка пекла такие изумительные вещи.

– А мама?

– Маме было некогда, она у нас врач-акушер, у нее на первом месте роженицы, младенцы и работа, а потом уже семья, – над его головой снова появилось это облачко. При его словах о маме оно начало двигаться и менять форму. Ага, вот где собака порылась, я так и предполагала.

– Ваша мама, наверно, хороший человек, пациентки ее любят? – попробовала я горячий кусочек.

– Ну, как сказать, она отличный врач. Вы же знаете, какими бывают акушерки и гинекологи, – усмехнулся он, отхлебывая ароматный чай из кружки.

– Беспардонными и бесцеремонными, но если это профи, то ему прощается все. Наверно, она много младенцев приняла.

– Много, да, но у каждого врача есть свое маленькое кладбище, – потянулся он за вторым куском пирога.

– Сестры, братья есть? – поинтересовалась я.

– Сестра, замужем, она старше меня на пару лет. Детей у них с мужем нет, сколько раз пробовали, все заканчивалось плачевно. Мама ее куда только ни водила, к каким только светилам

ни показывала, все бесполезно, – он ел, а над ним облачко двигалось в хаотичном порядке.

– Вы меня простите за бестактный вопрос. Ваша жена беременной была, когда вы сюда собирались переезжать? – я внимательно на него смотрела.

– Откуда вы знаете? – он перестал жевать, видно своим вопросом я испортила ему настроение.

– Догадалась, – ответила я.

– Агнета, знаете, про вас говорят всякое, – он покачал головой, скорчив прискорбную мину.

– А теперь будут говорить еще больше, что я со священником чай гоняю, – рассмеялась в ответ. – Смотрите, напишут ваши бабульки вашему начальству, что вы по гостям к одиноким дамам ходите, – и я ему подмигнула.

Он смутился и покраснел.

– Зачем вы так, Агнета, – покачал он головой.

Я привстала и протянула руку к черному облачку, но не успела дотянуться, Маруська со всей дури вцепилась мне в ногу.

– Ах ты, дрянь такая, – принялась я бранить собаку. – Я тебя кормлю, пою, спать кладу в теплом месте, а ты, неблагодарная скотинка, кусить меня удумала. Я тебе сейчас уши скотчем к подбородку примотаю, будешь знать, как любимую хозяйку с косточкой путать, – пыталась ее выковырять из-под лавки, но собака рычала и упиралась.

По ноге стекала тонкой струйкой кровь.

– Что с ногой, – кинулся ко мне батюшка.

– Подрала, не сильно, зацепила, видно клыком, синяк останется знатный, – разглядывала я икру.

На шум выскочила Катюшка.

– Дочь, тащи настойку прополиса, она в холодильнике стоит, и ватный диск, прижигать сейчас будем.

Маруська потихоньку вылезла с другой стороны лавки и, поджав хвост, утикала в дом. Ногу обработали, Катюшка помогла убрать все со стола.

– Агнета, завтра-послезавтра кровать будет готова. Вам еще нужно будет матрас купить. В дом вам все-таки придется меня впустить, я ее сразу в комнате дособирую.

– Хорошо, спасибо, – я вымученно улыбнулась, нога ныла.

– Может, к Алевтине Максимовне? Пусть посмотрит, укол от бешенства сделает. Я отвезу вас.

– Нет, спасибо, само все пройдет.

– Здоровье нужно беречь, – участливо погладил меня по предплечью Николай.

– Давайте уже на выход, батюшка Николай, – передернуло меня от его прикосновения.

Кстати, пока у меня чаевничали, его дернуло только пару раз, а глаза он ни разу не закатывал.

Я выпроводила его за калитку и, прихрамывая, отправилась умываться и мыть руки. Гость странный, облако это подозрительное, лучше смыть с себя лишнее. Маруся сроду никого не кусала, а это ее бешеный клещ, что ли, ткнул – сначала на священника кинулась, а затем меня укусила.

Популярная женщина

Утро вторника началось со звонка от маман, в трубку лились требования, жалобы, просьбы и прочий негатив. Пообещала приехать к ней в среду. Наверно, надо ей все же рассказать, что я съехала от мужа и живу теперь в деревне. Хотя, думаю, что следует повременить с такой новостью и отложить ее на неопределенное время. Дочь к бабушке в гости не стремится, мужа моего она терпеть ненавидит, так что меня никто не сдаст.

Пришло сообщение от мужа: «С добрым утром, родная». Зашибись, какие нежности, прямо любовь-морковь. Спросила его, не заболел ли он, часом, что его так разморило. Нет, говорит, переосмыслил всю свою жизнь и понял, как был неправ. Не хватает, видно, мужику эмоций и энергии от Агнеты, вампирить некого.

После завтрака написала Ольга с фермы, спрашивала, нужна ли мне рассада. У нее осталось немного помидор, перца и баклажан после высадки в теплицу. Не стала отказываться. Она пообещала сама привезти или передать с кем-нибудь.

До обеда работа в плотном графике без отвлечений на что-либо. На обед сварганила борщ из имеющихся продуктов, испекла хлеб на кислом молоке. Решила пока ничего не покупать, использовать все, что есть. Дочь таким раскладом не очень довольна, говорит, в ее организме конфет не хватает и бананов. Говорю, кушай, дочь, яблоки и виноград, варенье мандариновое и клубничное я из города привезла, ешь, оно вкусное. Сгущенка есть своя домашняя, надо из нее попробовать тянучек наварить. Мосю такую делает, как будто я ей содержимое клозета предлагаю. Месяц без конфет посидит, а потом ей они сами невкусными покажутся.

После обеда раздался звонок в дверь. Маруся, как всегда, впереди планеты всей, несется к калитке с задорным оглушающим лаем. Открываю, а там стоит наш участковый, довольный такой, улыбается во все свои оставшиеся зубы.

– Здравствуйте, Агнета. Я к вам с цветами, – и смеется.

В руки ему смотрю, а цветов нет. На машину кивает – на заднем сиденье пристроилось несколько ящиков с рассадой.

– К Оле с Мишей на обед заезжал, они мне и вручили рассаду. Вот, привез. Хоть повод какой-то к вам зайти, а то не звоните и не пишете, не нужна вам помощь мужская, – и снова улыбается, довольный такой, счастливый.

– Добрый день, Александр, давайте вашу рассаду, – и пошла к машине.

– Я занесу, что вы будете тяжести таскать. Если у вас дел никаких нет, то посадить можно сразу, – предложил он.

– Ой, я в теплицу и не заглядывала и не знаю, что там творится, – смутилась я.

– Ну вот заодно посмотрим и подшаманим, если что. Инструменты у меня с собой, – и он потащил два ящика с помидорной рассадой на огород.

– Александр, вам на работу не надо? – поинтересовалась я, семена за ним следом.

– Моя работа мне позвонит, если что случится, – поставил он ящики около теплицы и похлопал себя по карману, где, вероятнее всего, находился телефон.

– А жена ваша вас ругать не будет, что вы всяким барышням помогаете огород окучивать? – усмехнулась я.

– Нет у меня жены и ругать меня некому. В город уехала за хорошей жизнью, да так и не вернулась. Оставила нас сыном холостяковать, – махнул он рукой.

Пока мы разговаривали, он перетаскал ящики с рассадой. Я смотрела на все это великолепие и думала, куда мне столько. Теплица низенькая, самодельная из старых оконных блоков и балконных дверей, краска уже облупилась, одного стекла не хватало. Александр стал заносить туда ящики и задел плечом дверной проем, вся эта конструкция пошатнулась и сложилась, словно карточный домик. Стоит Саша посреди огорода с ящиком в руках, а вокруг него лежат стекла и доски.

– Саша, вы не поранились? Целый? – кинулась я к нему.

– Вот гадство какое, – он огляделся вокруг. – Простите меня ради всего святого, Агнета. Я вам новую теплицу поставлю.

– Александр, не заморачивайтесь. Сами-то живы? Все цело? Ей сто лет в обед исполнилось, хотели вечером отпраздновать, да видно,

не судьба, – я разглядывала его, ища следы тепличного сооружения на его испуганной физиономии.

Самое интересное было то, что рассادا в его руках осталась нетронутой, как будто кто-то отвел от нее рушащуюся постройку.

– Потом в землю сразу высажу, когда потеплее станет. Ну, а теплицу новую в следующем году справим. Главное, чтобы вас не задело, – пыталась его успокоить.

Он повернулся ко мне лицом, по левой стороне тонкой струйкой текла кровь.

– Ой, вы, кажется, поранились, идемте в дом, рану обработаем, посмотрим, нет ли там стекла, – подхватила я ящик с рассадой и направилась в дом.

Он потопал за мной следом, причитая по поводу теплицы.

– Агнета, вы теперь меня вообще никогда к себе не пустите, – говорил он, таща два ящика с рассадой.

– Не переживайте, вы мне новую теплицу обещали, так что пущу, – рассмеялась я.

– Стекло надо будет собрать по огороду, а то кто-нибудь поранится летом, – сказал он серьезно.

– Сейчас вам морду лица обработаю, и пойдем заниматься огородными работами, собирать стекло и доски. Может, клад найдем, – хихикнула я.

Мы зашли в дом, навстречу нам вышла Катюшка. Участковый и дочь поздоровались друг с другом. Катерина хмыкнула и ушла к себе в комнату. Я усадила товарища полицейнера за кухонный стол и стала осматривать его рану. Это был неглубокий порез. Его быстро обработала любимой настойкой, вытащила из шевелюры несколько небольших осколков. Мне кажется, в этот момент наш участковый даже не дышал и боялся пошевелиться.

– Сколько лет вашему сыну? – решила разрядить обстановку.

– Двенадцать. Мы с ним и на рыбалку, и за грибами, и на озеро вместе ходим, – ответил он, глубоко втянув в себя воздух.

– Вдвоем живете?

– Нет, с моими родителями. Дом наш с сыном стоит закрытый, мы туда только на лето перебираемся. График у меня ненормированный, а тут за ним хоть присмотр есть, – ответил он, разглядывая нашу кухню.

– Может, чаю? – предложила я, как хорошая хозяйка.

– Давайте, Агнета, соберем сначала осколки, а затем будем чай распивать, – встал он со стула и направился к выходу.

Чумазую Маруську закрыли в доме, чтобы она ненароком не пошла с нами помогать на огороде, и так вся извози-лась, как чума ходячая. Александр сходил к машине, взял рабочие перчатки, чтобы не порезаться. Мне пришлось вытащить свои обычные перчатки из куртки, ну что же теперь сделаешь, если я рабочие еще не прикупила.

– Не трогай ничего, – нахмурился Александр, когда я принялась собирать осколки.

Он все отнес на зады (задняя часть двора, огорода). Там стоял большой ящик для мусора.

– Вывезти надо, – кивнул участковый на него.

– Надо, – согласилась я. – Вот только куда и каким образом, я не знаю.

– Решим вопрос, – ответил он, собирая деревяшки в небольшую стопку. – Где у вас дровяник?

– Там, – махнула рукой в сторону бани.

Александр перетаскал все в дровяник и уселся на лавку около дома.

– Хорошо, птички поют, солнышко светит. Знаете что, Агнета? – посмотрел он на меня внимательно. – У меня на участке стоит теплица пластиковая, мы там все равно не живем, огород не сажаем. Я летом там только траву кошу. Так вот, это я к чему, давайте я вам эту теплицу на время отдам, а потом и новую построим?

– Ну, мне даже неудобно. Та была старой, видно, срок у нее уже подошел, а я буду с вас новое требовать, – мне было действительно стыдно просить у человека что-то.

– Ой, Агнета, забыл вам сказать, мы же с Васькой ездили в травму, гипс ему срезать и рентген сделать. Так вот, кость вы ему собрали идеально, врач все допытывался, кто же ему перелом собрал и гипс накладывал. Говорит, что в таком случае надо операцию делать и железку ставить, да и срастается у него хорошо. Над гипсом, правда, посмеялись, сказали, что такую мумию первый раз видят, – он смеялся, рассказывая. – Васька пока не пьет, говорит, что все понял

и осознал, и когда нога заживет, поедет в город на работу устраиваться. Ну, хоть с материной шеи слезет.

Тут кто-то позвонил нашему участковому. Он взял трубку, лицо его изменилось.

– Сейчас приеду, – ответил он дежурному.

– Простите еще раз, Агнета. Честное слово, я не хотел. Завтра-послезавтра вам новую-старую теплицу привезу. Номер телефона у меня ваш есть, позвоню, договоримся, – заглядывал он мне в глаза.

– Откуда у вас мой номер? – посмотрела на него внимательно.

– Мне Ольга дала, Миша, ее муж, – мой брат, – смутился он.

– Спешемся, созвонимся, – махнула на прощанье ему рукой.

Захожу в дом, дочь мне навстречу из комнаты выплывает.

– Мам, ну ты ваще популярная женщина. Я смотрю, каждый день у тебя новый кавалер. А говорят, у нас мужиков нехватка, а по тебе и не скажешь, – она хихикнула.

– У нас, милая, род такой, всегда вокруг нас мужики крутятся будут, – посмотрела на нее внимательно.

– Ой, мам, ты у меня просто красивая и добрая, вот на тебя и летят все, как на мед.

– Ага, как мухи на... ой, в клозет, – начали мы с ней смеяться.

Рассаду распределила по подоконникам, через пару-тройку недель можно и в открытый грунт высаживать. Вечер прошел, как обычно: курочки, козочки, ужин. Часов в девять позвонил батюшка.

– Агнета, добрый вечер, вы меня извините, что так поздно. Вы не могли бы ко мне в гости зайти сейчас? – стал говорить он взволнованно.

– Добрый вечер, не могла бы. А в чем, собственно, дело? – конечно, хотелось спросить немного не так, а например, какого, собственно, органа вы меня беспокоите, сударь, в столь поздний час, но я же культурная.

– Вы понимаете, ко мне приехала сестра, у нее проблемы с мужем, и очередная попытка с ребенком не удалась. Она у меня рыдает, и я успокоить ее не могу. С чужими проще, и слова находятся нужные, и советы подходящие. А тут на нее смотрю, и душа на части рвется, и не знаю, какие слова найти, чтобы ее успокоить, – у него дрожал голос.

– Я до вас не дойду, у меня нога болит, Марусина заслуга, – решила от него отделаться.

– Я сейчас за вами приеду, – и положил трубку, не успела я найти еще кучу отговорок.

Стала перезванивать, а он не отвечает. Пошла одеваться, надо было не Маруськой прикрываться, а твердо ответить – нет. Но мне кажется, он не врет. Да по фиг. Натянула джинсы, свитер, ветровку и кеды. Вышла на улицу, а тут и батюшка подъехал.

– Батюшка, еперный ты тятер, ты на чем приехал? Твою ж налево. Не поеду я с тобой никуда, – стала возмущаться я.

Николай приехал на мотоцикле.

– Что такого? – удивился он.

– Я сейчас с тобой по всему поселку на этом прокачусь. А завтра скажут, что видели, как я с тобой в кустах кувыркалась. С головой-то дружишь?

– Никто ничего не скажет, – заверил он меня. – Садитесь, Агнета, не бойтесь.

– Ну уж нет, я пешком пойду, дошкондыляю как-нибудь, – пошла я, прихрамывая, нога начала ныть.

Прошла несколько шагов, подвернула ногу и неожиданно для себя села на дорогу. Николай бросился меня поднимать, спасатель Малибу, блин. Отряхнул меня и дотащил до мотоцикла. Пришлось садиться позади батюшки. На улицах гуляла молодежь, и кое-где сидели бабки. Интересно, мне дегтем ворота завтра намажут или на выходные сие мероприятие отложат.

Странные посиделки

Под конец поездки я уже вцепилась в батюшку мертвой хваткой, до того боюсь на таких чудо-тарантайках ездить.

– Агнета, отпустите меня, пожалуйста, мы уже приехали, – услышала я голос священника где-то вдалеке, в ушах стоял шум, и бухало сердце.

Разжала скрюченные пальцы и спустилась с шайтан-машины, прыгнуть, как горная козочка, я не могла, от страха подкашивались ноги. Сделала шаг и остановилась, стою, смеюсь.

– Что такое? – испуганно посмотрел на меня батюшка.

– Да вот стою, думаю, не могу решить, на какую ногу хромать. За одну собака укусила, а другую подвернула – смешно и больно.

– Давайте я вас на руках донесу, мы у меня во дворе, тут уже никто не увидит, – сделал шаг навстречу ко мне Николай.

– Не надо, я не маленький ребенок, а тетя тяжелая, спину еще надорвете, и пупок вылезет. Следите, чтобы я с вашей лестницы не рухнула, пока буду по ступенькам подниматься, – похромала я к двери в дом.

Зашли с батюшкой в коридор, он меня так галантно за локоток придерживает.

– Толь, это ты? – из большой комнаты послышался женский голос.

– Я, я, – ответил Николай.

– Идемте в комнату, – помог мне снять ветровку и жестом указал, в какую дверь заходить.

– Надо ногу затянуть чем-нибудь, в идеале эластичным бинтом, ну или тряпицей какой, – сказала я ему.

– Сейчас что-нибудь найду, – он ушел в кухню, а я прошла в комнату.

Большой зал можно было охарактеризовать фразой – бедно, но чисто, комплект мягкой мебели советского производства, югославская стенка, палас синтетический старше самого хозяина, тюль и темные занавески того же времени. Скорее всего, все это осталось от прошлых владельцев дома. На журнальном столике стояла початая бутылка вина, два фужера, один пустой и чистый, коробка с пиццей,

нарезанные на тарелочке сыр и ветчина, оливки и грибы в пиалушке. На диване сидела, задрав ноги на стол, молодая брюнетка в джинсах и обычной белой майке. Она была немного растрепанной, а глаза опухли от слез.

– Добрый вечер, – поздоровалась я.

– Это Агнета, это Юля, – представил друг другу нас Николай, в руках у него был обычный бинт.

– Привет, имя какое у тебя прикольное, – сказала брюнетка. – Толь, тащи тарелку даме и еще один бокал, пить будем.

– Я не пью красное, у меня от него давление поднимается, – пить алкоголь совсем не хотелось, завтра к маман обещала приехать, да и вообще.

Забрала у него бинт и принялась утягивать щиколотку. Нога слегка опухла.

– Брательник, я там мартини привезла и грейпфрутовый сок, неси сюда, – сказала она слегка заплетающимся языком.

– У меня на грейпфрут аллергия, – предупредила я.

– У меня есть трехлитровая банка яблочного сока, – появился в дверях батюшка с кружкой, мартини, тарелкой и вилкой. – Одна из моих бабулек принесла.

– Не бабка Нина? – спросила я.

– Да упаси Боже, – всплеснул он руками.

– Ну, тогда несите свой сок, – согласилась на такой вариант.

– Кто такая бабка Нина? – сделала глоток из бокала Юля.

– Да гадости всем подряд делает, порчу да переклады, – ответила я, удобно устраиваясь в кресле.

В дверях появился батюшка с трехлитровой банкой сока.

– Толя, давай наливай гостье, – командовала Юля.

– Юлек, не называй меня, пожалуйста, Толей, я Николай, – потянулся к фужеру батюшка.

– Можно, я сама, – забрала у него бутылку мартини, взяла кружку, которую он приготовил для себя, и плеснула туда чуть-чуть напиток, до краев налила яблочного сока, размешала вилкой.

– Мама тебя при рождении Анатолием назвала, – парировала ему сестрица.

– Прекрати, мы уже об этом говорили, – прервал ее Николай.

– Да ну тебя, выбрал себе жизнь какую-то, сейчас бы уже второй раз женился, и я бы, может, племяншкова нянчила, – у женщины потекли слезы по щекам.

Я старалась на нее не смотреть, над ее головой, так же, как и у батюшки, висело черное облако. Вот только форма у него была немного другая, от него свисали тонкие нити и окутывали ее в районе талии. Зрелище, надо сказать, не для слабонервных.

На меня беспомощно посмотрел Николай, он не знал, как успокоить сестру.

– Николай, а вы как с бабкой Ниной познакомились? Она к вам в церковь захаживает? – попыталась отвлечь всех от дурных мыслей.

– Не захаживает, ее мои прихожанки как-то со службы выгнали. Сказали, мол, нечего черными делами в божьем доме заниматься. Она яблочек мне из своего сада принесла как-то целую корзину перед службой, а мне некогда было, поблагодарил ее и сказал, чтобы она на лавку поставила. Ну так вот, как служба закончилась, я прихожанам предложил взять оттуда яблоки, мне-то не съесть столько. Люди брали с удовольствием, плоды румяные, красивые да ароматные. Мне пару яблочек оставили. Так она сразу же залетела в церковь и начала кричать и топтать, «свин неблагодарный». Еле ее выпроводили, – рассказывал Николай, попивая яблочный сок, алкоголь он пить не стал.

Юля с интересом слушала брата, слезы у нее подсохли.

– Слушай, а может, она мне поможет ребеночка завести? Они же такие, все умеют, – стала она спрашивать брата.

Нити вокруг ее живота стали сворачиваться клубками, как змейки.

– Не смей, не божье это дело, – сказал Николай.

– Вот ты, Агнета, веришь вот в это все? – спросила меня Юля.

Батюшка нахмурился и вперил взгляд в стакан с соком, видно, ему кто-то из его бабушек уже что-то нашептал про меня.

– Во что? – притворилась, что не понимаю вопроса.

– В магию, в чертовщину, в порчи и в проклятия, – начала перечислять сестрица.

– Ну, я верю, что есть что-то такое необъяснимое, – ответила, сдерживая себя всеми силами. Не спрашивают меня, я и лезть не буду.

Коля продолжал хмуриться, весь разговор ему, видно, не нравился.

– А ты пошла бы к гадалке свою судьбу узнавать? – продолжала пытаться меня Юля.

– Вот еще, что могу, то сама делаю, – ответила я ей.

Батюшка усмехнулся.

– Не поняла я тебя, – решила уточнить брюнетка.

Я прикусила губу и не знала, говорить ей или нет. Они на меня вдвоем смотрели внимательно.

– Не поняла и не надо, – махнула я рукой.

– Ну-ка, сказала «а», говори и «б», – она не отставала. – Ты гадать умеешь, что ли?

– Ну, умею, только для себя, – насупилась я.

– Ой, а мне погадаешь, – обрадовалась она.

– Нет, карт нету, да и трезвой надо быть, а я уже выпила.

– Да чего ты там выпила. Сейчас мы Толика за твоими картами пошлем, – начала уговаривать Юля.

Братец ее скорчил недовольную физиономию.

– Слушай, а может, ты так видишь, что со мной? Ну, бывают такие, я по телеку видела, глаза закатывают, трястись начинают, прямо как Толян, ну и правду всю выдают, – девушку явно куда-то несло.

Только я собралась ей сказать, что в таком состоянии, да на ночь ничего не скажу, как на кухне что-то грохнуло. Мы с Колей ринулись смотреть, что же там упало. На полу валялась побитая посуда, рухнул навесной шкафчик.

– Не говори ей ничего, – попросил батюшка.

– Я и не знаю ничего, – ответила я, и стала собирать осколки.

– Знаешь, я же по глазам вижу, – он слегка подергивался. – Ей и так плохо, а то я ее совсем не успокою.

Он вцепился в мою руку и потянул меня к себе. Облачко над его головой заволновалось и из него стали появляться тонкие нити, которые направились в мою сторону. Честно говоря, меня это напугало, и я отпрянула назад.

– И что это вы тут, голубки, делаете? Бросили меня одну, – зашла Юля с бокалом в руках.

– Осколки собираем, – ответил Николай.

– Ого, вся посуда побита. Из чего завтра есть будем? – посмотрела брюнетка на пол. – Помогать вам не буду, а то упаду.

Она уселась прямо на стол и принялась болтать ногами. Николай посмотрел на нее, поморщился, но промолчал. Юля допила вино.

– Агнета, пошли со мной в зал, а он пусть тут все убирает, мы гости, а он хозяин. Пойдем еще выпьем. Ты вот ничего не ела. Я пиццу привезла с грибами, у него же пост. Он кусочек съел и больше не стал, а мне не лезет. Идем, – сестра Николая потянула меня за руку, ее нити зашевелились, но ко мне не полезли.

Мы ушли с кухни, и Юля опять шлепнулась на диван. Я забрала свой стакан, а она налила себе новую порцию вина.

– Ты брату очень нравишься, – шепнула она.

– Угу, – ответила я.

– Вот он только жениться не может, – она на меня посмотрела, пытаюсь уловить на моем лице реакцию.

– Он и все остальное не может, ему не положено по долгу службы, – ответила я.

– Так вы еще не? – она скорчила характерную гримасу.

– Нет, – этот разговор мне не нравился.

– А вы с мужем венчанные? – решила перевести разговор в другое русло.

– Не-а, зачем? Я же не такая, как наш Николай, – его имя она намеренно растянула.

– Ну как же, будешь относиться к роду мужа, и никакие проклятия родительского рода тебя не тронут, – ответила я и прикусила язык.

– Ты думаешь, на мне проклятие лежит? – зацепилась она за эту мысль.

– Не знаю, – я отвела глаза.

Тут в комнату зашел Николай, из порезанной руки текла кровь. Его потряхивало, глаза закатились, того гляди упадет и начнет биться в припадке. Что-то сегодня крови много и увечий, то участковый порезался, то вот теперь батюшка.

– Агнета, промой ему рану, я крови боюсь, – поморщилась Юля и долила себе еще вина. Она явно сегодня собиралась надраться.

Я потащила батюшку на кухню, сунула его руку под струю холодной воды. Намочила ему виски, вид у него был не очень. Замотала ладонь остатками бинта. Он сидел бледный и улыбался.

– Какая ты красивая, Агнета, – прошептал он и попытался меня приобнять.

Его нити потянули свои лапки ко мне.

– У вас, видно, батюшка, от потери крови рассудок помутился, – отпрянула я от него.

– Ну его, этот рассудок, в баню и все обязательства тоже туда же. Я же тебе нравлюсь, Агнета? – он потянул ко мне руки.

– Руки прочь от Красной армии, я, между прочим, еще замужем, – увернулась я. – И вообще сначала разберитесь вот с этим, – показала я на его голову, – А потом уже приставайте.

Заявила и быстро ухромала в зал. В комнате всюду храпела Юлька.

– Ладно, мне домой пора, – направились в коридор одеваться.

Николай стоял в коридоре, в руках у него была моя куртка.

– Я отвезу тебя, – он тяжело дышал.

Помог надеть куртку, схватил сзади за плечи и уткнулся в мой затылок.

– Коля, ты не понимаешь, ты моложе меня, ты священнослужитель, тебе не положено иметь никаких связей. И вообще на вас с сестрой проклятие висит, – говорила я сбивчиво и пыталась вывернуться из цепких рук батюшки.

– Хорошо, я тебя понял, – отпустил он меня. – Ты просто боишься осуждения, проклятие еще какое-то придумала. Конечно, мы с тобой мало знакомы, а я как дурак набросился на тебя. Наверно, подумала, что я маньяк какой-то. Ты прости меня, не хотел тебя напугать. На меня как нашло что-то, – в его голосе слышались горечь и сожаление.

– Мне домой нужно, у меня там Катюшка одна. Завтра рано вставать, в город собиралась поехать, – я вышла во двор.

Он молча завел мотоцикл. Уселась позади него. Мы понеслись по спящему поселку. Остановились около моего дома.

– Спокойной ночи, Агнета. Не держи на меня зла, – попросил Николай.

– Спокойной ночи, батюшка. Про проклятие я не шутила и не врала, – посмотрела прямо ему в глаза.

– Я знаю. Приятных снов, – пожелал он и рванул в сторону своего дома.

Тяжело на душе и тоскливо.

Не лезь

Утро туманное, утро седое. Проснулась с таким настроением, что аж самой от себя грустно. Нога опухла невероятно, надо было ее не затягивать, а холодное приложить, голова моя садовая – тут помню, а тут не помню. Кто же придумал вставить в такую рань? Собиралась к маман ехать, да ну нафиг, я потом после такой поездки вообще ходить не смогу. Завернулась в одеяло, как в кокон, я гусеничка, я буду спать, и провалилась в сон. Вырвал из благостного сна звонок телефона.

– Ну, ты где? – услышала я голос маман.

Глянула на циферблат висящих на стене часов – пятнадцать минут десятого.

– Дома, сплю, – ответила, зевая.

– А я уже встала, жду тебя, – голос явно был раздражен.

– Я тебя поздравляю. Я не приеду. Ногу вчера подвернула, она у меня опухла, невозможно на нее наступить, а за вторую ногу меня Маруська укусила, – что-то голос у меня больно радостный для таких грустных событий.

– А твой обормот тебя не захотел довести? Как жаль, что ты не приедешь, я уже такой список написала. Мне есть нечего, книгу вчера читала, там героиня фасоль не любит, а я бы и фасоль сейчас поела, – в трубку полились рыдания.

– Я не могу, честно. Обормот не привезет, ибо он живет в другом месте, – ответила, потягиваясь и морщась от боли в ноге.

– Опять, что ли, загулял? Ну, ты потерпи, он скоро вернется, не уходи от него, – подбодрила меня маман.

– Хорошо, – я все ждала, когда же она выскажет слова жалости по поводу моего состояния.

– Ну, может быть, ты как-нибудь дойдешь до остановки? У меня голова кружится, я не могу себе ничего приготовить. Около плиты стоять надо, а я не могу, – опять слезы.

– Мам, ну ты же знаешь, от нас до остановки далеко, да и от автобуса до тебя целую остановку пешком шлепать. Свари себе бульон

куриный, да на нем потом лапшу, яйца свари, картошку. Для этого около плиты стоять не надо, – пыталась ей объяснить.

– Ладно, ладно, я все понимаю. Соседей попрошу, чтобы мне кто-нибудь что-нибудь из еды готовое принес. Выздоровливай, давай, пока, пока, – с всхлипами положила трубку.

Ну вот, соседи опять меня полоскать будут, какая я дочь неблагодарная. Да и все равно на них, что мне теперь – убится? Снова потянулась, попыталась вспомнить, что же мне снилось, но сновидение как корова языком слизала. Помню только, что приходила ко мне та самая полупрозрачная женщина, Ангелина кажется, и сказала: «Не лезь». Вот я сегодня никуда лезть и не буду, в город не поехала, буду дома сидеть и никуда не пойду.

Достала свою любимую мазь, намазала ей опухшую ногу и похромала в козлятник, козы сами себя не подоят. К курам пусть дочь ходит, а здесь уж придется самой. Дочь разбудила. С молоком разобралась, налила полторашку для Насти, должна вот подойти. Катюха ей откроет, отдаст, чтобы я лишние движения не делала. Хорошо, что работа на дому и идти никуда не надо. На обед борщ, на ужин картошку под сырной шубой сделаю, можно и просто творог с вареньем поест. Весь день распланировала: утром карточки, после обеда еще часа два то же, что и утром, потом решу, что делать. Огородом уже надо заниматься, под пленку зелень посадить, в саду у деревьев и кустов ветки обрезать. Но сегодня лучше никуда не лезть, один день погоду не сделает.

В часа три дня звонок на телефон:

– Добрый день, Агнета, – голос у Николая был бодрый.

– Добрый. Чем обязана? – поинтересовалась я.

– Кровать сделал, осталось собрать. Мы сейчас с Юлей подъедем, удобно будет?

– Приезжайте, только я вас пирогами и блинами не встречу, нога болит, – предупредила я его.

– Нам и чая хватит с вареньем, – ответил он, явно довольный.

Ну как так я людей встречу без пирогов? Похромала на кухню, позвала дочь, пусть пирогом займется. Для шарлотки особых умений не надо, три яйца, стакан сахара, стакан муки, яблоки еще остались те, что из погреба доставала. Катюшка тесто взбила, а я фрукты нарезала. В форму – и в духовку, через тридцать минут будет готово.

Через десять минут звонок в калитку. Катюшка пошла открывать, а я Маруську закрыла на всякий случай. Приехали на газельке, привезли конструктор, ящики только собраны были и решетка на кровати. Надо будет потом на нее защитные руны нанести, чтобы доченьке спалось хорошо и сладко. Николай перетаскал все запчасти к Кате в комнату и принялся там собирать мебель. Юлю я позвала в беседку на улицу. Катюшка с ноутом устроилась на лавочке перед домом, погода позволяла.

– Ух ты, какой у тебя дом большой, – уселась на лавку брюнетка. – И сад скоро цвести будет, – она крутила головой в разные стороны.

– Ну да, здесь хорошо весной, да и зимой, наверно, неплохо, – ответила я.

– Слушай, ты вчера говорила, что на картах гадать умеешь. Погадай мне, пожалуйста, – попросила она.

– Юля, твой брат не одобрит, – покачала я головой.

– Ой, ну кто его еще спрашивать будет. Ну, погадай, погадай, – начала она канючить.

– Я только для себя гадаю. А если я неправильно тебе скажу, а ты будешь думать, что я все верно сказала? – мне не хотелось ей гадать.

– Ты мне дай информацию, а я уж с ней разберусь, – ответила она.

Ну, хочет она узнать, так почему бы и не рассказать. Доковыляла до дома, взяла первую попавшуюся колоду, не выбирая. По дороге чайник поставила и в духовку заглянула, пирог был почти готов. Сказала Катюшке, чтобы через десять минут выключала. Села напротив Юльки и положила колоду.

– На что гадаем? – спросила ее.

– На прошлое, – ответила она.

– Ты его не знаешь? – усмехнулась я.

– Я хочу убедиться, что твои карты говорят правду.

– Гадать буду один раз, без всяких проверок, или совсем не буду. Для меня это энергозатратно. Так что подумай хорошенько, – ответила я, тасуя карты.

– Я хочу знать про детей, – будут, не будут, почему не получается. В общем, что делать и кто виноват? – ответила она честно.

– Ну, давай попробуем, – ответила я.

Снова стала тасовать карты, часть колоды выпала из рук и разлетелась веером. Отложила все, что осталось, и стала сама

собирать. Выкладываю сразу на стол лицевой стороной, а там красота такая: и башня, и суд, и дьявол, и мечи в разнообразном количестве. Поднимаю глаза на Юльку, а у нее губы трясутся и руки, и слезы текут по щекам.

– Катюша, посмотри, там чайник вскипел? Принеси нам, пожалуйста, чашки, и чайник, если не сложно, – обратилась я к дочери.

– Юля, успокойся, это всего лишь карты, – попыталась ее успокоить.

Она всхлипывала и размазывала по лицу тушь. Ее облачко над головой перекатывалось и переливалось, нити шевелились, как маленькие щупальца.

– Все так плохо? – спросила она.

– Ну, как тебе сказать. На вашем роду лежит проклятье. Я так думаю, что оно свежее, ну, может, ему лет двадцать, полученное тобой или твоими ближайшими родственниками на весь ваш род, – выпалила я, и мне как-то легче стало, а вот Юле, наверно, не очень.

– И что же делать? – спросила она меня с надеждой.

– Честно? Я не знаю. С братом со своим посоветуйся, – ответила я.

– Он опять начнет нудеть, что мы с мужем не венчанные, и в том же духе, – она опустила глаза.

Катя принесла чайник, Николай следом за ней нес чашки с блюдцами.

– Собрал кровать? – спросила его Юля.

Я убрала карты со стола, отложила колоду в сторону. Батюшка на них неодобрительно покосился.

– Там чуть-чуть осталось. Вот решил Кате помочь все принести. Сейчас еще пирог достану, – ответил он.

Он ушел вслед за Катюшкой.

– Следит за нами, как бы мы чего не натворили, – подмигнула мне сестрица.

– Слушай, а может быть, это и есть выход – венчание? Ты перейдешь официально в род мужа, будешь под его защитой, – начала я.

– Ты знаешь, я еще никому не говорила, я после последней попытки забеременеть ушла от него. Мне тяжело на него смотреть, он

молодой, еще может найти себе девушку, у которой не будет проблем с этим. Взяла отпуск и думаю пожить немного у братца, отвлекусь от дурных мыслей. Может, к нему в церковь схожу, проникнусь, так сказать, его духовностью, – она уже не плакала, а разглядывала вишневые кусты за моей спиной.

– А вот и пирог, – к нам подошел Николай, держа полотенцем форму с пирогом.

Катюша принесла ножик и заварочный чайник. Все уселись за стол и принялись пить успокоительный чай, который я специально для них заварила.

– Ну, о чем болтали, девочки? – поинтересовался батюшка.

– О том, что я тебе буду две недели глаза мозолить и помогать по хозяйству в твоей холостяцкой берлоге. В приход твой тоже загляну и даже поститься буду. Мне похудеть не мешает. Не переживай, муж меня отпустил, – болтала Юля, смотря на реакцию братца.

– Мне некогда будет с тобой возиться, – ответил ей Николай.

– Я не маленькая, сама себя как-нибудь развлеку.

Потом мы просто пили чай, ели шарлотку, болтали о погоде и огородных делах. Милые посиделки незнакомых знакомцев. Я смотрела на них и думала о том, что две недели назад я рыдала в городской квартире и считала, что жизнь со мной так несправедлива. А теперь я сижу здесь, моя любимая дочь рядом со мной, у меня есть крыша над головой и еда, ко мне тянутся люди, несмотря на мое нежелание общаться с кем-либо. Шарлотка исчезла, чай был выпит, Николай пошел доделывать кровать. Мы остались с Юлей одни.

– Как ты думаешь, проклятие вообще снять можно? – спросила меня брюнетка.

– Говорят, что можно, а там кто его знает, – пожалала я плечами.

– Тебе хорошо, на тебе нет проклятия, – протянула Юля.

– С чего ты взяла? Практически на каждом лежит какое-то проклятие. Вот у меня прабабка подружилась с соседом, жене соседа это не понравилось, и она прокляла весь ее род. С тех пор у нас в роду с мужиками проблемы – и с мужьями, и с сыновьями.

– Это как? – не поняла она.

– Если замуж, то либо пьяница, либо сиделец, а то и то и другое вместе, если сын родился, то обязательно мучитель для своей матери, ну и пьяница, и сиделец. Ну и мрут они раньше своих матерей и жен.

– А снять что легче – старое проклятие или новое? – поинтересовалась Юля.

– Мне кажется, новое легче, оно еще на поверхности, еще не вплелось в нити рода. Еще можно выпросить прощение у того человека, которого обидел. Просто так ни одно проклятие к нам не прилипнет, а тем более не задержится в роду. На ногу человеку наступил, и он тебя проклял, такое вот не ляжет. Если испортил или забрал чью-то жизнь, то вот за такое точно прилетает, и мучаются его потомки и отработывают, – высказала свою теорию.

– А если я к бабке Нине пойду, она снимет? – спросила брюнетка.

– Ага, снимет, догонит и добавит. Есть у тебя в роду козел отпущения, кого не жалко? Вот на него и навешает, и твое, и свое, и родовое, – сама удивилась своему ответу.

– А белые методы какие-нибудь есть? Молитвы там, свечи за здоровье какие-нибудь?

– Можно соборование, но это не ко мне, это вон к брату твоему. Не могу я тебе помочь, не умею и не знаю как, да и нет у меня на это разрешения, – я вспомнила сегодняшней сон. – В роду копаться могут только сильные и опытные маги.

– Знаешь, все равно спасибо тебе огромное. У меня камень с души свалился, я-то думала, что я виновата в том, что со мной происходит, – она на меня смотрела по-доброму.

Нити ее втянулись назад в облако и больше не нависали над ней противной паутиной. Значит, она приняла какое-то решение.

– Принимай работу, матушка, – услышала я голос Николая.

Мы пошли посмотреть на кровать. Катюшке очень понравилось, она выдвигала, задвигала ящики, ходила вокруг нее, трогала ручками.

– Мам, а матрас когда будет? – спросила дочь.

– Как у меня нога перестанет болеть, так и сгоняем с тобой в город и выберем матрас, – ответила я.

– Если хотите, то я могу вас отвезти, – предложила Юля, – мне все равно делать нечего.

– Ура, ура, – захлопала в ладошки Катюшка.

– Спасибо, я подумаю над вашим предложением, – ответила я, эта идея мне не очень нравилась.

Поблагодарила Николая за кровать. Проводила гостей и перевела батюшке пять тысяч в благодарность за проделанную работу.

В сообщении к переводу указала: «На приход». Не хочу быть ему должной.

Кровать помыла, окурила, нанесла на нее защитный став, пусть охраняет доченьку во сне. Решили с Катюшкой, что пока она спать будет на нескольких одеялах. Если покажется жестким, то уйдет ночевать на диван в зал.

Я считаю, что с проклятьем батюшки и его сестры поступила правильно. Конечно, можно было бы попробовать снять его при помощи бабушкиных тетрадей, но если бы я была сиротой гольной, без детей и плетей, то, может быть, и рискнула, а так...

Мухи

Мне однозначно нравится здесь просыпаться. Какое чудо – спать спокойно, какое это счастье – засыпать сразу, а не ворочаться половину ночи, перекатывая из стороны в сторону кирпичи тяжелых дум. Потянулась на диване, сладко зевнула. Какая красота, и встается тут легко, а уж дышится как...

Побрела на кухню ставить чайник, нога практически не болела, на ночь намазала своей волшебной мазью. Маруськин укус практически зажил, остался только живописный синяк. Прозвонил телефон, тенденция, однако, незнакомый номер, местный, беру трубку.

– Доброе утро, Агнета. Это Константин Петрович. Не разбудил? Не забыли еще меня? – голос был бодрый.

Конечно, его забудешь, он у меня навечно в памяти останется, как самый первый мужчина с чертовщиной.

– Утро доброе, Константин Петрович, разве вас забудешь. Уже встала. Как самочувствие? Как Машенька? – поинтересовалась я.

– Мы с Машенькой живем хорошо. Она отдельно от меня, а я отдельно от нее. У нее молодой бойфренд, а у меня новое хобби, – смеется.

– Что за хобби? – поинтересовалась я.

– Я учусь готовить всякие интересные блюда.

– Отлично, это просто замечательно.

– Я чего вам звоню. Ваш поп кровать вам смастерил, а матрас вы купили? – поинтересовался Константин.

– Смастерил, а вот за матрасом может, сегодня съездим. А что?

– Размер кровати случайно не метр девяносто на восемьдесят?

– Как вы догадались? – смеюсь.

– Оказывается, я в одну из своих запойных недель купил квартиру, а потом обставил ее мебелью, и зачем-то приобрел матрас на односпалку без кровати. Ну, так я хочу вам его отдать. Назад в магазин мне его уже не вернуть, прошли все сроки, выбросить новую вещь рука не поднимается, продавать я его не буду. Остается один выход – отдать тому, кому он нужен. Как вы на это смот-рите? – выдал он.

– Я на это смотрю сугубо положительно.

– Пришлю к вам сегодня мальчика с матрасом. Спасибо вам, Агнета, за все. Всего доброго, – пожелал он.

– Спасибо вам. Всего доброго, – ответила я и положила трубку.

Ура-ура-ура, никуда ехать не надо, тратиться не надо, как хорошо, как замечательно. Какой чудесный день, какой чудесный день, какой чудесный я и песенка моя. Подхватила ведро и пошлепала кормить и доить коз.

После завтрака позвонила Юля, спрашивала, когда поедем за матрасом. Поблагодарила ее за заботу и ответила, что мне привезет матрас из города мой приятель. Она хотела напроситься в гости, но я ответила отказом, дескать, у меня работа. По голосу было слышно, что она немного обиделась. Но она же сама сказала, что взрослая девочка и развлекать ее не надо, пусть брату поможет дома и в церкви.

Приходила Настена, радостная, папа обещал в понедельник приехать, смог с напарником договориться на пару дней пораньше выехать с месторождения. Бабушка у нее так и не появлялась. Мама звонила всего пару раз, узнавала, когда приедет отец. С братишкой все хорошо, сыпь прошла, и животик не болит. Сама она успевает и уроки выучить, и с ребенком поныничаться, и по дому пошуршать, золотой ребенок.

После обеда позвонила маман, поинтересовалась, как моя нога, и может, я все же сподоблюсь до нее доехать в пятницу. Ну что же, придется ехать, все-таки она моя родительница, и благодаря ей, а может вопреки, я такая, какая есть. Надо будет тогда приготовить вечером побольше, чтобы и Катюшке было что есть, и с собой взять.

Часа в четыре привезли матрас, новый, в упаковке. Модель не из дешевых. Водитель еще передал торт и коробку конфет. Чудеса прямо. Позвонила Константину, поблагодарила. По голосу было слышно, что он очень доволен. Сказал, что записался к доктору проверить, насколько сильно он угробил свой организм за годы возлияний. Ну вот и отлично, надеюсь, у него все сложится.

Вечер прошел за поеданием тортика и просмотра мультиков вместе с дочерью. Катюшка радовалась новому матрасу и возможности окончательно перебраться в свою комнату. Я так и живу в кабинете и, несмотря на наличие такого количества магической литературы и различных артефактов, я там сплю хорошо и мне там нравится.

Наступило утро пятницы. Собрала пакет с продуктами: десяток яиц, творог, козьи сливки (скажу, что коровьи), картошка и запеканка, вареники с картошкой и салом, домашний йогурт. Вроде всего по чуть-чуть, а получилась увесистая сумка. Дочь ехать со мной отказалась, говорит, учиться надо. Оставила ей полторашку с молоком для Настены. Взяла сумку и пошлепала на остановку любоваться радостными лицами отправляющихся по делам и на работу в такую рань людей.

Доехала без приключений, как всегда, на своем любимом колесе. Днем обещали жару, ну а с утра было прохладно. Ждать на лавке не стала, когда их величество проснется.

– Доброе утро, – ворвалась я в квартиру. – Солнце уже встало.

– Ты чего меня пугаешь? – услышала я недовольный голос.

– Ты разве меня не ждала?

– Ждала, но я думала, ты приедешь не так рано. Список тебе приготовила, что мне надо купить и что сделать.

– Может, сначала чаю? Ты завтракала? Я тут тебе полную сумку привезла, – поставила чайник и стала все выгружать из сумки.

– Что там твой козел? – поинтересовалась маман, рассматривая все, что я привезла. – Опять яйца, мне столько не надо, забери обратно, у меня еще те не кончились.

– Отдай тетке. В прошлый раз пожадничала и не отдала небось? – спросила я.

– Нет, я забыла. Ну, так как он там, когда планирует возвращаться?

– Без понятия. Не знаю и знать не хочу. Я от него ушла, – засмеялась я.

– Как ушла? Как ты теперь жить будешь? Кто меня теперь отвозить будет, если мне что-нибудь понадобится? Где ты живешь? – мама разволновалась.

– Живу и буду жить замечательно. Отвозить тебя будет такси. Живу в деревне, дом сняла.

– Что там делать, в деревне, коровам хвосты крутить? На что ты жить будешь, ты подумала? Ты про ребенка подумала, что там за школа? – она распалаясь все больше и больше.

– Да, мам, коровам хвосты крутить, со свиньями в грязи валяться и самогонку с колхозниками пить. В известность я тебе поставила? Поставила. Теперь имей в виду, что по каждому твоему требованию

приезжать я не смогу. Продукты я тебе привезла свои, не брезгуй. А теперь давай пить чай, ругаться с тобой я не собираюсь.

Губы надула, руки трясутся, обида вселенская, смотрит в окно.

– Ну что же, дочь, жизнь твоя, я тебе не указ, но если хлебнешь там горя, то не плачься.

– Договорились, плакать больше не буду, буду жить и радоваться, – улыбнулась я в ответ.

Потом я готовила, слушала жалобы, ходила в магазин и аптеку и снова слушала жалобы. Все как всегда. В какой-то момент она не выдержала, все же любопытство ее распирало, стала выспрашивать, где находится дом, сколько километров от города, как туда добраться. Также интересовалась, сколько комнат, а то вдруг она решит ко мне в деревню на лето перебраться. Я посмеялась, припомнила ей хвосты коровьи.

В этот раз я с ней особо и не ругалась, все обошлось. Конечно, она пожалела, что я ушла от мужа, высказала надежду, что, может быть, я одумаюсь и вернусь. Может быть, может быть, но не сейчас и, скорее всего, не в этой жизни.

Уехала пораньше, не хотелось сидеть в душном автобусе с толпой народа, пятница же, кто с учебы домой, а кто после работы. На парковке рядом с автовокзалом стояли «Газельки»-такси. Нашла нужную, того кавказца не было, да ну и ладно. Села рядом с женщиной, оплатила. Подождали еще пару человек и поехали. Разглядывать соседку было неудобно, но вот запах от нее шел неприятный, как будто молоко прокисло, и бродить начало, плюс пахло перегаром. Краем глаза заметила, что над ней что-то летает. Как только напротив место освободилось, я пересела.

Женщина была неопрятная, короткие волосы, выстриженные клочками, как будто она сама себя в пылу самоистязания стригла. Непонятная кофта, застегнутая неправильно, спортивные штаны, размазанная помада и тушь, клетчатая сумка-баул в ногах. Над головой у нее вились черно-зеленые жирные «мухи» размером с теннисный мяч.

– Что, не нравлюсь я тебе? – спросила она у меня с вызовом.

Посмотрела на нее и не стала ничего говорить.

– Вижу по твоей роже, что не нравлюсь. Я сама себе не нравлюсь, сама себе противна, – продолжила докапываться до меня мадам.

Я отвернулась и стала смотреть в окно.

– Чего морду скривила? К хахалю, небось, едешь, по тебе же видно, что ты не деревенская, – продолжала она разговаривать.

Взглянула на нее и снова продолжила смотреть в окно.

– Я тоже не деревенская. К козлу одному еду, ненавижу его, а жить без него не могу. Вот набрала всего, напекла, денег взяла, сигарет ему накупила. Ты куришь? Вижу, что не куришь. Молодец, здоровый образ ведешь. Уважаю, хоть я тебе и не нравлюсь.

Мы подъехали к моей остановке. «Мухи» уже ни велись над ней, они облепили всю ее голову и ползали по лицу. Практически все пассажиры вышли, только одна она осталась в салоне.

– Выходи давай, – сказал ей водитель, брезгливо скривившись.

– Мне до Ключевки надо, – ответила она испуганно.

– Дойдешь, тут пятнадцать километров. Я сломался, не повезу тебя одну, – буркнул водитель.

Пассажирка начала материть его, но все же вылезла. Встала на остановке и стала растерянно озираться.

– Куда же мне идти?

– Туда, – махнул куда-то в сторону водитель.

– Я заплатила.

– На твои двадцать рублей, которые были сверх, и иди пешком, – сунул ей в руку мелочь мужчина.

Я зашла к Марине в магазин за хлебом. Немного поболтали с ней. Она мне рассказала, что к батюшке какая-то девица приехала, и он с ней живет теперь. Посмеялась и вышла на улицу. Мадам стояла на остановке и кому-то пыталась дозвониться, громко матерясь на всю улицу. Прошла мимо нее.

– Эй-эй ты, как тебя там, – услышала я позади голос.

Прибавила шаг.

– Слушай, у меня сумка тяжелая, я не дойду пятнадцать километров. Давай я у тебя переночую, а завтра мой за мной приедет и заберет меня, – бежала она за мной следом и кричала.

– Почему он сейчас за тобой не приедет? – остановилась я и развернулась к ней лицом.

– Потому что он пьяный, лыка не вяжет, – она ругнулась матом.

– Нет, – ответила я и пошла домой дальше.

– Почему? – удивилась она.

– Потому.

– Слушай, у меня же деньги есть, я заплачу. Пусти хоть в сараюшку, – она чуть не плакала.

Женщина полезла куда-то в закрома своих штанов. Вытащила дорогой кожаный кошелек, который совсем не вязался с ее внешним видом. Порылась там и вытащила пятисотку.

– Вот, – она протянула их мне.

– Нет, – мотнула я головой.

– Мало, что ли? – она смотрела на меня с испугом, в глазах стояли слезы.

– Нет, – опять я ей отказала.

– Ну, давай я что-нибудь сделаю, сготовлю, я готовлю вкусно, или в огороде грядки вскопаю. Ну, и деньги, – она тряхнула купюрой.

Мне стало ее жалко, почему-то вспомнила, как я по деревне металась, и никому до меня не было дела.

– Хорошо, – мы дошли до моего дома.

Она сунула мне в карман ветровки деньги, поставила свой баул на лавочку около дома, достала из него пол-литровую бутылку пива.

– Вот и ладненько, – подмигнула она мне и профессиональным ударом открыла крышку поллитровки.

– Будешь пить, оставайся здесь. У меня дома не пьют, – повернулась я к ней.

– Да ладно тебе. Обиделась, что ли? Так у меня еще есть, я тебя сейчас угощу, – поставила она бутылку на лавку и стала рыться в сумке.

– Ты меня не поняла? Оставайся здесь, – повернулась я и стала открывать калитку.

– Так куда же я его дену, оно же открытое? – возмутилась мадам.

– Вылей вон под тем деревом, – кивнула я на одинокое дерево на пустыре рядом с заброшкой напротив моего дома. – Скажи – в дар богам, на благо моего выздоровления.

– Ты чего, ку-ку? – она посмотрела на меня как на умалишенную. – Ладно, ладно, как скажешь. Что-то мне не хочется ночевать на улице.

Она взяла бутылку и пошла к дереву. Перевернула ее и стала выливать содержимое под деревом.

– В дар богам, на благо моего выздоровления, – крикнула она и засмеялась.

Откуда-то появился Волк и стал жадно лакать пиво, выливающееся из бутылки.

– Ты это видишь? Собака пьет мое пиво. Конечно, стоит-то оно сотня за пол-литра, еще бы от него отказываться, немецкое.

Она все вылила и смотрела на Волка, а он смотрел на нее.

– Какая собачка хорошая, давай я тебе курник дам. Я такие курники напекла.

Мадам кинулась к баулу, а Волк остался сидеть на месте. Она принесла ему выпечку. Он аккуратно взял ее из рук и принялся есть.

– Какой ты хороший, – она стала его гладить, когда он все дожевал. Наклонилась к нему, а он сначала уткнулся в ее плечо, а затем высунул язык и зацепил несколько жирных мух у ее лица. С хрустом и аппетитом принялся их жевать.

– Ой, он лизнул меня, лизнул, – засмеялась женщина.

По забору бегал Проша и громко возмущался несправедливостью этого мира. Конечно, там столько вкусного досталось волку, а он, бедный и несчастный маленький котик, совсем голодный.

Женщина встала, отряхнулась и пошла к своему баулу.

– Меня Ира зовут, – представилась она.

– Агнета. Идем, я тебя в твои пенаты провожу.

Она шла за мной и все восхищалась собакой. Определила ее в летнюю кухню. Вторая пятница подряд и у меня снова незваные гости.

Переменчивое настроение

Проводила Иру в летнюю кухню, показала ей, где лежит постельное белье, стоит посуда, находится душевая в бане и туалет на участке. Сказала, что продукты может убрать в старенький холодильник, только пусть включит его. Предупредила, что я его не мыла, если ей надо, то пусть помое. Она села на диван, погладила его руками.

– Хорошо здесь, тихо. Может, чай попьем? У меня курники есть, я их сегодня пекла, варенье с собой привезла, – заглянула она мне в глаза.

– Чай попьем, если хочешь, ешь курники, а я от печеного воздержусь, – ответила я. Честно говоря, ее вид не располагал к аппетиту.

– Может, через час захочешь? Я пока просто воды попью, сушняк гложет. В порядок себя приведу, а то воняет от меня, как от мыши потной, – выдала она.

– Давай через час в беседке чай попьем, – согласилась я и пошла в дом.

Переоделась с дороги и отправилась в душ, сегодня было жарко. С ужином решила не заморачиваться: омлет и бутерброды с сыром. Все же есть преимущество в маленькой семье, не нужно придумывать и готовить первое, второе и компот. Поставила чайник и вышла на улицу. Ира уже спешила в беседку, неся свои курники, варенье и конфеты к столу. Она сняла свою дурацкую кофту, смыла размазанный макияж и поменяла майку на чистую.

– После душа человеком себя почувствовала, – просияла она, раскладывая снедь на столе.

Ее «мухи» летали на некотором расстоянии от головы и от лица, но все равно вызывали у меня неприятные ощущения в желудке. С той стороны, где Иру лизнул Волк, их не было. Проша ходил за ней по пятам. Я принесла сковородку с омлетом, хлеб, сыр и салат с солеными огурцами. Катюшка притащила тарелки и вилки.

– Ой, у тебя дочь есть? Красивая какая, вся в маму. А муж где? – поинтересовалась Ирина.

– На работе, – пожала я плечами.

– А я своего выгнала, или он сам ушел, я так и не поняла, – ответила она, усаживаясь на лавку в беседке. Позади нее на спинке устроился Проша. Он сосредоточенно ловил «мух» лапкой и отправлял их в розовую пасть.

– Какой у тебя котик хороший, большой, правда, необычный. Что за порода? – она попыталась почесать его за ушком, но он увернулся.

– Мейн-кун, – ответила я, раскладывая омлет по тарелкам. Гостья от него не отказалась.

– Вы курнички-то ешьте, – придвинула она пакет с выпечкой поближе к нам.

Катюшка мотнула головой, я поблагодарила Ирину и отказалась. Дочь я приучила не есть чужую еду. Мужа, кстати, тоже этому учила, не есть и не пить у людей, которых плохо знаешь и в которых не уверен.

– Я холодильник помыла. Сейчас поужинаем, и я летнюю кухню тоже помою. Там вроде чисто, но мне хочется для себя чистоту навести. Может, в огороде чем помочь? Пока светло, можно и там покопаться, – предложила она свою помощь.

– Не нужно. Сама завтра грядками займусь, – ответила я, дожевывая салат с огурцами. – А ты к кому приехала? – поинтересовалась я.

– Ты его не знаешь. Его Женя зовут, у него есть козы, две собаки и два кота. Дом большой, правда, не-ухоженный, там ремонт надо делать. Вот приехала мерить стены, потом в городе обои куплю и привезу. Жаль, что сейчас на автобусе ездить приходится. Права отобрали за пьянку.

– Ты его спасать приехала, что ли? – поинтересовалась я.

– Нет, он хороший, вот только работу найти не может, деревня же, и жена поэтому от него ушла.

– На что же он живет?

– Мама-пенсионерка денег подкидывает, я вот привозила продукты и курево ему. Жена иногда бывшая заходит, что остается от обеда, заносит, ну и сын взрослый иногда помогает, – в голосе слышны были нотки оправдания.

– Как хорошо мужик устроился, молодец! – воскликнула я. – У нас тут ферма есть, работники требуются постоянно. Так что

не хочет твой крендель работать, вот и все. А мужа чего выгнала?

– Не знаю, я как Женьку увидела, так и рассудок помутился, стала к мужу придирааться, ругаться с ним, бесить он меня начал.

Катюшка поела, встала, собрала все тарелки, оставила нам только чашки для чая.

– Спасибо, мамуль, все было очень вкусно, – чмокнула меня в щечку и ушла мыть посуду.

– Как хорошо, когда детки есть, – вздохнула женщина.

– А у тебя их нет? Взрослые, наверно, уже.

– Есть. Прямо взрослые, сынище – двенадцать лет. Мне самой тридцать пять всего, – ответила она и махнула рукой. – Он с отцом вместе ушел, не выдержал моих истерик.

Критически оглядела Ирину: я думала ей где-то полтинник.

– Да я сама знаю, что выгляжу хреново. Разжирела вот, волосы, зачем-то сама себе отстригла, не влезаю ни во что. Плюнула на себя, главное – Женьке нравлюсь, а остальное не важно, – она расплылась в глупой улыбке.

Обратила внимание, что как только она начинала говорить про этого Женю, количество «мух» увеличивалось. Проша сполз со спинки, улегся на землю и лениво гонял «муху» лапкой, видно, объелся.

– А ты как с ним познакомилась? – спросила я.

– Ой, его свекровь пригласила к себе на какой-то праздник, типа бедный родственник, – хихикнула она.

– Свекровь, наверно, тебя недолюбливает? – в голове начала вырисовываться безрадостная картинка.

– Мягко сказано, считает, что я не пара ее сыночке. Говорит, что он меня кормит и одевает, и зарабатывает хорошо. Правда, муж зарабатывает хорошо, но и у меня зарплата отличная. Была... Я коммерческим директором работала в одной очень крупной и солидной фирме. Мне сначала отпуск дали, потом я за свой счет взяла, потом больничный. Если не выйду в понедельник, то меня уволят. Держали так долго за былые заслуги. Да и по барабану, пусть увольняют, главное – милый рядом, – и опять эта глупая улыбка.

– То есть с появлением в твоей жизни этого Жени у тебя разрушилась семья, испортились отношения с окружающими, ты

подурнела, стала выпивать, у тебя рухнула карьера, и ты стала безработной? – подвела я итог.

– Ну, зачем ты так. Я тебе душу открыла, а ты туда плюешь, – скривила она мордочку и готова была уже заплакать.

– Ты мне на вопрос ответь, так это или не так, – я не повелась на ее манипуляции.

– Ну, так, – Ирина отвернулась и посмотрела с тоской в сторону.

Одна из «мух» отвалилась и упала, Проша пришиб ее лапкой.

– Ты не знаешь, когда будет автобус до города? – спросила она.

– Завтра утром и в воскресенье вечером, – я на нее внимательно смотрела, мухи уже примелькались и не мешали обзору.

– Я, наверное, завтра с утра домой поеду, сыну курников отвезу. Сигареты, правда, не знаю куда девать, – у нее отвалилась еще одна муха.

– Договорись в местном магазине, может, они твои сигареты возьмут, – предложила я.

– Ладно, пойду немного отдохну, – она собрала свои продукты и ушла в летнюю кухню.

Через час я решила отнести Ирине книги, может ей скучно, и она захочет почитать. Зашла в летнюю кухню.

– Ё-моё, Ира, что же ты наделала! – воскликнула я.

По стенам, полу, окнам ползали ее «мухи». Мадам собирала свои вещи в сумку и выглядела весьма довольной.

– Мне Женька позвонил, говорит, чего ты там торчать будешь, приходи, не надорвешься сумкой, – она запихивала в баул свои продукты.

– Ну как так-то, Ир? – в предбаннике отломил несколько веточек от чертополоха и полыни, веники которых висели под самым потолком.

– Ну что ты, там всего пятнадцать километров. Дойду часа за два. Ты чего удумала? – она посмотрела на меня с опаской, когда я подпалила импровизированный веник из трав.

– Тараканов твоих морить буду, – в сердцах ответила я.

Позади нее сформировался огромный мушиный комок, который толкал ее к выходу.

– Ты чего, совсем с дуба рухнула? – покрутила она пальцем у виска.

– Подожди, сейчас дымом пройду по стенам, и провожу тебя, – ответила я, тщательно обрабатывая дымом поверхности комнаты.

– Нет у меня ни вшей и ни блох, – обиделась она. – Я и на кровати твоей не спала, только посидела чуть-чуть.

Со стен, с потолка, со штор сыпалась эта гадость. Прошла дымом по полу, в шевелящийся шар сунула веник. Как это выглядело со стороны, не представляю. Она смотрела на меня, как на сумасшедшую. Ира закашлялась, изо рта у нее вылетела жирнющая муха. Женщина заплакала.

– Ну, куда я пойду на ночь глядя, что же я за бестолочь такая, поманил, а я и рада. Пусть завтра за мной приезжает, – она плюхнулась на диван и стала разбирать свой баул, относя продукты в холодильник.

Мушки тихонько дымились, а затем просто исчезли в дыму. У нее над головой осталось несколько штук. Я открыла окно, чтобы проветрить помещение.

– У меня телефон сел, зарядку дома забыла. Ты мне не дашь свою?

– Не дам, у нас на двоих с дочерью одна, сейчас заряжается ее телефон, на ночь свой поставлю. Утром дам тебе на пару часов, – сказала ей правду, да и незачем ей с этим Женей созваниваться. Он сам виноват, думал, рыбка на крючке, и можно делать все что угодно, да не угадал.

Она взяла одну из книг в руки.

– Давно ничего не читала, – стала листать она страницы. – Вот странно это все, меня кидает в разные стороны, то мужа ненавижу, то Женька этого, то себя, то свекровь, а то все равно становится, а то прямо всех расцеловала бы. Хотя последнее состояние очень редко бывает.

– Ты можешь минут десять на улице посидеть? – спросила я ее.

– Могу. А что такое?

– Да кое-что сделать надо.

Ушла в дом, взяла небольшие мешочки, насыпала в них новую соль. Вернулась, Ирина уже сидела в беседке и увлеченно читала приключенческий роман, вокруг нее вилось штук пять мух. В летней кухне я разложила по углам мешочки с солью с заговором. Так новые мухи не появятся и не расползутся по окрестности. Когда вышла из домика, то крикнула Ирине, что она может возвращаться.

Та махнула мне рукой и показала на книжку. Приобщаю народ к чтению.

– Мам, ты теперь всех убогих собирать будешь? – поинтересовалась моя дочь вечером.

– Как получится, но я всеми силами и способами постараюсь оградить тебя от любой опасности, – чмокнула я дочь в щечку.

Минус один

Субботнее утро, за окном поют птички, деревья подернулись зеленой дымкой, еще нет цветов, но уже наметились бутоны. Запах стоит такой терпкий, так пахнет только свежая кора, деревья, почки, смола. Настроение замечательное, а на душе, как и на улице, птички щебечут. Взяла ведро и отправилась к своим козочкам и курочкам. Смотрю, Ирина между кустов лазает и что-то там делает.

– Доброе утро, – крикнула я ей.

– Утро доброе, – помахала она мне каким-то инструментом.

– Что ты там делаешь? – поинтересовалась я.

– Решила обрезать сухие ветки, пока листьями все не покрылось.

Я к хахалю своему секатор взяла, хотела у него огородными работами заняться. Утром вышла по туалетным делам, думаю, чего зазря небо коптить, дай доброе дело сделаю, – она вся светилась, ей приносило это удовольствие.

– Сейчас козочек подою, курочек покормлю, и завтракать будем, – ответила я.

Около Ирины летали все те же мухи и все в том же количестве, что и вчера вечером, их не стало больше, но и меньше не стало. Напоминать ей про телефон мне не хотелось, пусть человек немного просвет увидит и отдох-нет от суеты.

Завтракали в беседке. Вот думаю, как же зимой людей принимать, летний домик еще утеплить можно, а вот как быть с беседкой, не будешь же есть на морозе. Ладно, буду решать проблемы по мере их поступления. Мы мило болтали ни о чем с гостьей. Ирина выглядела лучше, чем вчера, видно, свежий воздух пошел ей на пользу, ну и уменьшение насекомых тоже сыграло свою роль.

– Как спалось? – поинтересовалась я.

– Полночи не могла заснуть, а потом глаза открыла – уже утро. Первый раз за последнее время спала без кошмаров, а то обычно только задремлю и как кто-то в бок толкает в часа три ночи.

– Что за кошмары?

– Женщина меня какая-то за волосы таскает, то бьет меня, то в землю закапывает. Я в одно такое утро спросонья все волосы себе

почикала.

Мы собрали всю грязную посуду и отнесли в кухню. Катюшка отправила меня к госте, сказала, что сама все перемоеет. Надо рядом с беседкой раковину организовать, не дело каждый раз ребенка эксплуатировать. Да и посуду нужно отдельную для гостей завести, а то мало ли.

Ирина сидела за столом и о чем-то думала. Она подняла на меня глаза.

– Все так плохо, да? – спросила она.

– Пока не смертельно, – ответила, разглядывая ее мушек.

Несмотря на кажущуюся одинаковость, они были разными. В основном черно-зелеными, у кого-то был рисунок на брюшке, у кого-то на спинке, цвет у одной переходил в темно-коричневый. Но все равно они были неприятными и противными.

– Ты мне поможешь? – на ее глаза навернулись слезы.

– Можно попробовать, но не обещаю. Я не волшебник, а только учусь, – усмехнулась я.

– Что там? Порча, приворот? – спросила она.

– Ну что, родная, тут на тебе только ленивый эксперименты не ставил, – ответила я. – Ты сама-то готова изменить свое положение?

– Готова, – закивала она головой.

– Ну что же, давай начнем с твоего кошелька, доставай свою прелесть. Я сейчас приду, – я отправилась в дом за пинцетом и средствами для розжига, думаю, они мне пригодятся.

Натянула хозяйственные перчатки, на столе лежал ее кожаный кошелек с красивым рисунком в виде розы с шипами и кровавыми каплями.

– Чудесная вещица, – посмотрела я на него.

– Аккуратно, он очень дорогой. Мне коллектив подарил на тридцатипятилетие, – сказала она, когда я принялась его вертеть пинцетом.

– Добрые у тебя, Иришка, коллеги, – я нашла небольшой потайной карманчик.

Пинцетом вытащила пятидесятирублевую купюру, сложенную конвертиком.

– Видишь, для тебя им ничего не жалко, – усмехнулась я, показав находку ей.

– Что там? Это не мое, я такого не клала, – испугано сказала она.

– Конечно, не твое. Да все что угодно может быть, например, кладбищенская земля, могут быть волосы, мелкие монетки, а может быть все вместе. Я бы не рисковала и не открывала. Знаешь поговорку – любопытство сгубило кошку.

– Ну-ка, денежка, расскажи, для чего тебя сделали? – тряхнула я купюру. Конечно, это был вопрос риторический.

Но вдруг купюра превратилась в черную бабочку с огромной зубастой пастью и потянула свои лапки к деньгам в кошельке. Я чуть пинцет от неожиданности не уронила вместе с этой поганью. Вероятнее всего, Ира не видела метаморфозы с купюрой. Вот как, думаю, колечко со змейкой работает, всякие страсти-мордасти показывает.

– Что она сказала? – шепотом спросила Ирина.

– Это крадник на денежки, чтобы они у тебя никогда не водились, – ответила я.

– И что делать?

– Сжечь, и пепел закопать, и вот это я тоже рекомендую отправить туда же, – кивнула я на кошелек.

– Блин, но он же дорогой, – с сожалением сказала женщина.

– Расскажи-ка, дорогая, а сколько ты за последние полгода денег потеряла? – поинтересовалась я. – Сколько ты таких кошельков могла на эти деньги купить?

– Пошли, – она решительно встала.

– Пошли, бери горелку и средство для розжига. Обычно это горит плохо. Лопатку в сарайке прихвати, – сказала я.

– Сейчас, еще мясо для собачки возьму.

Она выгребла всю наличность из кошелька, тихо матерясь. Надеюсь, ее «молитвы» дойдут до адресата. Рассовала все по карманам своих необъятных спортивных штанов. Мы вышли за калитку и отправились на пустырь к тому самому «алтарю» из битых кирпичей. Все на нем разложили. Облила средством для розжига.

– Поджигай, – скомандовала я.

Ирина открыла газ у горелки. Средство вспыхнуло, а вот предметы, казалось, даже огнем не тронуло. Ну ничего, мы

терпеливые, еще раз оболъем и подожжем. Из-за дерева вышел Волк и наблюдал за церемонией.

– Говорить ничего не надо? – поинтересовалась Ира.

– Скажи, что считаешь нужным, – предложила я.

– Огнем праведным все свои деньги очищаю, врагам все зло возвращаю. Пусть они за мои долги рассчитаются и за все расквитаются. Око за око, зуб за зуб, – воодушевилась женщина.

Я прочитала за ней следом ее импровизированный заговор, потом мы повторили его третий раз уже вместе.

– Да будет так, ключ, замок, язык, – закончила я.

Вещи вспыхнули и тут же превратились в пепел.

– Теперь закопать? – спросила она.

– Угу.

Она закапывала пепел и бормотала себе под нос свой придуманный заговор.

– Злобу и зависть вражины закопаю, пусть от меня отскочит, а к ним прилипнет. Да будет так, как я сказала. Аминь, – выдала она.

Повернулась и увидела Волка под деревом.

– Ой, а собачку же еще нужно покормить.

Она достала пакет с куском свежей печени. Вынула ее, испачкавшись в крови, и протянула Волку.

– На, держи, кушай за мое здоровье, – положила она рядом с ним и отошла. Одна из мух прилипла к куску и никак не могла оторваться.

Волк взял печень и потрусил куда-то в степь.

– Пошли, – потянула ее за рукав.

– А это точно собака? – спросила она, глядя ему вслед.

– Точно, точно, маламут это, – махнула я рукой. – Пошли, а то ненароком кто нас из деревенских приметит, – я быстро отправилась к калитке.

Она рванула за мной. Ну вот, минус одна «муха». Хозяйку мушатника придется чистить еще долго и тщательно. Но главное – начать. Все защиты вчера вечером на доме обновила, ну и у тетушек-покойниц защиту для себя и дочери попросила. Буду надеяться, что там самоучки были, а не профи.

Огородные работы

Мы зашли с Ириной во двор. Катюшка выглянула на улицу.

– Мам, тебе кто-то звонил, – крикнула дочь.

Я оставила женщину и прошла в дом. Перезвонила, трубку взял участковый.

– Доброе утро, Агнета. Мы вчера с сыном разобрали теплицу на участке, вот хотели сегодня у вас ее установить, – отрапортовал Александр.

– Утро доброе. Я вроде говорила, что не стоит этого делать, – улыбнулась я в трубку.

– Отказы не принимаются, тем более я уже все разобрал. Вы после обеда дома будете? Я не помешаю? – спросил он.

– Буду. Правда, у меня гостя, но думаю, что это не помеха.

– Хорошо, тогда мы с сыном и с теплицей после двух будем у вас.

До встречи.

– Отлично, жду, – ответила я и отбила звонок.

Вышла во двор. За столом в беседке сидела Ирина и в задумчивости крутила свой телефон в руках.

– Можно я его на зарядку поставлю, или ты поставь его, – попросила она и протянула мне аппарат.

– Ир, я его заряжу, но давай он у меня пока побудет. В понедельник поедешь на работу и заберешь, – ответила я.

– Это почему? – удивилась она.

– Тебе сейчас кто-нибудь нужен? Ребенок же у тебя с мужем и со свекровью, или ты о родителях беспокоишься? – спросила я.

– Да нет, никто не нужен. Вдруг я кому-нибудь понадобилась. Родители сами способны о себе позаботиться и у них есть любимый сыначка, – она пожала плечами.

– Ира, ты сейчас на войне. Понимаешь? Для своего же блага ты должна дистанцироваться ото всех. Или ты знаешь, кто это на тебя все навел? Близкое общение только с сыном, при этом ничего не брать от него, что передают его родственники со стороны отца, не давать никаких предметов ребенку. Деньги только переводом. Всех остальных

это тоже касается, ничего не берем и ничего не отдаем, в квартиру не пускаем, в кабинет тоже.

– Паранойя какая-то, – ответила она.

– Да, Ира, паранойя. Если бы ты видела, какой ты попала ко мне в дом, ты бы поняла, что эта техника безопасности необходима для тебя, – ответила я.

– Хорошо. Два дня погоды не сделают, – она отдала мне телефон.

– Вот и молодец.

Сунула ее телефон в карман, попозже поставлю на зарядку.

– Можно тебя спросить? – задала она вопрос.

– Валяй, – села напротив нее.

– Вот в кошельке это крадник был, да? Кто мне его подсунул, можешь сказать? – выдавила она из себя так мучивший ее вопрос.

– Кто кошелек дарил, тот, скорее всего, и виновник торжества, – ответила я.

– Подарок от коллектива, лично в руки никто не отдавал. Позвали в комнату для совещаний, цветы вручили. На столе стояла огромная коробка, сказали, что там суперприз, и он очень тяжелый. Открыла я ее, а там еще одна, и еще, и еще, пять штук, что ли, их было. Последняя небольшая, вот в ней и лежал кошелек, – растерянно ответила Ирина.

– Если ты уйдешь, кто твою должность займет?

– Может, экономист, а может, с улицы кого-то возьмут, – ответила она.

– Ну вот тебе и кандидат номер один. Завистники были? – поинтересовалась я.

– А то. Я хоть и не афишировала свою зарплату, но хорошую одежду, парфюм и дорогой автомобиль в карман не спрячешь, – на лице промелькнула легкая заносчивость.

– Ну, выбирай тогда из этой толпы любого, – усмехнулась я.

– Я это все заработала, – с вызовом ответила она.

– Молодец, но гордыня твоя плюс чужая зависть, вот и результат. Ну да ладно, по носу ты уже получила резинкой от трусов. В кредиты хоть не влезла, надеюсь?

– Не успела, Женька попросил денег, чтобы дом отремонтировать, бойлер новый поставить, туалет с ванной сделать, чтобы я жила у него, как королева. А я же тогда кутила, выгребла все свои заначки

на черный день, для дома думала кредит брать. В банк не пошла, паспорт не нашла, видно, потеряла. Знаешь, а ко мне как-то свекровь приходила, просила документы на квартиру, дескать, чтобы я ее не пропила. Ну а я такие вещи дома не храню, а на работу мне было лень ехать. Послала ее в путешествие к туркам.

– Ну, там около тебя прямо серпентарий, ты где же так напакостила, что к тебе все это прилипло? – криво усмехнулась я.

– Да ну тебя, – она махнула рукой. – Ты мне скажи, что там еще на мне? – поинтересовалась она.

– Мухи жирные.

– Я серьезно, а она смеется, – немного обиделась Ирина.

– Сама мне ответь, – улыбнулась я.

– Приворот, наверное, порча на красоту, ну мне так кажется. Еще что-то такое на коммуникабельность, с людьми последнее время общаться вообще не могу. А я коммерческий директор, клиенты бесить начали, отправлять к помощнику стала.

– А четвертое что? – спросила я.

– Мне кажется, все, – пожалала она плечами.

– Как дела в семье обстоят?

– Ну, я же говорила, нет у меня теперь семьи, нету, даже сын от меня отвернулся, – с горечью ответила она.

– Ну, вот и четвертое – рассорки и остуды, – сделала я вывод.

– И чего делать? – спросила Ирина.

– Сначала чистить, затем защиты ставить, а дальше будешь грести полной лопатой все, что за это время натворила.

– Как это? – с непониманием спросила она.

– Ир, волшебства не будет, исправлять, восстанавливать, налаживать самой придется. Муж не вернется к тебе по мановению волшебной палочки, он на тебя сильно обижен, да и у сына придется вымалывать прощение. С работой что-то делать, в общем, по всем фронтам самой разгрести придется. Это как у врача, хирург опухоль вырезал, почистил, зашил, а вот как заживать будет, это уже от пациента зависит. Не будет соблюдать предписания доктора, не станет рану обрабатывать, полезет туда грязными руками, то все загноится и воспалится.

– Поняла, – она опустила глаза.

– Сеанс психотерапии закончился, теперь займемся физическим трудом. В здоровом теле здоровый дух, – провозгласила я, вставая с лавки. – Бери секатор и вперед на винные погреба, – посмеялась я.

Она улыбнулась и пошла в домик за инструментом. Я отправилась ставить ее телефон на зарядку. Захватила хозяйственные перчатки и пилу – видела по дороге несколько толстых сухих веток, от которых нужно срочно избавиться. Ирина в саду уже бойко орудовала секатором. Дочь тоже вышла на наш добровольный субботник. Мы шутили, смеялись, пели песни, рассказывали анекдоты, было весело и хорошо. Над Ирой летали вялые мухи, видно, не по душе им пришлось ее хорошее настроение.

В обед мы с Катюшкой доедали все, что осталось в холодильнике, Ира жевала свои курники. На ужин решила приготовить картофельную запеканку. Ровно в два часа позвонили в калитку – приехал участковый с сыном. В прицепе привезли конструктор для теплицы. Александр был доволен и светился радостью, сын не разделял энтузиазма отца.

Решила посмотреть на них с другой стороны, хотя в этом особой нужды не было, ведь что-то сильно выдающиеся само бросалось в глаза. Но мне было любопытно. Посмотрела – небольшой серый кокон вокруг отца и сына. В защиту старшего периодически что-то прилетало, какая-то мелочь (мухи, пиявки, и другие нечистые насекомые), но падали на подлете. На Александре и его сыне стояла хорошая родовая защита.

– Это Славик, – участковый представил сына, видно было, что он гордился своим ребенком.

Славик был чуть пониже отца, но тоже крепкий и рослый. Они перетаскали вдвоем все детали на огород. Когда Александр увидел Ирину, то его лицо перекосило от радости, наверно, он рассчитывал на тихий семейный субботний день.

– Это Ирина, это Александр, – познакомила я их.

– Участковый, – зачем-то он уточнил.

Ира как-то странно хрюкнула, ну да, вид у нее был затрапезный. На огороде появилась Катюшка для оценки происходящего.

– Я Катя, пошли в дом, не надо взрослым мешать, – подошла она к Славику.

Он посмотрел на отца, тот кивнул головой. Детки ушли к Катюшке в комнату: все же ей немного скучно тут. Мы с Ириной

стали помогать Саше собирать теплицу. С шутками и прибаутками втроем мы водрузили эту пирамиду Хеопса на почетное место посередине огорода. Козы с испугом тарасились на непонятный прозрачный сарай.

– Ну все, хозяйка, пользуйся на здоровье! – произнес торжественно Александр. – Теперь займемся грядками.

Все у него так ловко выходило, все быстро, с каким-то задором и куражом. Человек работал с удовольствием. Вот только сажать я ему не разрешила, свою руку знаю, а вот чужой не доверяю. Пока высаживала рассаду, он мне весь огород перекопал. Маруся радостно между нами скакала. Собачья помощница вырыла яму до нефтеносного слоя, наверно, искала трюфели. Измазалась, как гончая свинья, и была невероятно счастлива такому повышенному вниманию к своей персоне. Проша лениво наблюдал за ней, греясь на солнышке.

Потом мы пили чай, ели мою запеканку. Александр рассказывал всякие смешные истории из своей работы участковым. Всем было легко и приятно. Его сын освоился и не смотрел уже на нас букой. Катюшка в нашу породу пошла, разговорит любого.

Приятное общение прервалось звонком, опять кто-то с кем-то подрался, и Александра вызывали на место происшествия. Он немного расстроился, но мы с ним договорились, что он будет иногда заезжать, проводывать меня. Пошла провожать гостей за ворота.

– Агнета, ты с этой женщиной будь осторожна. Не вызывает она доверия, странная она какая-то, – он с тревогой посмотрел мне в глаза.

– Саша, она хорошая, вот только у нее неприятности. Спасибо тебе.

Он покрутил головой в разные стороны, убедившись, что никто на нас не смотрит, чмокнул меня в щечку.

– Промазал, – прокомментировал сидящий в машине сын и громко засмеялся.

– Вот жук, я тебе сейчас, – покраснел Александр и сел в машину.

Он помахал мне рукой, и они рванули спасать соседа от соседа.

Сама себе волшебница

Вернулась во двор. Ирина все еще сидела в беседке над пустой чашкой. Катюшка убрала грязную посуду со стола – какой у меня ребенок замечательный, помощница.

– Ир, еще по чаю? – спросила ее.

– Нет, пойду я, устала немного, и тебе, наверно, уже надоела. Книжку читаю, я видела, в комнате лежит несколько штук.

– Ну да, это от прежнего постояльца осталось, убрать забыла, – пояснила я.

– К тебе еще кто-то обращался кроме меня? – удивилась она.

– Такая же заблудшая душа, как и ты, – ответила я.

– Я думала, ты просто самоучка, из тех, кто просто где-то что-то слышал, но не знающая, – прозвучало это с небольшим разочарованием.

– Ирина, языку хорошо, он за зубами, – посмеялась я. Признаюсь, ее фраза меня задела.

– Прости, я не хотела тебя обидеть, – поняла она, что сказала лишнее. – Ой, – схватилась она за щеку.

– Что случилось?

– Зуб резко разболелся, – она подняла на меня глаза. – Прости, прости, я правда последнее время не думаю, что говорю, – у нее потекли слезы по щекам. Они смыли с места «муху», которая прицепилась к ее скуле, в том самом месте, где разболелся зуб. Сущ недовольно поднялась, загудела и вернулась на свое прежнее место.

– Ладно, проехали. Сейчас я тебе настойку разведу, прополоскаешь рот и все пройдет, – я махнула рукой и ушла в дом.

Вынесла ей стакан с настойкой. Она все еще держалась за щеку.

– Знаешь, полегче стало. Но от лекарства не откажусь, – она протянула руку и забрала стакан.

– Ты мне напиши свою дату рождения, имя и фамилию, – попросила я.

– Зачем? – напугалась она.

– Кредит на тебя возьму, – скорчила я страшную гримасу. – Для работы надо, – пояснила я, положила перед ней листочек и ручку.

Женщина написала свои данные.

– Пиво осталось и мясо? Для даров надо, – спросила я и забрала листочек.

– Сейчас, – она ушла в домик.

Принесла пакет большой, там были кое-какие продукты, две бутылки пива.

– Забери все, домой все равно не повезу, – протянула она мне его. – У меня вопрос к тебе есть. Ты зачем мне помогаешь?

– Должна будешь, – подмигнула я ей.

– Понятно. Рассчитаюсь деньгами, – бойко ответила она.

– Молодец, понимаешь, – усмехнулась я.

– Один старый еврей научил: всегда отвечай на «Должна будешь» фразой «Рассчитаюсь деньгами» и всегда отдавай долги. Неизвестно, что потом с тебя спросят за долг, – пояснила женщина.

– Ира, во время чисток будет плохо. Они тебя долбать будут, на физическом уровне всякая гадость полезет, – предупредила я ее.

– Я справлюсь, я сильная, – ответила она и ушла лечить свой зуб.

Пошла к Катюшке, посидели с ней, поболтали. Хорошо стало в ее комнате, не хватает только ремонта. Она повесила свои рисунки на стену. Дочь сказала, что ей нравится дядя Саша, но нам пока не стоит торопить события.

– Мам, ты не обижайся на меня, но я хочу, чтобы мы вдвоем пока пожили. Ты у меня такая спокойная стала, не нервничаешь, не плачешь. Я так тебя люблю, мамочка, – привалилась к моему плечу Катюшка.

– Тебе тут не скучно? – спросила ее.

– Не-а, в школе карантин, мы бы все равно не учились. Тут каждый день Настя приходит, какие-то гости все время у нас бывают. Не заскучаешь, – засмеялась она. – Мам, а тетя Ира чем-то болеет? Вид у нее какой-то нездоровый, неправильная она какая-то. Ты ей поможешь?

– Болеет, дочь. Постараюсь, не все от меня зависит, многое от самой Иры, – ответила я.

Ушла в кабинет. Снова села за тетради, за записи. Просматривала тетрадь за тетрадью, но ничего подходящего не находила. Нет, по чистке было очень много рецептов, но то они мне казались слишком сложными, то слишком простыми, то странными, то жуткими

и пугающими. Потом хлопнула себя по лбу: прежде чем начинать лечить, нужно провести диагностику, а вот про нее я-то и забыла, голова садовая.

Разложила карты с вопросами: надо или не надо, к чему приведет и чем мне все это грозит. По картам поняла, что надо, приведет к исцелению, грозит мне получением опыта и приобретением влиятельных друзей. Такой исход карт меня устраивал. Теперь нужно подобрать ритуал. Решила не изобретать велосипед, а воспользоваться рунами. Кстати, ни одна из предыдущих ведуний не использовала магию рун. Семеновна пользовалась ими только в качестве гадательной системы и для диагностики.

Полезла в свои записи. У меня тоже есть такая волшебная тетрабочка, записываю туда все, что у меня получается. Вот сегодня записала, как мы с Ирой прожорливую бабочку-крадник изгоняли. Есть запись и с можжевельовым веником и Константиновой змеюкой. Полистала свою тетрабочку и нашла рунный став для чистки, проверенный на собственной шкурке. Задала вопрос картам – подойдет этот став или нет для чистки. Вытянула карту Мир – отлично, значит, верной дорогой идете, товарищи. Взяла свои записи, листочек с Ириными данными, карандаш и подсвечник со свечой.

На улице было прохладно. Все небо усеяно звездами, оно такое глубокое, на него можно смотреть долго и бесконечно. В городе такого ночного неба нет, многих звезд просто не видно от электрического освещения. Где-то ухнула сова, затрещал сверчок, что-то зашуршало в старой листве. Направилась в свою любимую беседку, рядом увязался Проша. Зажгла свечу, открыла записи и принялась тщательно прорисовывать став, проговаривая каждую руну. Кот уселся на стол и внимательно следил за движением карандаша.

Закончила рисунок и подняла голову, от пламени свечи и от Проши к нему тянулись тонкие золотистые и серебристые нити. Произнесла оговор, без вреда для психического и физического здоровья. Решила работать на силе помощников, свою энергию использовать побоялась. Активировала дыханием, хоть я и огонь люблю, но в данном случае нельзя, можно и поджарить девушку. Став завибрировал и чуть приподнялся над бумагой, казалось, что знаки стали объемными и целостными.

Прошу угостила хорошим куском мяса и налила немного пива в плошку. Он вылакал весь напиток и с удовольствием закусил мясом. Погладила его по головке и поблагодарила за работу. Пошла за ворота, отнесла миску с пивом и кусок мяса Волку. Произнесла и ему благодарственную речь. Ушла, не стала мешать трапезе.

У Ирины в домике еще горел свет. Постучалась к ней в дверь, хоть это и мое помещение, но врваться как-то неудобно. Она мне открыла, но видно, уже спать ложиться собиралась. Я зашла в домик и положила на стол лист со ставом.

– Держи при себе. Во сне должны показать, кто навел на тебя гадости.

Над ее головой нервно и хаотично стали носиться «мухи». Она сунула листок в карман и поблагодарила. Пожелали друг другу спокойной ночи, и я отправилась в большой дом спать со спокойной душой.

Верни ложки

День был продуктивный, с физической работой на свежем воздухе, так что вырубилась сразу, как только голова коснулась подушки. Половину ночи снилось, как пожилая женщина с мужчиной стучат кулаками в толстую каменную стену, пытаюсь ее проломить. Кто-то добрался до моей защиты, и хочет ее пробить. Но это же сон, и здесь я могу делать что угодно. Представила, что стена горит. С внешней стороны запылало красно-синее пламя, женщине обожгло руки, у мужчины только пыхнул рукав на рубашке. Они исчезли. Хорошо, может, оставят свои попытки подобраться ко мне.

Вдруг я оказалась в чердачной комнате, все та же троица из почтеннейших дам, все тот же круглый стол и чайный сервиз, и бесконечный пасьянс.

– Ты зачем рунами ее чистить принялась? Бабкиных методов тебе не нашлось? – стала ругать меня Маргарита.

Я молча таращила на нее глаза.

– Ну что ты опять ругаешься на нее, Маргарита. Получилось же, – ответила Аксана, выкладывая на стол очередную карту.

– Получилось, да. А чем она их активировала? Ей стихий мало? Ладно, огонь отметаётся, но вода, воздух, земля, они же никуда не делись. Это же надо додуматься использовать свое собственное дыхание при работе с людьми, ты бы еще кровью помазала для полного счастья, – выказала свое недовольство Марго.

– Ой, да ладно тебе, я вон много чего на своей крови творила, – ответила ей Аксана.

– Ага, творила и вытворяла, а потом от всякой нечисти отбивалась. Глядишь, прожила бы подольше. – возмутилась Маргарита.

– Маргарита Семеновна, я прожила столько, сколько мне было отмерено. Проживи я хоть на один день дольше, ты бы тут с нами не сидела.

– И что, мне теперь рунами не пользоваться? – спросила я испуганно.

– Пользоваться, – хором ответили три женщины.

– Только ты головой думай прежде, чем что-то делать, план себе составь перед ритуалом. В этот раз тебе повезло, ты сразу с помощниками рассчиталась, они работать начали. А то бы получила, – ответила сердитая Марго.

– По ушам? – зачем-то спросила я.

– И по ушам, и меж ушей, и промеж глаз, – ответила она. – Думай сначала о своей дочери, если себя не жалко.

– Марго, девочка все поняла, не шуми, – ответила полупрозрачная Ангелина. – Ты на могилку мою сходи, там роза совсем зачахла, посади мне что-нибудь другое, – попросила она.

– Хорошо, – ответила я, и меня вынесло в кабинет на мой диван, в мое брэнное тело.

Тушку ломило, болела каждая косточка, вот так вот с непривычки-то. Еле собрала свое тело в кучку и поднялась с постели. Кое-как добралась до ванной комнаты, охая и постанывая, чаще надо давать физическую нагрузку на мышцы.

– Мам, ты чего, – выглянула Катюшка из своей спальни. – Болит что-то?

– Все болит, ничего не помогает. Мать твоя братская развалина, сейчас два шага сделает и рассыплется, – ответила я.

– А почему два шага, а не один? – удивилась она.

– Чтобы тебе дальше за веником ходить, когда мои потроха собирать будешь – рассмеялась я.

– Ну, мам, – она скорчила скорбную мордочку.

Вышла из дома. Ирина намывала беседку. Посмотрела на нее, над головой вертелось небольшое розовато-серое облако, образуя воронку. Из него периодически вылетали маленькие молнии и били мух. Одна все время уворачивалась, а остальные две ползали полудохлые по голове. Быстро сработало, дня два или три – и все уже чисто будет.

– Утро доброе, – крикнула она мне и помахала тряпкой. – Вот решила беседку помыть. Ее бы покрасить не мешало. Краска есть?

– Нет, – ответила я, морщась от боли.

– А если найду? – засмеялась она.

– Ищи, – махнула рукой на сараи.

– Крышу тут подлатать надо, в идеале новое покрытие постелить.

– Ирина, на беседку денег не запланировано, мне еще за дом рассчитаться надо, – сказала я с сожалением.

– Сколько надо?

– У тебя все равно их нет.

– Будут, машину продам, у меня все равно права отобрали. Получу назад, тогда новое авто куплю, – ответила она с явным намерением дать мне займы. – Так сколько?

– Сто пятьдесят тысяч, – ответила я.

– Разберемся, – махнула она рукой и принялась дальше намыывать беседку.

Я отправилась в свои сарайки к своей скотинке.

Завтрак был простой, без излишеств и мудреной готовки: яйца вкрутую, сыр, сливки в пиалушке, варенье, хлеб и конфеты, которые привезла Ира.

– Ну прямо, как в турецком отеле, – засмеялась женщина, намазывая сливки на кусочек хлеба.

– Ага, шведский стол, – я криво усмехнулась.

– Ты чего такая смурная, спала плохо? – поинтересовалась она, отхлебывая чай.

– Спала нормально, вот только после вчерашних грядок болит все, – ответила я, посмотрев на нее исподлобья.

– А я ничего, огурцом, – бодро вещала Ирина.

– Зеленая и в пупырышку? – хихикнула я.

Она рассмеялась.

– Снилось тебе что? – спросила то, что меня волновало.

– Зомби. Представляешь, лезут ко мне, ручки свои поганенькие тянут.

– Кто-нибудь был знакомый? – продолжила ее выспрашивать.

– Ага, гендиректор, свекровь, Женька, подруженция моя, экономистка наша, мой помощник. А, вспомнила, еще соседка. Приснится же такое. Такие страшные, кожа на них клочками, бррр, гадость какая, – она дожевала свой бутерброд с вареньем и сливками.

– Н-да, – ответила я. – Еще и гендиректор. Ему-то ты чем насолила? С этими все понятно.

– Не знаю, может, родственника своего на мое место поставить хочет или приятелю должность нужна, – пожала она плечами. – Ты хочешь сказать, что все они причастны к моему состоянию?

– Угу, – задумалась я.

– Может, мне завтра на работу не ходить? Да и как я пойду, у меня ни одежды нет нормальной, кроме этих треников, разжирела, ничего не лезет. Вид у меня затрапезный, голова-то в каком виде, ногти, – она показала обломанный нарощенный маникюр, который уже порядком сошел. – Ногти надо было еще два месяца назад снимать. Они же когда меня такую увидят, возрадуются, что меня победили, – она отвернулась, и у нее по щекам потекли слезы.

– Спокойствие, только спокойствие, как завещал великий Карлсон. У меня машинка для стрижки есть, модельную стрижку не обещаю, но ровно будет. Уберем твои кусты на голове и сделаем ровный газон. Голова у тебя правильной формы. Про ногти надо у Марины-продавщицы спросить, может, тут кто-то и делает. У меня полный шкаф новой одежды, может, и подберем тебе что-нибудь, – произнесла я с вдохновением.

– Про обувь забыла, – показала она ноги в розовых кедах.

– У тебя что, переобувки на работе нет? Доедешь до работы в них, а там переобуешься.

– Точно, а я совсем забыла, – кивнула она.

– Только ты туфли сразу на ноги в офисе не натягивай, посмотри внутрь, может там какой сюрприз лежит, – предупредила ее.

– Да ладно. Думаешь? – удивилась она.

– Легко.

После завтрака мы принялись улучшать тюнинг Ирины. Прошлась по голове машинкой, все боялась, что меня либо «муха» укусит, либо облачко шибанет по руке. Но все обошлось. Оставила ей ежик в полтора сантиметра. Кстати, ей шла такая стрижка. Предложила ей собрать волосы и сжечь, в знак прощания с прошлым.

В бабушкином шкафу нашла костюм цвета фуксии Иринового размера, белую классическую сорочку и юбку-карандаш черного цвета. Притащила все в домик.

– Ну-у-у, это все какое-то допотопное, хоть и новое и с этикетками, – протянула она, разглядывая вещи.

– Не в бутике, не выпендривайся, – ответила я. – Лучше, чем твои спортивные.

– Да пофиг, – она натянула на себя костюм цвета фуксии.

– Ой, а у меня же зеркала в доме нет, куда же ты помотришься? – вспомнила я такую особенность дома.

– Как нет? Совсем нет? – удивилась она.

– Только в ванной маленькое.

– Удивительно. Не переживай, здесь есть.

Мы вышли с ней в комнату между баней и летней кухней, и она закрыла дверь. На ней красовалось зеркало в полный рост.

– Слушай, но так неожиданно, – она покрутилась около зеркала. – Это не смотрится допотопщиной, очень хорошо. Сейчас модно именно это. И цвет такой ядреный. Прямо ух. И даже кеды в тему, – засмеялась она.

Затем она померила классическую рубашку и юбку-карандаш. Все село так, как будто тут и было.

– Мне нравится, – посмотрела Ира на себя в зеркало. – Можно я все заберу?

– Бери, мне это все равно большое, да и ни к чему.

Через Марину нашли девочку маникюрщицу, которая за определенную плату привела Ирины руки в порядок.

– Чудесно, – разглядывала свой новый маникюр женщина. – И дешево как.

Возвращаемся с Ириной домой, а около забора стоит Юлина машина.

– К тебе снова гости, – сказала Ира.

– Ну да.

Юля увидела нас и выпрыгнула из автомобиля.

– Привет, – радостно поприветствовала нас. – Извини, что без звонка, но я по делу. Я быстро.

Над ее головой висела черная туча, с нее свисали тонкие нити, которые пронизывали ее лицо, шею и уходили куда-то вниз под одежду.

– Ира, ты иди. Мне с человеком поговорить надо, – открыла я калитку.

Женщина шмыгнула во двор и закрыла за собой дверь. Сестрица с ухмылкой ее проводила.

– Здравствуй, Юля. Что тебя ко мне привело?

– Что, даже в свою беседку непустишь? – спросила она с вызовом.

– Ты же сказала, что быстро. Вот решила тебя и не задерживать.

– Мне платок на голову нужен. У тебя лишнего нет? А то я свой где-то посеяла, а в церковь без него не пускают, – ответила она, опустив глаза в землю.

– Юля, ты чего удумала? Тебе проклятья мало, ты добавить решила, закрепить, так сказать? К бабке Нине ходила? Скоро Пасха, соборование можно провести, может, и поможет, – стала ее ругать и уговаривать, чтобы не торопилась.

– Она мне ребеночка обещала, – отвернулась она.

– Почему она сама себе ребеночка не сделала? Ты ее не спрашивала? После Пасхи свои черные дела делать будешь, если не будет эффекта от церковного обряда, – дальше стала ее уговаривать.

– Вот на Пасху и надо ритуал проводить, она так сказала.

– Думаешь, тогда проклятье отступит? Ты еще после больницы не окрепла, ребенка родишь, а сама помрешь. Кому твое дитя нужно будет?

– Не кудахчи. Так ты мне дашь платок или нет? – оборвала она меня.

– Юля, у меня вид неразумного человека? Ты на меня переклад решила сделать, а я еще и помочь тебе в этом должна, еще и радоваться за тебя, какая ты умница-разумница. Только тронь мою семью, я тебе голову с сидалищем местами поменяю, – прорычала ей в лицо.

Она скривилась вся.

– Ой, здравствуйте, тетя Агнета, – услышала я знакомый детский голосок.

Повернулась на голос. Настя шла ко мне навстречу и вела за руку высокого бородатого мужчину, который улыбался во все свои имеющиеся зубы. Они несли торт и конфеты.

– Знакомьтесь это мой папа Игорь, а это тетя Агнета, которая спасла Андрюшку от голодной смерти, – представила нас девочка.

– Здравствуйте, Агнета, очень приятно. Я вот только с дороги, решил отблагодарить вас, – протягивает мне торт с конфетами.

– Ну, идемте чай пить, – пригласила я их и открыла калитку.

– Я тоже, пожалуй, не откажусь, – нырнула вперед мужчины Юлька.

Вот зараза такая, не драться же с ней. За этой профурсеткой только глаз да глаз нужен, чтобы чего не сперла из моих вещей.

Всех разместили в беседке, накрыли на стол. Катюша забрала Настю, и они ушли поедать торт к ней в комнату.

– С кем же вы малыша оставили? – спросила я Игоря.

– Алевтина Максимовна, наш фельдшер, согласилась посидеть, – ответил он.

Про жену спрашивать не стала, постеснялась. Все же история их семьи не для широкой публики.

– Ой, а сколько вашему малышу? – спросила его Юля.

– Почти три месяца.

– А фоточки его есть? – прилепилась к нему сестрица.

Облако над ней становилось больше, а нити толще. Вот ведь самка собаки, видно, задумала гадость какую-то.

– Нет, – он как-то странно на нее посмотрел.

– Жалко, я так люблю малышей, – продолжила щебетать Юлька.

Я посмотрела на нее и скорчила страшную рожу, она закатила глаза и замолчала. Игорь рассказывал про север и про тайгу, про рыбу и про грибы. Показывал фотографии чего смог поймать. Было интересно его слушать, ни Юля, ни Ирина его больше не перебивали.

Через час он засобирился домой, сказал, что устал с дороги и хочет отдохнуть. Пошла за Настей в дом.

– Настя, у тети Юли, что приехала на машине, детей нет, и пока не намечается, так что детские вещи не давайте ни под каким предлогом. Понятно? – сказала я девочке.

Та кивнула головой. Мы вышли на улицу. Юля пыталась уговорить Игоря довести их с дочерью до дома. Он отказывался, говорил, что как-то неудобно ее напрягать.

– Пап, пошли пешком, я так по тебе соскучилась, – Настя обхватила его ручками и прижалась личиком.

– Пошли, моя хорошая. Юля, извините, но желание моей принцессы – закон, – он взял дочку за руку, и они пошли по дороге.

– Юля, верни ложку, – повернулась я к барышне.

Она вынула чайную ложечку из кармана и запустила ее через забор.

– И вторую тоже, – посмотрела на нее исподлобья.

Эту она мне кинула под ноги. Дамочка зло на меня зыркнула, хмыкнула, прыгнула в машину и дала по газам. Рванула в другую сторону от поселка.

– Вот овца-то, – прокомментировала Ирина, – Ложки-то ей зачем понадобились?

– Угадай с трех раз. Чай, наверно, будет пить сразу с двумя ложками, – усмехнулась я. – Проблемы грести в свою сторону, вот зачем они ей.

Вот так Юля, сестра божьего служителя. Надо будет Николаю позвонить и на нее пожаловаться. Может, он с ней поговорит, вразумит.

– Агнета, ты мне телефон не отдашь? Перезванивать никому не буду, только посмотрю, кто мне звонил, – попросила Ирина.

– Сейчас принесу, – ответила я и ушла в дом.

Вернулась с телефоном и вручила его ей. Она села на лавку около дома и стала просматривать список пропущенных вызовов, во время зарядки она его не отключала, просто поставила в беззвучный режим. Ира стала читать сообщения, вдруг у нее затряслись руки, и она стала лихорадочно кому-то звонить.

– Алло, алло, сынок, что у вас там стряслось? – взволнованно прокричала в трубку Ирина.

Я ушла в дом, чтобы не слушать ее разговора. Через полчаса вышла, мне было любопытно, да и вдруг помощь какая нужна. Ира сидела на лавке и смотрела куда-то вдаль.

– Что-то случилось? – спросила я.

– Да, ко мне сынок завтра возвращается. Сказал, что скучает сильно, что отец с бабушкой не разрешали ему со мной общаться. А теперь у него есть возможность уйти из дома, – у нее текли слезы по щекам от радости.

– Перестали его охранять бабка с отцом?

– В общем, да. Свекровь сегодня ставила на зажженную плиту кастрюлю с водой, и огонь полыхнул сильно и открытым пламенем обжег ей руки. Попал на рукава кофты. Обгорели у нее руки до самого локтя, – она посмотрела на меня. – Это вот так эта штука действует? – похлопала она по карману.

– Вполне может быть, – пожалала я плечами.

– Обалдеть, – она удивленно присвистнула.

Может, и став так сработал, а может, моя защита, а может, все вместе, хотя и стечение обстоятельств никто не отменял, в том числе и сломанную плиту.

Туфлей по столу

Отправилась звонить Николаю, жаловаться на его сестричку-синичку. Взял трубку, обрисовала ему всю ситуацию, и пожаловалась на то, что мадам умыкнула у меня ложки. Батюшка молча меня слушал и не перебивал. Закончила свою вдохновенную речь.

– Я верну тебе деньги за ложки, – услышала я ответ.

– Коля, дело не в ложках. Дело в том, что она натворить собирается. Поговори с ней. Ты бы видел, какая она ко мне приехала, – попросила его.

– Я с мамой разговаривал, спрашивал про проклятие. Говорит, во время родов чего только роженицы не несут, чего только не желают. Хотя был один случай с цыганкой. Ее с улицы привезли, она прямо там рожала. Ей лет двадцать пять было, ребенок первый, по их меркам уже старая. Что-то там пошло не так, и ребенок умер прямо у мамы на руках. Так баба эта прямо с кресла этого спрыгнула и дитя выхватила из маминых рук. Кричать начала сначала что-то по-цыгански, а потом и по-русски, сказала, чтобы твои дети своих детей никогда не увидели. И глазки ему рукой закрыла. Вины своей мама не видит. Считает, что все это глупости, – вздохнул он.

– А ты разговаривал со своим духовником или как это у вас называется? – спросила я, потрясенная рассказом.

– Да, говорил. Он дал мне список молитв и адрес священника, который всем таким занимается. Собирались на днях с Юлькой поехать, а она как чумная стала. Ни пост, ни молитвы, – ничего ей не надо. Я с ней поговорю. Прости ее, ибо не ведает, что творит, – чувствовалось, что он сожалеет.

– Николай, она ведь навредить хочет мне и моему роду, – возмутилась я.

– Да, я уже понял, я поговорю с ней. Спасибо тебе большое за все. Созвонимся еще, всего доброго, – попрощался он в спешке.

– До свидания, батюшка.

Вот и поговорили. У церкви свои методы снятия проклятий, так что без меня разберутся. Юле бы, конечно, по голове больно надавать, чтобы она уразумела.

Вечер с Ирой мы провели по отдельности. Она читала книжки и готовилась к новому рабочему дню. Третья муха у нее отвалилась и упала на пол, дергая лапками. Проша поиграл с ней немного и слопал, похрустывая. Процесс очищения идет вовсю.

Утром в понедельник встали рано, Ире надо было успеть на автобус. Свой клетчатый баул она у меня оставила вместе с трениками и майкой. Сложила в пакет рубашку и юбку, надела костюм цвета фуксии, накрасилась. Вся такая красивая поехала покорять своих коллег и клиентов. Дала ей свой номер телефона и наказала звонить при любых подозрениях. Она ко мне еще придет, чтобы проверить, как прошел процесс очищения и на наличие подарков от доброжелателей.

Села работать, сам себе не потопаешь, ничего не заработаешь. Через пару недель наступит день Ха, когда надо будет за дом рассчитываться. Уже пора заявки на кредит подавать в разные банки.

В половине девятого утра звонит Ира.

– Ты прикинь, что тут творится. Беру свои туфли, которые у меня в офисе стоят, собралась их надевать, потом тебя вспомнила. Чуть-чуть их тряхнула, а там земля, иголки ржавые и новые. В обоих, представляешь?

– Землю эту никуда не высыпала? – обеспокоенно спросила я.

– Пока еще нет. Сейчас пойду этой козе экономистке на стол высыплю, – кипятилась Ирина, – будет знать у меня.

– Не кипешуй, делай все по-умному. Ты уверена, что это она? – пыталась ее успокоить.

– Ну а кто же еще?

– Ключи от твоего кабинета у кого есть?

– У генерального и уборщицы.

– Уборщица когда приходит? Может, у нее кто ключи брал. У тебя камера в кабинете стоит? – подводила ее к разумному решению.

– Стоит.

– Сначала спрашиваешь у уборщицы, кто у тебя в кабинете хозяйничал. Потом с туфлями идешь к генеральному и там требуешь проверки камеры. Сколько твои туфли стоят?

– Пятнадцать тысяч.

– Нехило. Озвучиваешь гендиру стоимость, плачешь, какие все нехорошие редиски кругом. После концерта позвонишь мне,

расскажешь, чем дело завершилось, – сказала я и отбила звонок.

Отправилась к Марине за хлебом, утром должны были привести свеженький. Вот нравится мне, как печет местная пекарня, он такой высокий, пахучий, с хрустящей корочкой. Ни разу еще целую буханку домой не принесла, пока дойду, понадкусываю в разных местах. Зашла в магазин, поздоровалась.

– Слышала, ночью сарай горел у Женька? – спросила Марина.

– У какого Женька? – поинтересовалась я.

– Ну, того, у которого козы есть и козел хуже собаки, злой и гадкий, – сказала продавщица.

– Разве он не в Ключевке живет? – удивилась я.

– Да нет же, этот козел наш, местный, – засмеялась Марина. – Какой-то хлам сжигал у себя во дворе, ну и решил от костра прикурить, у него телогрейка и полыхнула. Так он ничего умнее не придумал, как сбросить ее и кинуть в сарай. Ну и нет теперь у него сарая.

– Козы-то живы?

– Живы, у него этих сараев, одним больше, одним меньше. Эта тетка, которая с тобой приходила, жила у него некоторое время.

– Да? – удивилась я.

– А ты чего, не знала, не говорила она тебе, что ли? Она какая-то не в себе, хотя вчера вроде нормальная с тобой была, – пояснила Марина.

Забрала хлеб и отправилась домой. Странно это все, как ее ко мне принесло, и как это она забыла адрес этого кренделя. Наверно, это судьба.

Часов в одиннадцать снова звонок от Ирины.

– Ты прости, что раньше не звонила, сначала совещание было, потом клиент пришел, – затараторила она.

– Ходила с туфлями к генеральному? – меня всю распирало от любопытства.

– Ходила. Сначала в своих кедах на совещание пришла. Он мне такой – прекрасно выглядите, Ирина Игоревна, кеды вам идут и стрижка незатейливая, самое то перед летом. Отсовещались, все на меня, как на призрак, смотрели. Он меня попросил зайти к себе.

Беру эти туфли и к нему и начинаю там верещать о том, что пока меня не было, кто-то мне обувь испортил. И начинаю перед ним ими

трясти. С них, естественно, сыпется все это «добро» к нему на стол. Ты не представляешь, как он начал орать. Я ему говорю, давайте по камерам посмотрим, кто ко мне в кабинет заходил, или я полицию вызову, это же порча имущества. Эти туфли пятнадцать тысяч стоят. Его всего трясет, орет, убери эту землю с иголками с моего стола. Я ему в ответ – не буду, вот кто мне в туфли эту гадость насыпал, тот пусть и убирает. В общем, я ему эти туфли на стол поставила и ушла, говорю, разбирайтесь сами. Через десять минут мне на карточку тридцать тысяч падает с комментарием «Купи себе новые туфли» от гендира.

– Вот это да, – обалдела я.

– Я с тобой половиной поделилась, – сказала Ирина.

Действительно в процессе разговора я слышала, как пиликнула смс-ка.

– Зачем? – удивилась я. – К тебе сегодня ребенок возвращается, его кормить надо и баловать.

– Без тебя бы я сейчас где-нибудь под забором у Женьки валялась. Это тебе за работу, за заботу, ты, незнакомый человек, поверила в меня, когда все родные отвернулись. Тем более я туфли эти все равно с пятидесятипроцентной скидкой покупала, не за пятнашку, а за семь с половиной. И вообще, они уже старые, а у меня полный шкаф обуви.

– Слушай, а где твой Женька живет? – поинтересовалась я.

– В Октябрьском. А что?

– Не в Ключевке? Мы когда с тобой встретились, ты все к нему в Ключевку порывалась.

– Да? Не может быть. Ну и хорошо, что тогда у меня так мозги сработали, – удивленно она ответила.

– Скажи спасибо своему начальнику. Земля в туфлях – это на закрытие дорог, хотя, может, он тебя и на тот свет спроводить хотел. Дорогу закрыл, вот ты и заплутала и адрес перепутала своего кренделя, – сделала я вывод.

– Удивительно. Пойду ему в ножки поклонюсь за заботу, – засмеялась она.

– Кстати, у твоего Женька сарай сгорел, – сказала новость Ирине.

– Ну и так ему и надо, не будет в чужую жизнь лезть, – она злорадно ответила. – Ладно, все, давай, мне работать пора, тут очередь ко мне из клиентов.

– Покеда, – ответила я и отключила аппарат.

Посмотрела смс-ку, Ирина действительно поделилась – пятнадцать тысяч.

После обеда Ира прислала сообщение, что начальнику стало плохо с сердцем и ему вызвали скорую. Вот такие туфельки волшебные.

Помощник в деле

В пять часов позвонил Александр, предложил вместе с детьми съездить на речку, так сказать, оценить местные красоты, покидать удочки, ну и устроить небольшой пикничок. А я что, а я не против, Агнете тоже нужен отдых, а ребенку надо дышать воздухом, и не только в местном саду. Отварила картошечки, маслица туда, укропа, лучка. Все это в банку, хорошо встряхнула и в полотенце укутала, чтобы не остыло. Яиц наварила, почистила, конфет ребятишкам положила и яблок. Заварила чай с травками и шиповником в термосе и взяла маленькую баночку с медом. К пикнику готовы!

Нарядились с дочей в джинсы, свитера и кеды, захватили с собой ветровки на всякий пожарный случай. Все же вечером на берегу реки может быть прохладно. Червей копать не стали, удочек ведь у нас нет. Через пятнадцать минут приехал Александр с сыном. Вышел из машины, забрал у нас вещи, усадил в салон, в котором вкусно пахло жареными пирожками.

– С нами Ольга с Мишей и с детьми хотели ехать, но мама ее отругала, – смеясь, рассказывал Александр.

– Ага, бабушка сказала, что нечего Сашке свидание портить, и так он со своим прицепом едет, – сдал его Славик.

Чудесное место выбрал Александр, небольшая полянка, песочек на берегу реки, рядом деревья. Красота. Из багажника он выудил складной столик и складные стулья, контейнеры с едой и термос. Все это поставили на стол. Ему с собой мама дала пирожков с картошкой и с зеленым луком и яйцом, селедочку с репчатым лучком, свежих огурцов и помидоров, копченого сала, ну и конфеты детям. У нас оказалось два термоса с чаем. Закинули «резинку» в реку и уселись ужинать (резинка – снасть такая).

Картошка отлично подружилась селедкой, с салом и со свежими овощами. Все у нас зашло на ура. Дети наши, как в любимых заголовках к статьям с рецептами, ели, пищали от удовольствия и просили добавки. Самой лучшей приправой здесь был свежий воздух и голод.

Потом мы пошли кидать удочки, а некоторые гражданки по имени Катюшка делали это в прямом смысле слова. Катя забрасывала, забрасывала и уронила удочку. Саша натянул резиновые ботфорты и достал снасть. Поймали мы каких-то сигушек. Дети наловили лягушек. Видели бобра и хитрую куницу, которая потихоньку воровала у нас рыбу. К ночи нас стали донимать мошки. Да и похолодало уже. Решили сматывать удочки и собираться домой. Выпили еще чаю с конфетами и пирожками.

Зазвонил телефон, входящий от Николая, брать как-то не хотелось, но он был настойчив. Да и Саша стал как-то странно коситься.

– Агнета, у вас Юли сегодня не было? – голос был обеспокоенным.

– Нет, – удивилась я. – Она, как вчера у меня была, так я ее больше не видела. Может, она у бабки Нины колдует? – предположила я. – Или к мужу в город вернулась.

– Она без своей косметички никуда бы не поехала, да и звонил я уже ее мужу и подружке ее. К бабке Нине ходил. Она сказала, что как ее отправила за необходимым для ритуала, так она и не объявлялась. Пригрозил этой старой женщине анафемой, если она Юльку на злые дела будет подбивать.

– Пропала она когда? – спросила я.

– Получается, ты последняя, кто ее видел. Агнета, надо ее искать, я за нее переживаю сильно, – голос его дрожал.

– Коля, подожди минуточку, – прикрыла рукой динамик.

Александр внимательно слушал мой разговор.

– Саша, там у батюшки нашего сестра пропала. Что делать-то? – спросила его.

– Что делать, что делать – искать, конечно. Дай мне трубку, пожалуйста, – он протянул руку. – Николай, не волнуйся, через пятнадцать минут мы к тебе заедем. Будем искать. Давай, до встречи, – он отбил звонок.

– Саша, большая просьба: больше так никогда не делай, это мой телефон, и дай мне разговор заканчивать самой, – попросила я.

– Прости, на автомате вышло, – приподнял он в знак примирения руки.

Я кивнула головой.

– Дети, быстро сматываем удочки, нужно срочно выезжать, – скомандовал он и стал собирать провиант, стол и стулья.

Славик ловко собрал все снасти. Через пять минут мы уже сидели в машине и мчались к Сашиним родителям, чтобы оставить Славика. Потом домой забросили Катюшку. Через пятнадцать минут мы были у ворот Николая, он нас уже ждал. Поздоровался с нами и сел на заднее сиденье.

– Агнета, в какую сторону она поехала? – спросил участковый.

– От моего дома в поля.

Мы подъехали к моему дому, и я указала направление, в которое унеслась звезда пленительного счастья по имени Юля. Мысленно попросила Волка помочь нам. Через пару секунд в свете фар я увидела серую волчью тушку. Кроме меня его, вероятнее всего, никто не видел. Попыталась скорректировать направление машины при помощи коротких команд в сторону Александра, но он все время уходил в другую сторону.

– Саша, можно я за руль сяду, так мы ее быстрее найдем, – попросила я его.

– Ты водить умеешь? – удивился он.

– Умею, только у меня прав нет, и на механике ездила давно. Ты же меня за это не арестуешь? – усмехнулась я.

– Это не в моей компетенции, – он остановился.

Поменялись местами. Медленно выжимаем сцепление, тапка на газ, переключаем скорость и алга вперед по родным степям. Впереди замаячила волчья жопка с хвостом.

– А почему прав нет? – спросил участковый.

– Саша, не мешай, – рывкнула я на него. Как только начинали задавать вопросы, Волк исчезал.

Скакали мы по буеракам, рекам, ракам полтора часа. Фары выхватили автомобиль, который практически перпендикулярно стоял в земле. Есть такая особенность в степях, когда при сильной жаре лопается земля, образуя разлом. Постепенно глина осыпается, увеличивается разлом, из-за травы его практически не видно. В такую ловушку часто попадают нерадивые автомобилисты, которые любят погонять по степи на скорости. Авто проваливается передними колесами, вытащить его можно только при помощи лебедки

или трактора. Если скорость большая, а водитель не пристегнут, то может все закончиться весьма плачевно.

Все выскочили из «Нивы» и бросились к Юлькиному авто. Она лежала на руле, рука была странно вывернута в другую сторону. Николай полез к ней.

– Стоять, – скомандовала я. – Руками девку не трогать.

Он отошел в сторону и стал молиться. Я поставила два пальца на ее шею, и легонько пробежалась по ее позвоночнику пальцами. Сзади меня держал за ремень Александр, чтобы я не провалилась в разлом.

– Позвоночник целый, рука сломана, голова целая, слегка желток встряхнули. Если попасть к хорошему доктору, то обойдется без последствий, – сделала я выводы. – Ехать только в больничку надо срочно, срочно.

– А ты ее полечить не можешь? – спросил Саша.

– Я не волшебница, руку, может быть, и собрала бы, а тут голова у нее, гарантий никаких, – развела я руками.

Посветила фонариком поверх ее головы, нитей не было, облако было серо-черного цвета.

– Вынимайте ее, – сказала я. – Только аккуратно, рука у нее все же сломана.

Мужчины вынули девушку и положили на заднее сиденье «Нивы». Николай продолжал молиться.

– Саша, обратную дорогу помнишь?

– Ты так гнала, что я и не заметил ничего, да и темно. Если бы днем это было, то свою-то местность я знаю, – ответил он отказом.

– Понятно, – села за руль. – Коль, давай пока без молитв или молча, иначе мы не выберемся отсюда. И да, с тебя мяса кусок и стакан кагора помощнику, ну и мне можешь чего за работу дать, – обратилась я к батюшке.

– Какому помощнику? – удивился тот.

– А ты думал, я твою сестрицу по запаху нашла? А теперь делаем тишину в салоне и выбираемся отсюда, – снова тапка в пол и алга.

Снова неслись за Волком. Доехали до поселка быстрей, чем до автомобиля Юлии. Пересела на пассажирское, Саша сел за руль.

– Гони в больницу. Есть знакомые врачи? Поднимай всех на уши.

Николай звонил маме. Через полчаса мы были в городской травме, нас уже там ждали. Юлька резко открыла глаза.

– Там волк, я ехала за волком, – ее снова вырубил.

Ее увезли на каталке на обследование. В приемную влетела сухонькая маленькая женщина, за ней вошел полный грузный мужчина.

– Толик, где Юля? Что с ней? – кинулась она к бабушке.

– Мам, ее увезли на обследование.

– Иван Абрамович? – спросила она.

– Да, кажется он, – ответил Николай.

– Что произошло? – спросил его отец.

– Она уехала кататься по степи, никому ничего не сказала, провалилась в яму. Мы с участковым ее нашли. Мам, пап, подождите, я сейчас, – он дико нервничал.

Подошел к нам.

– Спасибо большое. Вы езжайте домой, мы с родителями здесь останемся. Завтра завезу твоему помощнику гостинца, – он пожал руку Александру и махнул мне.

Мы попрощались и сели в автомобиль. Ехали домой сначала молча, про помощника Саша не спрашивал.

– Водить умеешь, а прав нет. Надо получить, – сказал он.

– Они есть, только их забрать надо из ГАИ, – ответила я.

– Ну так забери.

– У меня машины все равно нет, – ответила я.

– У меня есть.

– Саша, мы не можем жить вместе, – сказала я.

– Это почему это? – возмутился он.

– Вот из-за этого всего.

– Подумаешь, я вообще участковый. Мы с тобой будем, как Бонни и Клайд, – засмеялся он.

– Ага, как Чип и Дейл, блин, – и мы вдвоем засмеялись.

Довез меня до дома. Теперь я его чмокнула в щечку и выскочила из машины. Помахала лапкой, пожелала спокойной ночи и скрылась за калиткой. Надо накормить зверя, он честно отработал. Нырнула в подпол, в прошлый раз я видела домашний сидр в бутылках. Зацепила пару бутылок, головку сыра и банку с тушенкой. Вывалила

тушенку в плошку, сидр вылила в миску и понесла подношения. Поставила под деревом. Потрепала по холке Волка.

– Завтра будет сырое мясо и вино. Нам обещали. А это тебе от меня, за работу. Спасибо тебе, что беду от нас отвел и не погубил неразумную душу.

Оставила его трапезничать, а сама ушла дегустировать сидр и сыр. Хотелось немного затуманить мозг, чтобы спать без сновидений.

Проша

Уже поздно, почти три часа ночи. Вымоталась, устала. Налила себе в стакан сидра, нарезала сыр. Рядом пристроился Проша, положил лапки на стол. Дала ему кусочек сыра. Сделала глоток яблочного напитка, слегка дало в нос, тепло разлилось по всему телу. Пересела на диван, облокотилась о спинку, на колени приполз кот. Почесала ему за ушком, плеснула из стакана в миску немного сидра. Он спрыгнул и принялся с удовольствием лакать напиток. Поставила стакан на стол, прикрыла глаза, дремота охватило мое тело. К бедру привалился Проша, заурчал, затарахтел, такой огромный, а веса практически не чувствуется.

Перед глазами поплыли картинки, огромный непонятный мир, полный странных существ, хаос. Сильный пожирает слабого, а слабый присасывается к сильному и постепенно истощает его. Все время хочется есть, постоянное чувство голода и опасности. Надо уметь скрываться и прятаться, чтобы не сожрали. Уметь маскироваться, чтобы поймать добычу. Время здесь не имеет значения, мы появляемся из ниоткуда и исчезаем в никуда.

Непонятный просвет, ныряю туда, пахнет вкусно. Что это, какие странные существа движутся на тонких ножках. Ням, вкусно, слопал всех. Стало темно, они давали свет. Откуда тянется что-то такое непонятное и аппетитное, тянусь туда, погружаюсь, впитывая все это в себя.

– Ты здесь? Ты пришел? – откуда-то доносится голос.

Пробираюсь к голосу, там тоже какая-то пища. Удар, уперся во что-то, дальше не могу пройти. Брожу по пространству: тут много воздуха, нет похожих на меня, много еды, другой, не такой, как у нас. Тут она вкусней, интересней, разнообразней. Здесь все имеет свои формы, как тут говорят, – физическое тело. Хочу посмотреть, что там за забором. Там стоит он – он охраняет границу, не дает выйти. Я видел таких в нашем мире, они могущественные, сильные, умные и хитрые. Такие, как я, для них пища.

Несколько раз делал попытку выбраться через забор. Удалось, когда этот был занят другими. Он может создавать физическое тело

в любой момент. Он огромный черный, у него острые клыки, желтые глаза – он волк, так у них называются такие создания. Я тоже хочу себе физическое тело, чтобы все прочувствовать. Переместился в другое место, бродил, смотрел по сторонам, питался, чем придется. Не такое уж здесь и хорошее место, есть сущи, которые сильнее меня. Они ведут охоту, так же, как и в моем мире.

Около дороги лежит большое животное, они называют таких котами. Оно умирает, ему больно. Я съем его боль, а он уйдет из своего тела в другой мир. Боль – она приятная, сладковатая на вкус, с легкой остринкой. Нырнул в тело, его душа сказала мне спасибо и унеслась в другое место. Я был сыт и смог постепенно восстановить разорванные органы и сломанные кости. Кот был еще молод. Ощущения в физическом теле очень интересные. Встал, наступил на лапы, сделал несколько шагов.

Очень много сил потратил на восстановление, я голоден, и мое физическое тело хочет есть. Вернусь туда, куда я пришел первый раз, мне там были рады и там безопасно. Хотя пропустит ли меня волк? Бегу со всех своих четырех лап, вот он, заветный забор, а вот и охранник. Пропустил и не тронул. Пришел в жилище, там создание, они называют их женщинами.

– Ты все же вернулся, – она потрепала меня за ушком. Это было очень приятно.

От нее идет тепло, энергия, лизнул немного, попробовал на вкус.

– Нельзя, – пригрозила она.

Потом я учился, пробовал на вкус все, что попадалось. За передущенных цыплят попало моему физическому телу. Она пообещала, что вернет меня в мой хаос. Боль, наверно, это самое вкусное, что есть в этом мире. Но пришлось научиться съедать ее, не причиняя вреда носителю и не создавая новую боль. Она просто сказала, что если я буду самовольничать, то она отправит меня назад или уничтожит меня.

Особенно мне нравилось, когда она колдовала. Воздух становился тягучим, плотным, из него можно было ткать узоры. Мне нравилось ей помогать, это наполняло меня, давало сил. Потом она после ритуалов меня кормила, эта пища всегда была особенной, пропитанной энергией и помыслами других людей. Как-то налила какую-то жидкость, она сказала, что это алкоголь. Удивительный напиток, в нем очень много

энергии, мыслей, но людям он вредит. Хотя на него прилетает много существей, пчелы на мед. Дает его немного, но всегда с добрыми для меня намерениями. После него всегда так легко и сытно, и хочется ей помогать, снова и снова.

Как-то я сказал ей свое имя, но она все равно называет меня Прошей. Имя волка она тоже знает, оно записано в ее тетради. А саму женщину зовут Аксана. Я сменил два своих физических тела, прежде чем ее дух расстался с этим миром. Когда она уходила, то сказала, что я свободен, но если хочу, то могу остаться и помогать следующей ведунье.

Остался, мне некуда идти. Остался и волк. В скором времени появилась другая женщина. С ней мы никогда не голодали, всегда в доме были люди. Всегда нас кормила досыта, но алкоголь у нее был под запретом. Но были граждане, которые любили приложиться. Выпивали, иногда и я с ними, тогда я видел их сущей, лярв, липучек, присосок, чертей и другую неопишемую нечисть. Ими, как говорится, и закусывал.

Для людей оно, конечно, вредно, а для нас – как жидкое топливо. Теперь появилась другая ведунья – Агнета. У меня уже пятое физическое тело. Я научился многому, я многое знаю, и я помню, что такое голод, и возвращаться назад в тот мир я не хочу. Бродить по этому миру в поисках пищи не вижу смысла, нас и тут неплохо кормят. Я буду защищать эту женщину и ее родных по крови до последнего ее дня в этом мире. Я помогаю так, как умею. Я хранитель, я помощник, я не простое животное.

Хорошие новости

Утро сегодня никого не красит, особенно если спишь на кухонном диванчике, половину которого занимает кисо. Почесала ему за ухом, погладила пузико и спихнула на пол.

– Хватит, Прошка, валяться, пора работу работать. Сегодня батюшка обещал прийти с дарами для Волка и для меня. Узнаем, что там с Юлькой, очухалась она или нет. Хотя и дурная она, но все равно жалко девку. Сутки в степи проторчала, хорошо, что сейчас не лето, а то померла бы от обезвоживания, – потянулась, потеряла глаза.

Поставила чайник на плиту. Звонок в дверь. Да неужели это сам Николай приехал, рано вроде для него. Всю ночь в больнице проторчал. Пошла открывать, пусть на меня любуется, на такую красивую да не умытую. К калитке подошла – точно он.

– Утро доброе, Агнета. Я вас разбудил? – спросил батюшка.

– Доброе утро. Нет, но я только встала, а я смотрю, вы еще не ложились? – спросила его и жестом пригласила в беседку.

На улице еще зябко, но это бодрит, позволяет до конца проснуться.

– Чай будете? – спросила его.

– Не откажусь, – он протянул мне пакет. – Там кагор, мясо для помощника и мясо для вас. Все свежее, кроме вина. Сейчас только с рынка.

– Спасибо. Сейчас чай организую и завтрак. Как там Юля? – задала волнующий меня вопрос.

– Очнулась. Доктор сказал, что еще час-полтора в таком состоянии, и мы бы получили овощ. Руку ей загипсовали. Накололи препаратами, поставили капельницу от обезвоживания. Теперь спит и состояние у нее стабильное. Недели две нужно будет пролежать в больнице. На соборование не попадает. Выпишется из больницы, уговорю ее поехать со мной по святым местам и к отцу Алексию, говорят, он чудеса творит с такими случаями, как наш. Может, к нему в ученики попрошусь.

– Он и бесов изгоняет? – спросила я.

– Да много чего умеет.

Попросила помочь Николая принести все из дома к чаю в беседку.

– Церковь одобрит ваши поездки по стране? – поинтересовалась я, наливая чай в чашки.

– Буду сегодня звонить и все согласовывать, чтобы сюда мне замену прислали. Увезу ее, лечить будем и голову, и душу, – ответил он.

Обратила внимание, что он практически не дергался и не закатывал глаза. Его облако было чисто-серым, чернота ушла.

– Вам стало лучше? – спросила я.

– Это вы про тик? Да, после молитв, после разговоров с мамой. Обида, оказывается, на нее у меня в глубине души сидела, затаилась, как змеюка. Молюсь каждый день за всех своих родных, за маму, за Юлю. У мамы ручки золотые, сколько она деток приняла, сколько беременностей разрешилось с ее помощью положительно. Прошу Господа за нее, чтобы он увидел все ее хорошие дела, чтобы услышал все слова благодарности в ее сторону, – говорил он с любовью о своей матери.

Тучка над его головой передвигалась, переливалась разными цветами серого. Ну что же, правильной дорогой идете, товарищи, как говорил дедушка Ленин. Главное, чтобы Юля за эти две недели в больнице ничего себе не надумала и не брыкнула копытцами, как горная козочка.

Поговорили еще с бабушкой, он извинился за свое поведение. Проводила его к воротам, да распрощались без обид друг к другу.

Теперь нужно с Волком рассчитаться. Плеснула ему кагоры, мяса кусок хороший отрезала и понесла на его место. Вышел, все принял. Я снова поблагодарила его и сказала, от кого подношение и благодарности. Ушла, не стала мешать.

Ночные события немного выбили из колеи. День пошел не по обычному сценарию, а немного с перекосами. Но козы с курами не особо расстроились, а дочь встала на полчаса позже обычного. Не каждую ночь ее мама уезжает куда-то с двумя мужчинами.

В обед позвонила Ирина, судя по голосу, счастливая и довольная. Щебетала, что ее сынок вернулся, что ей предложили новую работу, что ее соседка уехала к родственникам за границу, а в связи с карантином ее теперь не пускают обратно в Россию.

– Ира, ты как себя чувствуешь? – спросила ее.

– Честно, тяжело себя собирать, то тут стрельнет, то тут кольнет, но не смертельно. Главное, голова ясная стала, как прежде. Нет того тумана, киселя в черепушке, нет муторных тяжелых мыслей, которые, как шары в боулинге, перекатываются туда-сюда в голове. Не хочется навредить себе и окружающим, ну и выпивать не тянет. Тогда же только выпивка и спасала от дурных помыслов наяву, – ответила она бодро.

– Снилось что? – поинтересовалась я.

– Ага, знаешь, такой сон интересный. Вроде я в воду залезла, а на меня куча пиявок налипло. Я их сдираю, а они снова липнут. Сдалась уже, а потом меня раз волной окатило, и все пиявки отвалились и пропали, – поделилась она. – Утром проснулась в хорошем настроении.

– Хороший сон, очень хороший, – ответила я.

– Ты меня ругать не будешь? – спросила Ирина.

– Ты с работы последний рулон туалетной бумаги домой утащила? – спросила ее насмешливо.

– Нет, – засмеялась она.

– Ну, тогда не буду, – успокоила ее.

– Я твой листочек случайно уронила в унитаз, и он сразу растворился, раскис. Первый раз вижу, чтобы так бумага быстро растворялась, – сказала она виновато.

– Ира, не расстраивайся, значит, отработала формула полностью. Сама себя ликвидировала. Как-нибудь приезжай ко мне, посмотрим, что там с защитами. Что с работой решила?

– Уходить буду. Предложили новую. Клиент старый проверенный позвал. Профиль такой же, зарплата такая же, плюс премии обещал. Работать дома, два раза в неделю в офисе появляться в связи с ситуацией в стране. Хоть ребенком займусь. Заберу всех своих клиентов. А то Ирина Игоревна так просто стул просиживает, за красивые глаза зарплату получает. Ну, вот и посмотрим, кто тут работает, а кто просто так, – разошлась она.

– Ира, тише, тише, не буди лихо, пока тихо. Делай, как считаешь нужным, но по совести.

– Все нормально, – рассмеялась она. – Буду общаться с теми, кому от меня ничего не нужно. С тобой вот, например. Слушай, вчера в шкаф полезла за одежкой, а у меня вещей новых с этикетками полно

твоего размера. Возьмешь? Я их брала до своего кризиса в надежде похудеть. Мечта не сбылась.

– Ты хотела, чтобы у тебя размер изменился. Вот и изменился, но не так, как тебе нужно. Мечты сбываются, – подбодрила ее.

– Спасибо, дорогая. Ну что насчет шмоток?

– Ир, не жалко? Может, продашь, деньги будут, – мне было неудобно брать у нее что-либо, и так она вчера мне мою месячную зарплату скинула.

– Мне есть что продавать. Еще бы я со шмотками возилась. В общем, привезу, а там сама решай. Не тебе, так дочери подойдет, не вам, так может, таким, как я. На выходных с сыном приеду, можно? – спросила она.

– Приезжай, если хочешь. Только учти, у меня могут быть и непрошенные гости, – ответила я.

– Разберемся. Беседка у тебя классная, в ней спать будем.

– Дом большой, найду вам место. Что там свекровь? Как там муж? – спросила я.

– Живут. Муж звонил вчера вечером, переживал за сына. Свекровь еще в больничке, решают, что с руками делать.

– Как среагировал, узнав, что сын у тебя?

– На удивление спокойно. Услышал, что я трезвая и адекватная и успокоился. Обещал сегодня вечером продуктов подвезти.

– Как хорошо все складывается, тьфу-тьфу, не сглазить, – поплевала я через левое плечо.

– Ладно, суеверная ты наша, пошла я обедать, и тебе приятного аппетита, – посмеялась она.

Мы попрощались, и я отправилась обед готовить. Не успела я кастрюлю на плиту поставить, как в дверь позвонили. Вот как началось утро сяк наперекосяк, так и весь день будет, как Шалтай-Болтай. Дверь открываю, а там Саша стоит.

– Привет, Агнета. Я к тебе на обед, – и смотрит на меня так хитро, как Ленин на буржуазию.

– Здравствуйте, Александр. Не ждала я вас, батенька. Жрать у меня нечего, и мыслей никаких, чем вас по-быстрому накормить, – развела я руками.

Он губы обиженно поджал, тяжело вздохнул.

– Ну ладно, – ответил он и пошел к своей «Ниве».

Вот же нахал какой, еще и обижаться удумал на меня. Дверцу открывает и на заднее сиденье лезет. Вынимает что-то завернутое в полотенца.

– Мама шурпу варила. Много сделала, сказала, надо с хорошим человеком поделиться, – торжественно поставил кастрюльку на стол в беседку.

– Наверно, велела брату отвезти, а вы мне привезли? – засмеялась я.

– На их семью такой кастрюльки мало будет. Да и Ольга по ночам спит, а не по степям катается в поисках потеряшек. Зови Катюшку, обедать будем, – сказал он.

– Что-то мама ваша, Александр, подозрительно меня прикормить пытается, – рассмеялась я, втягивая носом аромат.

С дочей принесли тарелки, ложки, сметаны, хлеба нарезанного. В доме чайник поставили.

– Тебе, Агнета, тут надо мойку поставить и шкафчик с посудой, чтобы далеко не бегать.

– Возьми и поставь, – ответила ему.

– У тебя в сараях ничего такого не завалялось, чтобы в воплощении этой идеи пригодилось? – спросил он, отхлебывая суп.

– Не знаю, смотреть надо, – пожала я плечами.

– Ладно, я у себя посмотрю, а потом у тебя посмотрим, – сказал он.

Шурпа была отменная, ароматная, с большим количеством зелени и крупными кусками мяса, в меру острая. Мама, конечно, у Александра готовила замечательно. Но вот такая забота обо мне с ее стороны немного напрягала.

– Саша, а маме своей ты про меня что рассказывал? – спросила я осторожно.

– Ничего не рассказывал. Ей Оля рассказала и Марина-продавщица, и тетя Маша, мама Васька. Про тебя уже вся деревня знает. Удивительно, что очередь пока не стоит около твоих ворот, – сказал он.

– Не надо мне очередь, – испугалась я. – Пусть лечатся традиционными методами. Кстати, как там Василий?

– Не пьет, на костылях шустро скачет, матери по дому и огороду, как может, помогает. Ждет, когда гипс ему снимут, на работу в город

поедет. Он же отделочник, руки золотые.

– Замечательно.

– Угу, – снова отхлебнул он горячего супа.

Отобедали, чай попили. Саша сказал, что ему отчеты писать надо и уехал, деловито чмокнув меня в щечку, так по-свойски, по-семейному. Вот так – нормальным барышням цветы на свидания приносят, а мне пирожки с кастрюльками супа. Но, как говорил домовенок Кузя, глядя на цветы, это я не ем, я не козел.

Ночная гостья

После обеда позвонил Константин, интересовался моим здоровьем, спрашивал, как у меня дела и как спится моему ребенку на подаренном матрасе. Явно что-то хотел узнать или спросить.

– Константин, ну не томите, вам явно что-то от меня нужно, – не выдержала я этих предварительных танцев. – Признавайтесь, что хотели.

– Я тут одному парню ваш адрес дал, у него проблемка деликатная, – замялся интеллигент.

– Договаривались же, что вы никому мой адрес и телефон давать не будете. Тем более вдруг он приедет, а у меня свидание, или меня дома не будет, – поморщилась я.

– Ну, значит, подождет. Примите его, пожалуйста. Человек хороший, а мается, ну или убедите его к психиатру сходить, – начал он просить.

О как, мне еще психических не хватало.

– Посмотрим, – оборвала я Константина. – Вы-то как себя чувствуете, как Машенька?

– Я сейчас в больнице, к операции готовлюсь. Спасибо вам, Агнета, вовремя я к доктору обратился. Машенька на развод подала и на раздел имущества, даже видеть меня не хочет, но я особо и не расстроился. Я хоть сейчас жить нормально стал, без указок разных.

– Что у вас за болячку такую нашли? – обеспокоенно спросила.

– Печень. Сколько же можно было пить. Сейчас кусочек отрежут, и все будет хорошо. Вы с этим мальчиком пообщайтесь все же, – опять начал просить Костя.

– Привороты не делаю, – отрезала я.

– Это не приворот, там другое. Ой, Агнета, меня на процедуры зовут. Всего доброго.

– Выздоровливайте, – успела произнести в трубку, и абонент отключился.

Интересно, что там за загадка природы. Не успела я положить телефон, как он снова зазвонил. На экране «Мама», мысленно настроилась на позитив.

– Да, мам.

В трубке рыдания.

– Что случилось? – забеспокоилась я.

– Я голодная сижу, у меня давление низкое, я даже до кухни дойти не могу, – она захлебывалась в слезах.

– Таблетки пьешь от давления?

– Да.

– Зачем? И чай, наверно, зеленый.

– А вдруг оно поднимется, и чай пью.

– Молодец, – ответила я. – Я завтра приеду. Что привезти?

– Мне сейчас есть нечего, – рыдание в трубку, – я встать не могу, у меня давление низкое, голова кружится.

– Конфетку съешь, сахар поднимется, легче станет. Мам, я не могу сейчас около тебя материализоваться. Если поеду на вечернем автобусе, то домой вернуться смогу только завтра утром, – ответила я.

– Переночуешь у меня, что, я для дочери места не найду, – попыталась меня уговорить.

– У меня козы, их нужно доить утром и вечером. Если не подоить, то животное может и заболеть, и молоко пропадет, – ответила я.

– Тебе козы дороже матери. Пусть Катюшка их подоит, или она приедет ко мне, есть сготовит или ты вместе с ней мне продуктов передай. Взрослая уже девочка, – предложила маман.

Я немного подзависла от данного предложения.

– Мам, вот это вообще не обсуждается.

В трубке опять рыдания.

– Вот умру, что ты без меня делать будешь?

– Хоронить тебя буду, – рявкнула я, ненавижу, когда мной манипулируют.

В трубке затихло все.

– Но ты завтра точно приедешь? Я тогда сейчас сестре своей позвоню, пусть она что-нибудь мне поесть привезет, – рыдания прекратились.

– Конечно. Что тебе привезти? – заверила ее.

Мне выдали целый список. Конечно, ее можно понять, весь день одна в четырех стенах, начнешь тут чудить. Но я ей привозила витамины для головы и предлагала совместные прогулки. Оставляла брошюры с зарядками. Раньше чаще приезжала до карантина, почти

каждый день. Устала невероятно от капризов и претензий. Ну да ладно, родителей не выбирают.

Теперь нужно приготовить на несколько дней вперед три или четыре вида блюд. Отправилась на кухню придумывать и выдумывать, надо еще приготовить определенным образом, потому что «ты же знаешь, я такое не ем». Мясо нарезала и отправила с картошкой в мультиварку. Поставила в духовку творожную запеканку. Суп варить буду у нее дома. Развела тесто на оладушки. Пожарила пару сковородок.

Звонок в дверь, ну вот кого-то на запах оладиков принесло. За калиткой авто спортивного типа. Открыла. Парень стоит, худой, можно сказать, изможденный, цвет лица землистый, больной. Одежда на нем висит.

– Здравствуйте, мне вот ваш адрес Константин дал, – стоит, мнетя.

Мельком глянула, в машине сидит девица. Вот мне еще коллективной психотерапии не хватало. На другой стороне дороги стоит Волк, смотрит внимательно в сторону авто.

– Здравствуйте. Да, он звонил сегодня. Я людей не принимаю, но он просил за вас. Идемте в беседке беседовать, – рукой пригласила во двор.

Он зашел.

– А дама ваша в машине сидеть будет? – удивилась я.

– Какая дама? Я один приехал, – посмотрел на меня удивленно.

Перевела взгляд на автомобиль, действительно нет никого, видно, показалось. Волк по-прежнему стоит в тревожной стойке.

Пригласила парня в беседку, предложила чай. Он согласился. Рядом на лавке с моей стороны уселся Проша, лапки положил на стол и смотрит на товарища, не мигая. Видно, что-то учуял.

– Меня Павел зовут, – представился он.

– Очень приятно, – ответила я и налила в его чашку чай.

– У меня такой щекотливый вопрос, – он как-то смутился и немного покраснел.

Я молчала и внимательно смотрела на него, ждала, когда он соберется с мыслями.

– Понимаете, я давно один живу, ни девушки у меня нет, ни каких-либо свиданий с разными дамами за деньги. Можно сказать, что я

женат на работе, она все мое время занимает. Последнее время стала меня по ночам во сне девушка посещать с теми самыми намерениями. Не скрою, первое время было непередаваемо приятно, эйфория такая, заряд на несколько дней, – улыбка у него такая по лицу расплылась довольная, глаза масляные сделались.

Смотрю, Проша мой весь вздыбился, уши наострил. Взгляд с кота перевожу, а она уже тут сидит, за столом с нами. Красавица, да неопикуемая просто, волосы длинные, кожа красноватая, улыбка до ушей, зубок много остреньких, глаза огромные желто-красные, ресницы длинные. Самое главное, что все выдающиеся прелести, как говорится, налицо, формы округлые и еле прикрытые какой-то тряпицей. Понятно, на что мужчины реагируют, не особо в лицо заглядывают.

Павел говорит, рассказывает, а я от красотки глаз отвести не могу. Она меня видит, а я – ее. Ручки на стол положила, когти длинные, а вместо подушечек на пальцах присоски. Я на такую красоту даже залюбовалась, и мысли какие-то крамольные полезли, парня совсем не слушаю. Она ручки-то после этих мыслей ко мне и потянула. Проша, как всегда, на страже, по культикам ее и проехался когтистой лапой. Она на него стала шипеть, а он на нее.

– Агнета, Агнета, – вывел меня из ступора Павел, – Что это с вашим котом?

– Он с вашей подружкой дерется, – ответила я.

Павел на меня посмотрел как на умалишенную.

– Я думал, вы сейчас меня к психиатру отправите лечиться, – сказал он.

– Павел, с вами живет суккуб и кушает вас во-всю, – посмотрела на него внимательно.

Дамочка ощерилась, показав всю свою «голливудскую» улыбку.

– Как от нее избавиться? Меня вот этот недосып уже достал, да и организм истощается со страшной силой. Так она еще меня бить начала, если ничего не получается, – сокрушался он.

– Павел, а вы уверены, что вам хочется от нее избавиться? – спросила я.

– Ну, мне раньше хорошо было с ней, а теперь ее словно подменили. Ей каждый раз все больше и больше надо, а я не могу. Да и спать не дает, я как только глаза закрою, так она тут как тут. Уже

и снотворные пробовал, и всякие мужские снадобья, ничего не помогает, – вздохнул он.

– А помереть не боитесь? – поинтересовалась я. – Скушает вас и выкинет, как бумажный стаканчик из-под кофе.

– Не знаю. Помогите мне, пожалуйста, Агнета, – взмолился он.

– С чем помочь-то? Ты хоть определись, что нужно. Беса изгнать, или средство для потенции, или средство для сна или успокоительные? – возмутилась я.

– Я не знаю, – ответил он с какой-то безнадежностью в голосе.

Деваха сидела и ухмылялась.

– Давай так, я тебе сейчас дам настойку успокоительную, сбор для чая, настойку пчелиной моли. Купи пыльцы пчелиной или хотя бы перги, здоровье свое восстановишь. На бумажке сейчас напишу, как и что принимать. Остальное решать тебе. Пока ты не захочешь, чтобы она от тебя отстала, так и будет подле тебя отираться. Если уйдет она, то придет кто-то еще. Прежде всего, ты сам должен хотеть избавиться от нее, – сказала я.

– Хорошо, – опустил он голову.

Я ушла в дом, собрала все нужные снадобья. Хорошо, что все заранее приготовила, думала, что там за деликатная проблема у парня. Почти угадала. Собрала все в пакетик, написала рецепт и вложила туда. Отдала парню.

– Если надумаешь, то позвони предварительно, я все подготовлю. Тебе решать, я тут не советчик. Мочеполовая система у тебя уже на ладан дышит, нервишки шалют, а там с такой бессонницей, глядишь, и наяву свою красотку видеть будешь. После такого можно и до старости не дожить, – предупредила его.

Забрал пакет, положил на стол вместо него купюру синенькую. Проводила его до калитки. Сел он в машину, а рядом с ним его красота уселась. Тут на капот как прыгнет мой Волк. Грохот такой, машина аж под ним просела. В лобовое стекло заглядывает и рычит. Мадам ему только ручкой помахала и поулыбалась обворожительно. Павел глаза вытаращил.

– Это что? – тычет пальцем в огромного зверя.

– Маламут, охранник. Нечисть всякую рвет, как Тузик грелку, – ответила я, а потом язык-то и прикусила.

Волк спрыгнул с машины. На капоте остались вмятины от лап.

– Всего доброго, Агнета. Спасибо вам за помощь, – попрощался он.

– До свидания, Павел. Удачи вам на дороге, – помахала ему рукой и закрыла калитку.

Вот так вот, любовь зла, полюбишь и суккуба.

Случайности не случайны

Всю ночь снились какие-то голые люди, видно, находилась под впечатлением от встречи с суккубом. Проснулась в холодном поту. Не стала долго разлеживаться, поднялась с постели и начала потихоньку собираться. Предстоял нер-вотрепный день, но неприятность эту мы переживем. С вечера все уже разложила по контейнерам и пакетикам. Собралась и поехала в город. У родительницы все, как всегда, ничего нового, кислое лицо и претензии.

Отдала дочерний долг маме, пришла пора возвращаться в свою избушку на курьих ножках. На автовокзал я приехала раньше на час, думала, будут «Газели», но, как говорится, хотела одно, а получила другое. В кассе разговорилась с кассиршей, та предложила взять билет на автобус, который идет мимо нашего села. Взяла, не подумавши, дойду пару-тройку километров от трассы, не развалюсь.

Села в автобус последней, место оставалось только лицом к салону, спиной к водителю. Неудобное такое место, те, кто выходят, все время на тебя наступают случайно и случайно же пытаются сумки на тебя сложить. Ну да ладно, главное – сидя. Дверь закрылась, и мы поехали.

В окно смотреть неудобно, украдкой разглядываю пассажиров. Зацепилась случайно взглядом за девушку или женщину, что-то в ее внешности было не так. Повернется – вроде девушка лет двадцати, по-другому свет упадет – молодая женщина, голову наклонила – вроде под пятьдесят. Она на меня раз зыркнула, я отвернулась, потом снова поймала мой взгляд на себе. Ее остановка, встала, поравнялась со мной, наклонилась ко мне.

– Чего зыришь, глаза пузыришь, – прокаркала она старушечьим голосом, все ее лицо было покрыто паутиной морщин, а кожа имела землистый оттенок.

Сказала и вышла. Очнулась я тогда, когда меня водитель за плечо трепал.

– Девушка, девушка, с вами все в порядке? Вам выходить где? Мы все, приехали, – спрашивал он.

– Выходить в Октябрьском, – вынырнула я из какого-то тумана.

– Так это же шестьдесят километров как проехали. Уснула, что ли? – удивился он.

– Наверно, – начала лихорадочно думать, что же делать.

– Ты это, не расстраивайся так, я через полчаса обратно в город поеду, высажу тебя около твоего поселка и денег не возьму, – сказал водитель.

– Спасибо, – прошептала я, на глаза навернулись слезы.

– Не реви ты, все же нормально. Бывает всякое. Я, когда в городе в такси работал, тоже спал где придется.

Я кивнула головой и вытерла предательские слезы.

– Слушай, а у вас в деревне никакой бабки нет, ну это, чтобы там лечила, отвары, заговоры, пассы руками? – спросил он.

– Бабок таких нет, – мотнула я головой.

– Да у меня дочка лежит уже полгода. Куда ее только не возил, кому только не показывал. Врачи говорят, здорова, а она чахнет на глазах. Предлагали ее в специальную больницу положить, психику проверить, я не позволил, – вздохнул мужчина. – Ладно, ты это, хочешь, в автобусе сиди, хочешь на лавочке, – махнул он рукой.

Постепенно транспорт наполняли люди, рассаживаясь по местам, ставя в проход большие сумки и пакеты. Наступило время ха, когда автобус должен был отправиться в город. Но после нескольких попыток завестись стало понятно, что транспорт сломался. Пассажиры стали выходить, ругаясь на старое ржавое железо. Я вышла последней и села на лавочку на остановке. Надо теперь думать, как быть и что делать. Буду звонить Александру, просить, чтобы забрал меня. Вытаскиваю телефон, а он разрядился, вероятнее всего, и не включается.

– Простите, вы не знаете где можно телефон зарядить? – обратилась я к водителю, который возился с автобусом.

– А, это вы. Вам прямо сегодня вдвойне повезло. Есть кому вас забрать?

– Думаю, да, если дозвонюсь. Телефон разрядился, – показала ему черный экран смартфона.

– Ладно, все равно я тут ничего пока не сделаю, – вытер он руки тряпкой. – Пошли, зарядишься, да чаю попьешь. Моя Любушка женщина понятливая, со двора тебя не погонит.

Засеменила за грузной фигурой шофера. Подошли к большому кирпичному дому. Нас встретил маленький песик, который деловито обнюхал меня и для порядку пару раз тявкнул. На крыльцо вышла полная женщина с полотенцем в руках, видно, она что-то готовила на кухне.

– Любань, тут у нас гости, женщина вот проехала свою остановку, и телефон у нее разрядился. А у меня вот автобус сломался. Сейчас Иваныч освободится, и мы с ним тарантайку мою в бокс на ремонт загоним. Она телефон зарядит, и позвонит родным, чтобы ее забрали, – говорил мужчина.

– Идемте в дом, – кивнула женщина. – Меня вот Люба зовут, а вас как? Повезло вам сегодня. Дочка у нас сегодня младшенькая все повторяла, гости к нам приедут, гости. А я-то думаю, какие гости, соседка, может, забежит, так она не гость, а почти родная.

– Меня Агнета зовут, – вклинилась я в ее монолог.

– Петь, принеси зарядку женщине, – крикнула Люба.

Мне принесли зарядку и показали, где розетка. Предложили чаю и борща. Усадили в кухне. Прибежала маленькая девочка лет пяти и забралась ко мне на коленки.

– Тебя как зовут? – спросила она.

– Агнета.

– А меня Анечка, – она потрогала меня за волосы. – Ты же к моей сестренке приехала? – заглянула она мне в глаза.

– Анюта, оставь тетю в покое, – строго сказала Любаня.

– Ну, мам, – надула губы девочка.

Женщина вышла из кухни, а Анечка ловко спрыгнула с моих колен, схватила меня за руку и потащила вглубь дома. Зашли в спальню, где на кровати неподвижно лежала девочка лет двенадцати.

– К ней бабушка часто приходит и спит с ней, – сказала Анечка. – Я бабушку прогоняла, а она все равно не уходит.

Попыталась настроиться, но почему-то не получалось увидеть.

– Давай покажу, – малышка взяла меня за руку.

Предо мной предстала ужасная картина, девочка как бы витала в воздухе. От ее тела шли то ли нити, то ли проводки, которые сплетались в единый провод-канал в районе крестца ребенка. Этот канал был подсоединен к премерзкой старухе, которая улыбалась своим беззубым ртом.

– Видишь? Я знаю, что видишь, – сказала мне Анютка.

В комнату зашла Любаня и стала ругать ребенка.

– Вы ее простите, она дитя неразумное. Сестре хочет помочь, думает, что придет незнакомка и спасет ее, – женщина прятала глаза, чтобы я не увидела навернувшиеся слезы.

Она оттесняла меня к выходу из комнаты.

– Идемте кушать, я вам борща налила.

На столе стояло пять тарелок с борщом, сало на блюдечке, нарезанный хлеб, сметана в креманке, хреновина. За столом уже сидел худой мальчик лет пятнадцати и Петр. Мне предложили место, рядом устроилась Анютка. Все ели молча. После основной трапезы хозяин дома налил всем чай, на стол поставили вазочку с конфетами и печеньем. Анютка распихала по карманам печенье и конфетки под неодобрительным взглядом матери.

– Манюне отнесу. Она любит сладкое, – сказала девочка. – Знаешь, как любит сладкое, что даже за ним на кладбище с другими ребятами ходила. Мамка на нее ругалась, дома у нас всегда все есть, а ей хотелось больше и разного.

Поужинали. Отец с сыном ушли перегонять автобус в ремонтный бокс. Любаня принялась мыть посуду. Девочка уткнулась носиком мне в плечо и забавно сопела.

– Ну, чего ты боишься. Ну, скажи ей, – прошептала она мне громко.

– Аня, что ты пристала к тете. Что она хочет, чтобы вы мне сказали?

Весь ужин я собиралась с мыслями и думала, как помочь ребенку.

– Девочке вашей помочь можно, но это нестандартные средства, – замялась я.

Женщина села за стол напротив меня.

– Да мне все равно, стандартные они или нестандартные, лишь бы помогли. Что нужно делать-то? Мы уже ее возили к нескольким бабкам, они ее яйцом выкатывали, водой святой умывали, дымом окуривали, отварами поили. Вроде легче становилось, а как домой вернемся, так снова все по-старому, – вздохнула женщина.

– Сам дом надо чистить. Покойник к ней прицепился. Еще бы знать имя старушки.

– Вот я говорила ей, не ходи на кладбище, не собирай там ничего. Так она ухитрилась еще все домой притащить. Узнаем имя покойницы, не так уж у нас много бабок похоронено за последний год. Так что надо-то? Я все сделаю, скажите, – спросила Любаня.

– Сами вы, наверно, не почистите, – задумчиво сказала я.

– А вы это можете сделать?

– Я могу попробовать, – задумчиво ответила я. – Мне позвонить надо, чтобы меня забрали, – спохватилась я.

Телефон немного зарядился. Позвонила Александру, спросила, сможет ли он меня забрать. Он согласился. Звякнула дочери, сказала, что приеду чуть позже, чтобы не волновалась. Вернулась в кухню. Любаня домыла посуду и сидела за столом, подперев лицо кулаком.

– Приедет? – спросила она.

– Приедет.

– Вы завтра сможете приехать? Муж за вами заедет. Мы любые деньги заплатим. Или вам лучше на выходных. Как скажете, так и будет, – затараторила она. – Что нужно сделать? Может, полы помыть особым образом или там молитву читать? Я читаю каждый день, не помогает, но я верю.

– Мне надо в тетрадях посмотреть дома. Телефон свой дайте, я вам позвоню, если что-то нужно будет подготовить.

Можно было бы наклеить на девочку пластырь с чистящим ставом, тем, что я Ирине делала, но побоялась усугубить состояние ребенка. Еще около получаса Любаня рассказывала мне, куда и к кому они ездили, какие врачи смотрели и сколько они прошли разных обследований и сдали анализов.

Приехал Саша и забрал меня. Договорились с Любой созвониться. Она написала на листочке все данные девочки для диагностики и свой номер телефона.

Огонь изгоняющий

Сажусь в машину к Александру, а на заднем сиденье сидит растрепанная старушка с фингалом под глазом и в наручниках.

– Здравствуйте, – вежливо и удивленно с ней поздоровалась.

– Здравесе, – ответила она и скривила лицо.

Я удивленно посмотрела на Сашу.

– Работа, – усмехнулся он. – Две соседки подрались в магазине, – пояснил он.

– Да эта курва Манька выпускает своих уток под мой забор. Все они угадили и траву всю выщипали, – заявила возмущенно старушка.

– На ваш участок? – удивилась я.

– Если бы на мой она их пустила, то я бы всех в расход отправила вместе с Манькой, – возмутилась она. – На улицу, а они ходють у меня под забором и щиплют траву около него.

– Елена Сергеевна, успокойтесь. Нельзя портить чужое имущество, – сказал Александр.

– Тебя еще, Сашка, я не спрашивала, – пнула она его сиденье ногой. – А ну, негодник, сними наручники, б... – закончила она витиеватым выражением свою речь.

– Елена Сергеевна, вы же учительница русского языка, а так выражаетесь, – сделал замечание пожилой женщине участковый.

– Ты мне еще делать замечания удумал, негодник. Так Пушкин разговаривал, Маяковский, а я, значит, не имею права говорить на богатом русском языке со всеми его выражениями, б... И вообще я на пенсии, как хочу, так и говорю, – и она снова пнула водительское сиденье.

– Елена Сергеевна, успокойтесь. Я за рулем, нельзя меня пинать, иначе может произойти авария.

Старая хулиганка снова пнула сиденье.

– Александр, останови машину, – попросила я.

– Зачем? – удивился он.

– Наверно, чтобы ты, олух, с меня наручники снял, – ответила бывшая учительница русского языка.

– Не-а, – мотнула я головой. – Чтобы Шапокляк в багажник запихать. Шумит сильно, у меня голова разболелась.

– Ах ты, такая-сякая, меня, пожилую женщину с кучами болячек, в багажник, – теперь уже мое сиденье подверглось атаке старой грубиянки.

– А давай, – хихикнул участковый и начал притормаживать.

Женщина замолчала, надула губы и отвернулась смот-реть в окно. Она решила с нами больше не связываться.

– Как ты умудрилась уснуть в автобусе? – спросил он.

– Не знаю, моргнула и вот уже чужое село, – я пожала плечами.

– Ну ничего, бывает, хорошо, что я у тебя есть, – он погладил меня по руке.

Старушка на заднем сиденье громко фыркнула.

– А ты ее куда? – поинтересовалась я.

– В участке у меня есть клетка для особо буйных, еще с советских времен осталась. Переночует там, – ответил Саша.

– Александр Сергеич, ой, не надо меня в клетку, отпусти ты меня, старую, домой, – запричитала бабулька. – Я же там в твоей хибаре нетопленной все кости застужу.

– Павлович, – поправил он ее.

– Чего? – не поняла пенсионерка.

– Елена Сергеевна, моего отца Павел зовут, и отчество у меня Павлович, – уточнил он.

– А шут тебя знает, кто у тебя отец был, – вспылила старушенция.

У Саши заходили желваки.

– Вот при всем моем уважении, Елена Сергеевна, вы бы не могли прикрыть свой рот и ехать молча, – он явно злился.

Бабулька замолчала и снова уставилась в окно.

– Ну, Саш, у меня артрит, артроз, вены толщиной с канат, нельзя мне в холодном помещении сидеть, – она стала его уговаривать.

Он молчал.

– Ах ты, негодник, я мамке твоей пожалуюсь, – тут она замахнулась руками с наручниками с намерением ударить его по голове.

– Еще раз замахнешься или ударишь, то у тебя ноги будет крутить не только в холоде, но и в тепле, – поймала я руки старой хулиганки.

Она ахнула и сложила ручки на коленочки.

– Ваське, кстати, гипс сняли, зажило, как на собаке, – вспомнил Саша.

– Отлично, – ответила я. – Не пьет пока?

– Нет, в город на работу собирается. Отделочник он хороший.

Наконец-то добрались до моего дома.

– Так это ты теперь в Маргаритином доме живешь? – ахнула бойкая старушка.

– Угу, – ответила ей.

– Посоветуй мне что-нибудь от стоматита, – попросила она.

– Гадостей поменьше про людей говорите и рот болеть перестанет, – ответила я и вышла из машины.

Саша тоже вышел.

– Ты ее точно в кутузку посадишь? – спросила я.

– Мне надо пару отчетов оформить, посидит за решеткой немного, и отвезу домой, – тихо ответил он, чтобы старушка не услышала.

Он чмокнул меня в щеку и сел за руль. Все же странные у нас отношения, но ему огромное спасибо, что не бросил меня в чужом селе.

Дома отдала покупки дочери, поставила чайник, схватила ведро и понеслась к козам, доила их рано утром, а уже девятый час. Непривычно и травматично для них, я так думаю. Почесала им между рожек, погладила бочок, попросила прощения за столь позднее время. Но вроде они на меня не обиделись. Молоко отнесла на кухню.

Позвала дочь чай пить, устала сегодня от событий, надо немного передохнуть, чтобы потом не передохнуть (поставьте ударение туда, куда считаете нужным). Посидели с Катюшкой, поболтали, поели бутеров с колбаской и сыром. Все же хорошо мы с ней живем, никто нас не угнетает, у каждой своя комната, что хотим, то и делаем (почти), что хотим, то и едим, красота.

Разошлись по своим комнатам. Стала я тетрадки перебирать да смотреть, что нужно, чтобы от покойника избавиться. Нашла несколько ритуалов в разных тетрадках. Понравился один. Разложила карты для диагностики. Получила такие ответы: братья можно и даже нужно, девочке это не повредит, заговор подходит, можно его дополнить. Для ритуала нужны черные и белые свечи. Спустилась в подвал, взяла десять штук, не знаю, сколько у них комнат, но если

останется, то пригодится еще для чего-нибудь. Надо заняться пополнением запасов, брать беру, а пополнять не пополняю.

Позвонила Любане, спросила, сколько у нее всего помещений в доме, та сказала, что четыре комнаты, кухня, коридор, чулан, веранда и санузел. Девять, а свечей достала десять, значит, надо взять все, неспроста это все. Узнала она, у какой покойницы ребенок конфеты забрал. Оказалось, у Марии Ивановны, похороненной три года назад. Не такая уж она и свежая, значит. Будем бабульку на место возвращать. С Любаней договорились на послеобеденное время.

Руки прям чесались нарисовать на свечи рунный став или хотя бы одну руну. Открыла свою тетрабочку, стала искать что-то подходящее. Я прямо искатель прирожденный, все чего-то ищу, ищу. Ничего такого не нашла, только одна руна подходила, ее и нацарапала. Настроилась на свечи, продумала все, и даже визуализировала весь процесс.

С чувством выполненного долга улеглась спать. Приснилась старуха из автобуса, спрашивала, как я покаталась и легко ли мне с моим даром. Вытолкала ее за дверь своего сна и дверь закрыла на замок, нечего по чужим снам шастать.

С утра пораньше позвонила Ирина, сказала, что приедет ко мне в субботу вечером, днем у них запланирован визит к ее родителям. Была невероятно горда собой, что у нее получается постепенно налаживать связь с родными. Хорошо, значит, все идет у нее правильно.

Постаралась все дела за утренние часы переделать. Пообедали с дочерью. Собрала все необходимые ритуальные предметы. В два часа приехал Петр, муж Любани, на автомобиле. Погрузились и поехали. Честно скажу, волновалась сильно, а вдруг не получится, а вдруг что не так сделаю, и еще хуже все станет. Настраивалась, подбадривала себя. За окном авто увидела знакомый серый бочок Волка, значит, поддерживает мои начинания.

Дома была только Люба, детей отправили к дедушке с бабушкой, животных выпроводили на улицу. Петр бурк-нул, что ему нужно чинить автобус и быстро испарился.

– Я вот полы намыла, хоть ты и не говорила, но все же чище будет, дышать легче сразу, – сказала Любаня.

Зашли к девочке в комнату, бабулька была на месте, бродила туда-сюда, что-то шептала под нос. Увидела нас, обрадовалась.

Прошлась по дому со своими свечами. Зажигала в каждой комнате, проходила по ее периметру и углам, читала оговор. Как только загоралась свеча, так сразу менялась комната, воздух начинал дрожать. При ее свете возникали странные образы, нити, пятна, скопления мелких жучков, происходили неуловимые обычному глазу движения. Обойдя помещение, ставила свечу зажженной в подсвечнике. Шла в следующую комнату и зажигала новую.

Везде прочитала, везде поставила, кроме спальни девочек. Осталась ли Люба во время ритуала или нет, я не помню. Не видела ее и не слышала, может, вышла, а может, ходила за мной неслышной тенью. Зашла в комнату, где лежал ребенок, зажгла предпоследнюю свечу. Прошлась по комнате, по всем углам. Поставила ее по центру помещения. Села напротив девочки и стала наблюдать. Старушка-покойница вела себя тихо, неожиданно как-то. Я думала, сейчас завывать начнет или посуду бить, но она сидела в углу и смотрела на свечку.

Огонь сжигал нити, жучков, пятна становились светлее и исчезали, но почему-то на старушку это не влияло. Достала последнюю белую свечу. Зажгла снова с оговором и заговором. Одной рукой приподняла ребенка, задрала на ней рубашонку. Стала огнем водить по спине, по нитям, которые шли к скрученному каналу. Читала, причитала, на огонь нитки наматывала и пережигала их. Просила покойницу отпустить ребенка. Постепенно скрутка-провод становился все тоньше и тоньше, а потом и вовсе исчез.

По тому месту, где провод был, поводила пламенем свечи, словно рану прижигала. Оставшийся огарок резко оплавился и бухнул в подсвечник некрасивой плюхой. Повертела головой, нет в комнате никого. Девочка задышала часто-часто, словно вынырнула из воды, в которую была долго погружена.

– Пить, – прошептала она.

Дала ей заранее приготовленную воду. Ребенок принялся жадно ее пить.

– Помыть бы тебя не мешало, – вслух сказала я.

– Она ушла? – спросила меня Манюня.

– От тебя ушла, а из дома – неизвестно. Смотреть надо.

– Я так устала, я так хочу спать, – сказала девочка, свернувшись клубочком, закрыла глаза и тихо засопела.

Оставила ребенка в спальне и пошла посмотреть, что происходит в других комнатах. Покойница металась из одного помещения в другое и везде натыкалась на пламя свечи, которое не давало ей возможности остаться здесь. Открыла окно, и старушка вылетела на волю. Стремилась она в сторону кладбища, а за ней бежал Волк, который корректировал направление, чтобы она не свернула с намеченного пути.

Прошла снова по дому. В каждой комнате свечи горели по-своему, где-то ровно, где-то потрескивали, где-то оплывали. В спальне девочек воск раскладывался на лепестки, словно какой-то экзотический цветок.

Вышла на улицу, умыла лицо и руки. Любаня сидела на лавке около дома. Она подождала, когда я приду в себя, а потом только сорвалась с места и стала задавать мне вопросы.

– Как она?

– Спит. Проснется, пропарьте ее в баньке, если есть. Сразу ее не поднимайте и не тащите никуда, не заставляйте ходить. Полгода ребенок пролежал, массаж для ног и рук, все разминайте и растирайте. Зарядку делать первое время щадящую, – устало говорила ей.

– Хорошо, хорошо мы все сделаем, – затараторила она.

– Пока не будите ее, пусть спит. Там свечи по всему дому стоят, их не тушить, пусть сами догорают. Пока не догорят, в дом детей и животных не пускать. Воск после свечей закопать за территорией дома. Как все догорит, дом помыть. Кажется, все сказала, ничего не забыла.

В висках стучало, руки тряслись мелкой дрожью, в горле пересохло, колени дрожали. Видно, переволновалась.

– Сколько мы вам должны? – спросила она.

– Не знаю, – махнула я рукой. – Воск у меня кончается, да и прополис, и от подмора я бы не отказалась, – думала я вслух.

– Хорошо, все привезем, – ответила она.

– Еще нужно помин бабушке оставить на кладбище и перед Хозяином и Хозяйкой извиниться за ребенка, – вспомнила я.

Я сделала несколько глотков воды из привезенной с собой бутылки. Что-то меня как-то развезло, не думала, что это так тяжело. Женщина переминалась с ноги на ногу, видно, ей не терпелось зайти в дом.

– Иди, – разрешила я.

Она рванула в комнату дочери. Тихо заплакала, когда увидела, что ребенок спокойно спит. Я прошла за ней. На тумбочке лежала восковая отливка, которая изображала силуэт убегающей женщины. Аккуратно зацепила ее салфеткой, завернула в нее. Вышла за ворота дома и прикопала недалеко.

Надеюсь, я все сделала правильно.

Старушка-молодушка

Уселась на лавку около дома, вдохнула воздух полной грудью. Из дома вышла Любаня.

– Пойдем к моим родителям, поужинаем, чаю попьем. Потом Петя тебя домой отвезет, – позвала она.

Кивнула головой, собрала себя в кучку и двинулась за полной женщиной. Прошли вдоль улицы и завернули в переулок, уткнулись в большой добротный дом. Калитка была открыта, как и дверь в хату. По коридору бегали дети, на кухне что-то жарилось и парилось. В зале было накрыто на стол. Я плюхнулась на диван, тут же ко мне на коленки забралась Анечка. Обвила меня ручками за шею и прижалась щекой к плечу.

– Бабушка ушла, да? – спросила девочка.

– Ушла, а Манюня твоя вернулась. Но сегодня придется ночевать здесь, пусть твоя сестренка выспится, – погладила я девочку по волосам, такая она была прелестная, как маленький ангелок.

– А ты всех прогнала?

– А у вас еще кто-то есть? – у меня побежали мурашки по спине.

– У меня есть друг, – тихо прошептала девочка мне на ушко. – Он мне многое рассказывает и показывает. Он мне сказал, что приедешь ты и спасешь мою сестренку. Он хороший, не прогоняй его.

– Ну, он же с тобой к бабушке пошел? – заглянула я в миленькое личико.

– Да, мы ушли вместе.

– Ну, вот видишь, значит, он где-то рядом, – успокоила я ребенка, стараясь всмотреться в ее ауру, но ничего такого я не видела, может, я просто устала.

На стол нанесли последние штрихи, и все стали собираться ужинать. Глава дома, отец Любы, торжественно поставил запотевшую бутылку собственной настойки чего-то там на чем-то там. В какой-то момент зрение стало меня подводить, а когда смогла сфокусироваться, то увидела, что бутылка полна копошащихся маленьких беленьких червей. Отец Любы открыл ее, и черви ринулись к горлышку.

– Нет-нет, пить сегодня алкоголь нельзя, ни в коем случае, – замахала я руками.

– Ну за знакомство, ну с устатку, ну за успех, разве грех выпить? – возмутился он.

– Грех, – выдохнула я. – Иначе все Бобику под хвост.

Люба молча забрала у отца бутылку и пригрозила ему пальцем. Он что-то пробурдел себе под нос, но пока от этой мысли отказался. За столом болтали, ели, что-то обсуждали, обстановка была дружеская и непринужденная. Я допила чай и стала собираться. Хотелось домой и спать.

С Любой вернулись к ним в дом. Я прошлась по комнатам, почти все свечи догорели, осталась только одна – в спальне девочек, она даже наполовину не уменьшилась. Манюня сладко спала. Как догорит свечка, так ребенок и проснется. Об этом я сказала Любе, чтобы она не пугалась. Еще предупредила, чтобы она ни в коем случае не тушила эту свечу, все должно прогореть до конца.

– Люба, потом на ребенка надо будет защиту поставить или амулет повесить. Слабенькая она сейчас, будет всякая бяка липнуть, – сказала я.

Она кивнула головой. Собрала я все свои вещи и отправилась в автомобиль к Петру. Доехали мы довольно быстро. Из багажника он достал большой пакет и отдал мне.

– Что это? – заглянула я в тяжелый пакет.

– Индоутки, две тушки, свежие, – ответил он. – Все остальное потом привезу.

– Спасибо, – кивнула я головой.

– Это вам спасибо. Как хорошо, что вы тогда у меня в автобусе уснули, – у него на глазах навернулись слезы.

– Девочка спать будет долго, вы не пугайтесь. Если что, то звоните или пишите мне, – ответила я.

Мы попрощались, и я рванула в дом. Сначала душ, затем медитация на огонь. В таком состоянии нельзя подходить к животине, цепану от них энергии, они у меня и копыта откинут. Пришел Проша, плюхнул половину своей тушки мне на колени, затарахтел. Голову подставляет, требует, чтобы его гладили. В душе опустошение, но такое приятное, как после бани.

Пошла к своим козочкам-розочкам. Катюшка уже с пеструшками разобралась. Молоко не трогала, оставила в холодильнике. Попила чаю и завалилась спать.

Ночью приснилась старушка-молодушка. Удивилась ее появлению, значит, защиты от нее не спасают. Так она мне говорит, что с защитами все нормально, просто она на меня посмотреть зашла, а не воевать. Снова ее за ворота вытряхнула и дверь на засов закрыла, может, я на Брэда Питта посмотреть хотела, а не на старушку-молодушку.

Утром проснулась бодрa, свежа, как майская роза. Сегодня Иришка должна вечером приехать с сынулькой. Пирогов надо напечь, вкуснях наготовить, став защитный найти – дел полно. Утром пришла Настена за очередной порцией молока. Сказала, что они собираются переезжать к бабушке, папиной маме. Я спросила, что же будут делать с домом. Настя сказала, что не знает, все вопросы решает папа.

После завтрака кто-то стал ломиться в калитку. Там старушка-молодушка стоит. На велике прикатила. Это сколько у нее сил, чтобы спокойно двадцать километров на велике проехать и даже не запыхаться. Предо мной стояла сухонькая старушка в платочке, ситцевом платье, кедах и велоперчатках. За ее спиной переминался симпатичный черт со свиным рылом, небольшими рожками и прической, как у рокерского панка. На плече у нее сидела уменьшенная копия большого черта, только вот прическа у него была, как у гота. Ну точно бабку черти принесли.

– Чего зыришь, глаза пузыришь, – выдала она мне. – Я пришла, отворяй ворота.

– Здрасьте, – только и смогла я сказать, хлопая глазами от удивления.

Она меня бесцеремонно подвинула своим велосипедом и зашла во двор. Ее сопровождающий зайти вместе с ней не смог, так и остался за калиткой. Развернулся и пошел под любимое дерево Волка, уселся там ждать. Рядом материализовался Волк, составил ему компанию. На удивление, они вполне мирно рядом сидели, а может, даже общались на своем неведомом языке.

Тот чертик, что сидел у бабки на плече, вцепился в ее платок и начал верещать, когда она проходила в мою калитку. Мне кажется, у него даже шерстка обуглилась.

– Цыц, – она ткнула в него пальцем.

Он замолчал и начал приглаживать свой причесон.

– Ну че, мне нравится, – оглядела она мой двор.

На пороге дома сидел Проша и умывался.

– Я так понимаю, в дом меня не пустят, – констатировала факт бабулька. – Да мне и беседки хватит.

Она устремила в беседку и плюхнулась на лавку.

– Чай тащи, – скомандовала она. – Или чего крепкого. Есть у тебя?

– Нет, – мотнула я головой.

– Вот брехушка, у Маргаритки всегда чего выпить было. Да ну и фиг с тобой, у меня свое есть, – она вытащила из кармана фляжку и поставила на стол.

– Мам, это кто? – выглянула из дома Катюшка.

– Не знаю, дочь.

– Может, ты чай принесешь? – обратилась бабулька к моей дочери.

– Дочь, принеси чай и там где-то конфеты были.

Старушка-молодушка вертела головой во все стороны.

– Да ты не бойсь меня. Воевать я с тобой не собираюсь, если, конечно, ты первая не начнешь, – ответила она на мой немой вопрос. – Меня баба Мотря зовут или бабка Матрена, как хочешь, так и называй, я на все откликаюсь.

– Агнета, – представилась я.

– Ты уж меня прости за прошлый раз. Не понравилось мне, как ты меня щупать начала, вот и сработала защита. Только вот у тебя своя хорошая, так что тебя чуть-чуть задело, – болтала она.

– А вы такая же, как бабка Нина? – спросила я.

– Да ты что, – всплеснула она руками. – Еще бы я на бесов работала. Мы с ними дружим, – она почесала пузико своему чертенку.

Да уж, принесла нелегкая старушку-молодушку, и чего ей понадобилось?

Трубку курит бабушка моя

Расставила чашки на столе, вазочку с конфетами и пару креманок с вареньем. Налила заварку и кипятка. Бабулька плеснула себе в чай что-то из фляжки, предложила мне, я отказалась. Она достала откуда-то из кармана трубку и мешочек с травками.

– Куришь? – спросила она.

– Нет, – удивилась я.

– Зря, хорошая вещь, забористая. Трава у меня ух какая, – и она мне подмигнула.

Я удивленно вытаращила на нее глаза.

– Ты бы себя видела, – захохотала она. – Махорка это, табак сама выращиваю. А ты чего подумала? – она заливалась задорным смехом.

– Меня вот один вопрос интересует. Вы чего пришли-то, чего надо-то? – спросила я.

– О, варенье, я люблю варенье. Знаешь, молодежь сейчас не варит ничего, не понимают они в этом, – потянулась она ложечкой к креманке с яблочным вареньем.

Я молча на нее смотрела и ничего не понимала в сумбурности происходящего.

– Спрашиваешь, чего я к тебе приперлась? Посмотреть на тебя хотела, вот и все, – в глазах у нее играли смешинки.

– Вы тоже людей лечите и от всякого их спасаете? – поинтересовалась я, чтобы понять, что этой старушке-хохотушке надо.

– Я тебе что, того самого, – она постучала своей трубкой по столу. – Сами пускай себе помогают, а то натворят делов в своей или в прошлой жизни, а потом бегут – «Спаситя, помогитя». Я вот тоже раньше такая сердобольная была, как Маргаритка. Меня не просят, а я лезу, а потом получаю по самое не балуйся. Всю молодость на них профукала, ни семьи, ни детей, ни внуков, даже из детдома ребенка не дали. Как-то утром проснулась, смотрю, а мне уже под сраку лет, а из богатства только новые штиблеты десятилетней давности. Продала родительский дом и свалила в другую жизнь и другую область. Живу вот в свое удовольствие.

Она набила трубку и принялась ее раскуривать. Почему-то вспомнилась песня Сукачева «Моя бабушка курит трубку, трубку курит бабушка моя».

– Я тебе совет хочу дать хороший. Вот всех, кого к тебе высшие силы приводят – бери, а тех, кто твой номер телефона или адрес случайно достал и прется к тебе из любопытства, гони в шею. Они ведь твое время и твои силы пожирать пришли. Ни добра от них, ни денег, еще и тебе в минус. Всем тем, кто к тебе по надобности приходит, запрети давать левым людям свой номер телефона и адрес, так и говори: «Я запрещаю тебе давать незнакомым мне людям мой номер телефона и адрес». Как только они захотят это сделать, так сразу забудут все явки и пароли, – она выдохнула ароматные кольца табачного дыма.

Я молча ее слушала.

– Хорошо тут у тебя. Мне всегда дом Семеновны нравился, но не по зубам он мне был, вернее не по деснам, – она снова засмеялась, – Приданое уж больно за ним заковыристое дают. Ты его купила или он тебе даром достался?

– Даром ничего в этом мире не достается, – ответила я.

– Это точно. Купишь ты его за свои собственные деньги, и даже в долг не надо будет брать, – ответила она.

– А вы вообще не практикуете? – поинтересовалась я.

– Для себя только, здоровье там подправлю, прибавку к пенсии, вот иногда мороком балуюсь, нравится мне себя молодой чувствовать, на огороде могу пошаманить, чтобы дождь пошел или наоборот, солнышко вышло. В городе вот у меня квартира есть, я туда езжу работать, гадаю на картах, на рунах, на кофейной гуще и даже на чайной заварке. Любит у нас народ гадалок, денежки рекой вот текут. Хочешь, и тебе погадаю? – и она полезла в волшебный карман то ли за картами, то ли за рунами, то ли за кофейной гущей.

– Нет, спасибо, я сама могу себе погадать, если нужно будет. Вы как тут отмахали-то двадцать километров до меня на велосипеде? – спросила я.

– Не двадцать, а восемнадцать с половиной. У меня вон, видишь, моторчик волшебный прилеплен к велику, – ткнула она пальцем в коробку на раме. – Я бабка продвинутая, у меня и скутер есть, буду я еще педалями крутить.

Она снова выпустила клубок дыма.

– Скучно мне, понимаешь, Маргаритка была живая, приду к ней, бахнем с ней по рюмке чая и вроде жить не так тоскливо. А померла она, и я вот задумалась, что и мне скоро на погост пора будет, а проводить некому, кроме вот этих. Ну да ладно, чей-то я грустную песню завела.

– А если вернуться к практике? – предложила я и сделала глоток чая.

– Да упаси Господь, – она перекрестилась, и чертик с ее плеча упал в обморок. – Сколько я десятков лет на людей потратила, сколько мне еще осталось, может, двадцать лет, а может, два часа. Стара я уже для этих танцев, а этим, – она ткнула в чертика пальцем, – и гаданий моих хватает, и мелочевки всякой бытовой.

Странная эта бабулька, в глазах смешинки, не отворачивается, не прячется. Может, и правда, пришла из любопытства на меня посмотреть, а может, и чем дельным поделиться.

– Ты больше так по людям не шарься, как по мне в прошлый раз, мало ли на кого наткнешься и кто к тебе подселится. Чувствуешь, что что-то не то, отвернись, не всматривайся. Я как-то не хуже тебя, мужика одного разглядывала, как ты, а он мне говорит, не смотри так на меня, а то хуже будет. Партийный между прочим человек, председатель Главка. Так я из этого Главка еле свои костыли выволокла и упала рядом, до угла не дойдя. Крючило меня, как старую каргу на предсмертном одре. Два месяца на больничной койке провалялась. Он ко мне даже в больничку приходил, говорит, не зная броду, не суйся в воду. Защита на нем родовая стоит, как его щупать начинают, так и выстреливает в посмотревшего. Лучшая защита – это нападение, слышала? Ну вот, – снова пыхнула дымом.

Допила она махом свой чай, сунула трубку за щеку и встала из-за стола.

– За чай спасибо, за разговоры тоже. Смотрю, ты гостей ждешь, мешать не буду. Вот визитка, тут мой телефон, электронная почта, адрес в ВК и Одноклассниках, я есть в Вайбере и в Ватсапе. Звони, пиши, если вопросы будут. Учти, я первая войну не начинаю, если ко мне не лезут. Прежде, чем что-то сделать, думай головой, а не сердцем. Ну все, давай, покеда, погнала я до дома, до хаты.

Она взяла свой велосипед и вышла за ворота. Когда калитку проходили, так ее чертенок опять верещать начал, защита, видно, хорошая стоит.

– Всего доброго, бабушка Матрена, – махнула ей вслед рукой.

– Вот и молодца, вот и правильно, – кивнула головой старушка-молoduшка.

Она пыхнула своей трубкой в последний раз, вынула ее изо рта, обстучала об коленку и выбила пепел от махорки. Вытерла об ситцевый подол и сунула куда-то в свои бездонные карманы. От дерева отделился большой черт и побежал за ней вслед, как молодой козлик.

А ко мне сегодня приедут гости, так что пошла я еду готовить и дом убирать.

Нежданные гости

Поставила я открытые пироги с творогом и с черной смородиной в духовку. Достала индоутку из холодильника, покрутила, повертела, как готовить, кто ее знает. Набрала в Гугле «рецепт индоутки», выдал кучу способов ее приготовления. Конечно, птицу счастья хотелось запечь целиком, а не резать на составные части. Но ее размер внушал опасения, что она неизвестно когда приготовится.

Но мы не ищем легких путей, и на свой страх и риск все же решила утку запечь целиком. Не каждый день ко мне специально гости приезжают, обычно я их не зову, и они сваливаются, как снег на голову. Птицу намазала всякими специями, наколола из шприца соляным раствором и поставила мариноваться. Как пироги испекутся, так и засуну нашу красавицу в духовку вместе с картохой. Сладкое есть, основное блюдо есть, осталось придумать какой-нибудь салат. Смастерю-ка я винегрет с солеными огурцами и капустный салат с сыром, яйцами и чесноком.

Пироги испеклись, салаты настругала, утку запихнула в духовку. Позвонила Николаю, узнать, как там поживает Юлька, все же человек в больнице лежит. Дозвонилась, он сказал, что все с сестрой в порядке, через неделю обещали выписать, аккуратно на Пасху. Так что они успеют с ней на соборование. Юля про меня спрашивала и передавала извинения за свое поведение и благодарности за то, что я помогла ее найти. Ну, пусть выздоравливает. Николай пожелал мне счастья вместе с Александром, значит, слухи до него дошли, что участковый ко мне неровно дышит. Да и сам он все своими глазами видел, когда мы Юльку искали. Попрощались с ним на положительной волне.

Позвонила Любане, поинтересовалась, как там девочка, проснулась или нет, догорела свеча или так и горит. Люба сказала, что дочь так и спит, просыпается, выпивает воды немного и снова засыпает. От свечи осталась одна треть, ну надо же, двухчасовая свеча горит почти сутки, начнешь тут верить во всякое разное. Договорились с ней, что она мне обязательно позвонит, как ребенок окончательно проснется.

В пять часов затрезвонил звонок в калитке, ну вот и Ируська прикатила. Открываю дверь, стоит красавица с сыном, с сумками во всех руках. Человек изменился до неузнаваемости, а ведь прошла всего неделя. Как вспомню, какая она была опухшая да отекая, неприятная и горластая баба, так диву даюсь таким переменам. Бросила все свои сумки во дворе, кинулась со мной обниматься. Сын ее стоит рядышком и улыбается.

– Знакомьтесь, это мой сын Владимир, а это тетя Агнета, – представила она нас друг другу.

– Смотри, сколько мы всего тебе навезли, – она сунула мне кучу тяжелых пакетов и потащила меня в дом.

– Ира, ну не надо было, – смутилась я.

– Надо, надо. Все это висит по шкафам, место занимает.

– Куда я это носить буду? – с ужасом посмотрела, как она вытаскивает многочисленные костюмы и платья.

– По огороду будешь щеголять, – рассмеялась она.

– Тетя Агнета, а куда мне продукты деть? – спросил ее сын.

– Катюшка, разберите с Владимиром пакеты с продуктами, – позвала я дочь.

– Я там колбаски всякой привезла, рыбки, торт, конфетки и мясо для шашлыка, – сказала Ирина, пытаюсь натянуть на меня фильдеперсовый пиджак.

– Ира, ну зачем? У меня все есть. У тебя же с деньгами туго было, – поморщилась я.

– Было туго, а теперь нормально. Я несколько пар новой обуви продала.

– Ну и костюмы бы тоже продала.

– Не ворчи, как старая бабка, я ей от души, а она, – рассмеялась Ирина.

Она напомнила мне про бабульку Матрену.

– Слушай, а ты мой телефон никому еще не давала, надеюсь? – поинтересовалась я.

Судя по лицу Иры, я поняла, что с кем-то она им поделилась.

– Подруге дала. Не надо было, да? – виновато спросила она.

– А ты сама как думаешь? Вот я бы взяла твой номер телефона дала бы незнакомому мужику, а тебя бы не спросила. А он бы начал

тебе названивать и набиваться в женихи. Сказала бы ты мне после такого спасибо, а?

– Ну, прости, – она помрачнела.

– Я запрещаю тебе давать мой адрес и телефон незнакомым мне людям.

– Хорошо, – улыбка слетела у нее с лица.

– Что за подруга хоть и чего ей надобно? – решила я замять тему.

– Ой, такая подруга хорошая, вечно нам подарочки дарит, всегда рядом и в горести, и в радости, всегда поможет, если попросишь. Жалко ее, ни детей, ни мужа и работа так себе, – вздохнула Ирина.

– Ира, а ты у нее на этой неделе ничего не брала, ничего не давала ей? – спросила я.

– Нет, ты знаешь, не получилось у нас с ней встретиться. У меня телефон разрядился, а я даже не заметила. Мы с сыном ушли гулять. Пришли поздно. Я только перед тем, как ложиться спать, обнаружила, что у меня телефон выключен. Включила, а там как посыпалось от нее куча сообщений и обидок. Дескать, приходила, нас не застала, принесла подарок, намотала пакет на ручку двери. А мы пришли с сыном домой, а на двери ничего не было, видно, кто-то из соседей утащил или не соседей. На следующий день звонила, извинялась за обиды свои, говорит, соскучилась сильно, вот и не вытерпела, пришла без звонка. Мы с ней так и не смогли встретиться, я последние пару дней допоздна работала, – рассказала Ира.

– Ирина, а она тебе во сне вместе с зомби не снилась, когда ты у меня ночевала? – поинтересовалась я.

Она на миг задумалась.

– Снилось, – удивленно ответила она. – Но ведь Алька такая хорошая, то бусики сама сделает и мне подарит, то браслетик.

– Добрая душа твоя Алька, – усмехнулась я. – Скажи спасибо тому соседу, что ее подарочек спер.

– И что же мне с ней делать? – спросила Иринка.

– Сама думай, но знай, что от нее можно ждать всяких сюрпризов. Подождем звонка от твоей звезды.

Тут кто-то принялся названивать и тарабанить в калитку.

– Это кого еще нелегкая принесла, – сказала я и пошла смотреть.

Да неужели, да не может быть! Вот кого не ждала увидеть, так это бывшего мужа. Приперся со своим другом Виталиком.

– Привет, дорогая, – попытался меня чмокнуть в щечку, я увернулась. – Я тут девочкам своим велики привез. Как в деревне без них жить.

– Привет, спасибо. Ты бы предварительно позвонил, что ли, а то мало ли кто у меня тут, или мы по гостям пошли, – недовольно поморщилась.

– Тыпустишь нас, или как? – поинтересовался он, выгружая из машины велосипеда.

Рядом крутился Виталик.

– А надо?

– Ну, мы же не с пустыми руками, да и не чужие мы люди, – ответил Сергей. – Баньку сейчас затопим, шашлычков пожарим. Виталья, доставай там пакеты с продуктами, да с бутылками.

– Родной, ты у меня пить собрался? – злобно на него зыркнула.

– К баньке, к шашлычку сам бог велел, – ответил он мне и подмигнул.

– Пить ты у меня тут не будешь, я не затем от тебя уходила, чтобы ты ко мне приходил и алкашествовал, – возмутилась я.

– Ну, лапулечка, ну зря, что ли, мы приехали, – попытался уговорить меня Сергей.

– Серега, а где пакет с бухлом? Я его найти не могу, – подал голос Виталик.

– Вот жеж гадство, мы его, наверно, в гараже оставили, когда велики загружали, – сморщился экс-супруг. – У вас тут что-нибудь продают? Сейчас Виталья сбегаем, – обратился он ко мне.

– Нет, магазин уже закрыт, – криво усмехнулась я.

– У соседей?

– Ты видишь здесь соседей? И вообще ты прекрасно знаешь меня, я необщительная и знакомств здесь еще не завела.

– Ладно, сейчас что-нибудь придумаем, – почесал он затылок и затащил второй велосипед во двор.

Из дома вышла Ира.

– Это кто? Ты же говорила, что ни с кем здесь не общаешься, – поинтересовался экс-супруг.

– Знакомьтесь – это Ира, моя школьная приятельница. Вот решили встретиться, вспомнить молодость. А это мой третий бывший муж Сергей, а это его друг Виталий, – представила я всех.

Во дворе повисла неловкая пауза.

– Агнета, куда пакеты с продуктами отнести? – подал голос Виталик.

– В машину, – мрачно ответила я.

– Вы как хотите, а я приехал в бане париться и приятно вечер проводить. Я и от чая не откажусь, мне и сок с шашлыком пойдет, – ответил Виталик. – Один выходной можно и трезвым провести.

Простой такой, как три рубля. Видно, ему Ирина приглянулась, хотя в прошлый раз он и на меня планы строил.

– Друг, ты совершенно прав, тут такие девочки, а мы из-за пузырей расстроились. Тащи пакеты в дом, – скомандовал Серега.

Мы переглянулись с Ириной.

– Дорогая, где у тебя тут мангал? – поинтересовался он.

– В душе не чаю, – пожалала я плечами. – У меня в духовке утка, так что нам с Иришкой и ребяташками есть что поесть. Посмотри в сараях, может, и найдешь что-нибудь подходящее.

Я ушла в дом. На кухне Виталик выкладывал продукты на стол.

– Ты, Агнета, не обижайся на нас. Я думал, он с тобой договорился. Да и столько лет прожили вместе, может, еще помириться. Там у него что-то не складывается.

– Виталик, давай без этих душещипательных историй, иначе погоню я вас грязными тряпками, будете у меня лететь, портить воздух и радоваться.

Надо будет на следующей неделе заняться капитальным переездом, чтобы больше таких сюрпризов не было. Если бы все свое добро перевезла, то развернула бы граждан, любителей выпить, и отправила в город. Да и повода бы у них не было припереться ко мне. Смот-реть, что делают мужички, не буду, нет ни желания, ни сил им помогать, да и не надо им это пока.

Ира посмотрела на мое мрачное лицо.

– Я так понимаю, прогнать их нельзя? – спросила она.

– Можно, конечно, но у нас в городской квартире вещей много осталось, да еще дочкины картины и рисунки. Сама понимаешь, это больше, чем материальные вещи, – устало на нее посмотрела.

– Ну, если нельзя изменить ситуацию, то нужно изменить отношение к ней. Утка твоя уже запеклась? – спросила она.

– Кажись, уже готова, – ответила я.

– Ну, тогда давай на стол накрывать. Я есть хочу. Бутики сейчас сделаем с рыбкой, колбаски нарежем.

Втроем с Виталиком быстро накрыли на стол. Сергей нашел что-то наподобие мангала и разводил там огонь. Я принесла противень с уткой. Стол был полностью уставлен яствами.

– Хорошо живешь, дорогая, а я-то думал, ты сухарями с водой перебиваешься, а у тебя тут утка запеченная, колбаса всякая, сыр, салаты вон разнообразные. Где деньги, Зин?

– А вот это не твое дело, дорогой, все заработала, ничего не украли. И давай уже без инсинуаций. Если кому-то что-то не нравится, то выход вон там, – кивнула я на калитку.

Пришли дети, уселись за стол, и как-то весь конфликт ушел сам собой. Делили утку, раскладывали по тарелкам. Все ели с большим удовольствием, никто не ковырялся. Виталик рассказывал всякие интересные истории из своей жизни. Потом мужички топили баню, жарили шашлыки. Дети ели тортики и мои пироги. В общем, получился обжирательный вечер с баней и разговорами. Дядек уложила спать в летней кухне, от греха подальше. Ирину с сыном разместила в зале на диване и кресле-кровати.

Старикан

Утром встала рано, как будто кто-то локтем в бок толкнул. Тут же раздался звонок телефона, звонила Любаня, сказала, что дочка проснулась и есть попросила. Свеча сгорела полностью, даже огарка не осталось и восковых потеков. Благодарила меня и здоровья желала, и счастья, и денег, и пообещала, что на днях ее муж заедет ко мне и привезет все, что нужно.

Вышла из комнаты, Ирина сидела на кухне за столом и пила холодный чай со вчерашней заваркой.

– Утро доброе, ты чего так рано поднялась? – спросила я ее.

– Не спится что-то, проснулась и все про подругу свою думала. Горько и обидно, я к ней со всей душой, жалела ее еще, а она вот так со мной. Не верю я что-то, что она мне гадости решила подстроить, – она грустно на меня посмотрела.

– Ира, я же не утверждаю это. Об этом не я говорю, а высшие силы. Хотя сама, как хочешь, так и поступай. Я тебя вчера так и не посмотрела, не смогла, эти приперлись, – перевела я тему.

Окинула Ирину взглядом, пришлось настроиться, это тебе не первый раз, когда мухи над ее головой толпой кишели, здесь все было чисто. Серый с розоватым оттенком кокон покрывал ее с головы до ног легкой вуалью. Став не только убрал все гадости, но и лег защитой на ее подбитое поле. Хорошо, значит, не нужно будет ставить на нее защиту.

– Иришка, все у тебя тут чистенько, никто к тебе не прицепился. Дополнительные защиты не требуются, – сказала я и занялась чайником.

– Слушай, а Виталик этот, он нормальный мужик? – спросила она задумчиво.

– Мужик нормальный, рукастый, не жадный, работает и зарабатывает неплохо, понимающий. Ребенок у него от первого брака есть. Только есть у него один минус – выпить любит. Хотя, может, он это от одиночества, не знаю. Виталька не гулена, считает, что если ты с женщиной живешь, то и смотреть налево не нужно. Надоело, разлюбил, разводишь, не нужно тратить ни свое, ни чужое время. Он

так со своей первой женой развелся. Только вот она его разлюбила, а не он ее. Говорит, я же вижу, что ее от моего вида выворачивает. Поговорили, выяснили все, ну и разошлись.

– Он у меня вчера номер телефона спрашивал, – задумчиво сказала она.

– А с мужем что ты решила? Вы ведь официально не разведены еще?

– Не простит он меня, я бы на его месте не простила себя. Да ты знаешь, за эти полгода много чего произошло, и он ведь сразу от меня отвернулся. Еще и мама его, вечно мной недовольная, то одно я не так сделаю, то другое. Вечно у нее Ирка – в попе дырка, виновата. У меня зарплата больше мужа, а по ее мнению, я все равно на его шее сижу. Да и если она такое творить начала, то не успокоится, пока либо меня не загонит в гроб, либо сама не сляжет туда. Так что я отступлю, сыну нужна нормальная и здоровая мама, – все это она говорила с легкой обидой.

– Ира, а ведь все твои обидчики наказаны. Свекровь руки вон обожгла, у Женьки сарай сгорел, начальник приступ словил сердечный. Кто там у тебя еще остался? Соседка, подружка?

– Ага, соседка у сына за границей застряла. Мелкие пакостники тоже в своем добре разгребаются.

– Ну вот и отлично, ты больше на рожон не лезь, добро свое напоказ не выставляй, меньше видят, меньше завидуют. Ладно, давай я сейчас к козам, а ты на стол накрывай, завтракать будем. Детей будить станем или пусть спят?

– Пусть дрыхнут, сегодня выходной.

Вышла во двор, а в беседке уже эти гаврики сидят, что-то обсуждают.

– Агнета, слушай, у вас тут есть где спиннинги побросать? – спросил Сергей.

– Ой, я такой рыбак заядлый, все места тут с удочками уже облазала, всю рыбу переловила. Где тут что, в душе не чаю. Интернет есть? Гугл в помощь, – фырк-нула я и пошла доить коз.

Обратно иду, а стол в беседке уже накрыт. Тортики, пироги мои достали, остатки мяса разогрели, еще бутербродов с рыбкой и с колбасой понаделали. Красота, одним словом. Мужички обсуждают,

в какую сторону им лучше всего на рыбалку ехать. Детки наши сами проснулись, на запах и на шум вышли.

Позавтракали, посуду помыли, убрали все со стола. Дядьки нас звали с собой на рыбалку, только никто из нас не захотел. Накопали они себе червей, кукурузы в магазине купили, манки развели и рванули в дальние дали, вперед за приключениями. Ну, а мы с Ириной остались дома. Предложила ей со мной на кладбище сходить, тетусек ведуний навестить.

Около соседнего заброшенного дома разрослись кусты сирени. Выкопали небольшой молоденький кустик, взяли пятилитровку воды, старые простыни нарвали (наследство бывшей хозяйки) и отправились на кладбище, уборкой заниматься. Зашли, поздоровались с Хозяином и Хозяйкой кладбища, попросили показать, где похоронены ведуньи. Маргаритину могилку нашли сразу, она свеженькая была. Убрались, поговорили, дальше пошли искать.

Вторая могилка Аксанина была, нашлась тоже быстро. Несмотря на то что годы захоронения – восьмидесятые прошлого столетия, весьма ухожена, и памятник у нее стоит не старый. Видно, Маргарита Семеновна постаралась, памятник новый ей справила. С фото на меня смотрела та самая женщина, что приходила ко мне во сне.

Третья могила находилась не так далеко от захоронения второй ведуньи. Памятник старый, каменный, добротный, надгробье тоже хорошо сохранилось, а вот оградку не мешало бы обновить, да и засохший розовый куст придавал мрачности. Снова все помыли, поговорили. Розу выкопали, новый куст сирени посадили. Казалось, что женщина с фотографии стала улыбаться как-то по-доброму.

– Что, пришли ведьм помянуть? Пока вы о них помните, творят на земле они свои богопротивные дела, – прокаркал позади старческий хриплый голос.

Повернулись с Ириной на голос. На дорожке стоял неприятный старикан, один глаз у него затянуло бельмом, второго практически не было видно из-за нависшей кожи и глубоких морщин. Узкая щель губ растянулась на лице, обнажив голые десны. Его голову покрывали редкие кустики волос, на голой черепушке виднелся витиеватый шрам. Старческая рука сжимала самодельную клюку. Старик одет был в какие-то лохмотья.

– Иди, дедушка, иди, куда шел, – сказала ему Ирина.

Дед что-то начал бубнить себе под нос, слышались проклятья в сторону ведьминога рода.

– Ну вот кто бы говорил, у самого бес за спиной, а еще других к разуму призывает, – буркнула я еле слышно.

За дедом действительно стояло нечто в два с половиной метра высотой, черное, лохматое. Морда козлиная, а пятак пороссячий, рога витиеватые, язык в пасти не держится. Ряд желтых зубов и парочка острых клыков. Лапищи огромные, пальцы длинные, когти, как у зверя дикого. Пялится на нас желтыми глазами, не мигая. Жуть жуткая. В какой-то момент он понял, что я его вижу. Усмехнулся, и так пальцем тык в ближайшее дерево. Повалился тополь на нас, того и гляди пришибет. Вот только уперся он как будто в стену высокую, через ограду могильную не переваливается, стоит, облокотившись на нее.

– Вот почти сто лет прошло, а все охраняет своих сестер ведьм, – процедил дед и пошел в сторону выхода с кладбища.

Повалилось дерево в другую сторону и рухнуло, да рассыпалось, словно трухлявое оно было и жучками съеденное. Отвлеклись мы от старика, а когда глянули в ту сторону, куда он шел, так и след его простыл. Живой ли это человек или мертвый был, никто не знает, да и знать это у меня нет желания.

Поблагодарили мы Хозяйку и Хозяина кладбища, попрощались и пошли до дома. Тут и время обеда наступило, не стали ничего выдумывать, решили доесть все, что осталось, да плюсом еще один салатик смастерить. Ирина решила сегодня домой ехать, чтобы спокойно выспаться да со свежей головой на работу идти. Мужички с рыбалки неизвестно когда приедут, да и нужны они больно, чтобы их ждать.

Наболтались мы с ней, насмеялись. Вещи, привезенные ей, перемерила. Пару костюмов отложила и вернула, сказала, что вот эти ты точно продашь. Договорились с ней созваниваться и списываться, при желании в гости друг к другу ездить. Обещала нос высоко не задирать, а с людьми быстро не сходитьсь, и присматриваться долго.

Проводила их с сыном на остановку, надавала с собой сыра домашнего, молока козьего, творога и яиц куриных. Пожелала удачной дороги и доброго пути, ну и работы новой. Усадила их в автобус и направилась домой. Тут звонок на телефон.

– Лапулечка, у вас там, в деревне трактор есть? – ласково так Сережа спрашивает.

– Ну, есть наверно, не знаю, мне пока не нужен был. А что? – удивилась я.

– Да мы тут в трещину в степи угодили, машина туда завалилась, пытались вытолкать, так чуть сами туда не провалились, – стал он мне объяснять.

– Ясно, – хихикнула я.

– Чего смеешься? С трактором поможешь или нет? – слышно было, что он злиться.

– Вот как-то ты просишь странно, – усмехнулась я.

– Ну, прости, не знаю вот, что там теперь в машине сломалось, вот и психую. Может, есть какие знакомые, чтобы насчет трактора узнать? – голос изменился и стал плаксиво просящим.

– Сейчас попробую кое-кому позвонить, – ответила я и отбила звонок.

Вот мне задачку задал бывший муж. Предупреждала ведь не лезть ко мне, не трогать меня, ан нет, не можетя ему, ну вот и получил по носу резинкой от трусов. Стала звонить Николаю.

– Агнета, что стряслось? Говори быстро, у меня скоро служба, – тут же протараторил он.

– Мне трактор нужен, машину выдернуть с того места, где Юлька твоя застряла.

– Это к Мише, брату Александра, обращайся, у них трактор есть. Все, давай, некогда мне, – отключил он телефон, не дав с ним попрощаться.

Вот так дилемма стоит, звонить Саше или сразу Ольге фермерше звякнуть. Надо работать напрямую с производителем. Позвонила Оле, спросила про трактор, объяснила, что знакомый в наших краях был и в провал в степи рухнул. Деньги у них есть, они заплатят. Ольга не отказала. Скинула ей номер телефона бывшего мужа, чтобы Миша с ним созвонился, для уточнения координат.

Набрала Серегу, рассказала про трактор, чтобы ждал звонка, и что с трактористом нужно будет деньгами рассчитаться. В общем, я молодец, все уладила и стала ждать, когда же принц на синей «Ниве» начнет мне названивать. Не прошло и пяти минут, как позвонил обеспокоенный Александр.

– Агнета, что у тебя случилось? Ты где застряла? – спросил он.

– У меня все в порядке, я дома. Это мой бывший муж решил на рыбалку сюда приехать, ну и провалился в разлом в степи. Позвонил мне, попросил помощи, – решила не врать и не выкручиваться.

Повисла неловкая тишина, видно, Александр о чем-то о своем думал.

– Ты меня прости, я вот что-то тебя про прошлую жизнь и не спрашивал, – тяжело сказал он.

– Ну да, нам с тобой общаться особо и некогда было, всегда кто-то рядом присутствовал, – ответила я.

– Но он же бывший? – уточнил Александр, что-то в своей голове взвешивая.

– Да, мы даже в разводе, вот только вещи я свои у него до конца не забрала, – пожаловалась я.

– Да не вопрос, – ответил Саша, – на неделе найдем тебе «Газель» и перевезем тебя окончательно в твой дом, – обрадовался он.

– Я буду тебе весьма благодарна, – ну вот все и складывается так, как надо.

– Давай я попозже к тебе подъеду, может, твоему бывшему супругу, какая помощь нужна, например, дотащить машину до города, – он усмехнулся, видно, все правильно понял.

– Я не против, приезжай, – ответила я, и сердце в груди бешено заколотилось.

Надеюсь, все обойдется, и никто никому морду не набьет.

Неприкаянная душа

Через два часа трактор притащил больных к воротам моего дома. Сергей был злой, как последняя собака, в автомобиле что-то сломалось и отвалилось, я не вникала в подробности, что конкретно. Он выскочил из автомобиля, рассчитался с трактористом и напрямик проследовал в мой дом. Виталик засеменял за ним следом.

– А Ирина уже уехала? – с печалью в глазах спросил Виталий.

– Ну да, на автобусе, – ответила я.

Сергей пил воду прямо из носика чайника, меня всегда бесила эта его привычка, фу, весь носик в слюнях.

– У тебя точно водки нет? – спросил он и поставил чайник на место.

– Нет, и не было, – ответила я спокойно.

– Я бы сейчас выпил. Надо теперь найти кого-нибудь, чтобы эту чертову колымагу до города дотащить. Занесли тебя, Агнета, сюда черти. Неизвестно, кто еще согласится ехать за мной, сорок км сюда и сорок обратно, вечер воскресенья... ять... – он злился и психовал, и конечно, крайней у него была я.

– Ну, звони кому-нибудь, может, найдешь того, кто за тобой приедет, – сказала я и принялась мыть носик у чайника.

– Оставь ты этот чайник в покое, – начал он на меня орать.

– Заткни свой рот, иначе этот чайник полетит в твою больную головушку и остудит твои воспаленные мозги, – прошипела я.

– Серег, ты чего орешь-то. Агнета не виновата в том, что мы с тобой провалились в яму, – заступился за меня Виталий.

– Ага, не виновата она, знаем мы ее, десять лет с ней прожили. Если Агнетушке что-то не понравилось, настроения у нее нет, обиделась она, то первым страдает мой автомобиль. Чем в этот раз я тебе не угодил? – крикнул он мне в лицо.

– Пшел вон, – процедила я.

Вдруг дверь открылась, и на пороге появился Александр в форме участкового.

– Здравствуйте, участковый Александр Павлович Сидоров. Чего шумим, граждане? – поинтересовался Саша, кажется, он слышал дикие

вопли моего экс-супруга. – Агнета, у вас калитка была открыта, – обратился он ко мне.

– Здравсьте, товарищ капитан. А мы и не шумим, дела тут у нас внутрисемейные, – Сергей красноречиво на меня взглянул. – У меня там машина сломалась, провалились в разлом. Надо до города ее дотащить, вот не знаю, кто сейчас из друзей согласится поехать в эту тьму Таракань. Не убежала бы моя женушка сюда, не было бы сейчас проблемы, – ухмыльнулся Серега.

– Ну, за отдельную плату и тут найдутся охотники, кто вас до города дотащит, – ответил Александр.

– А не подсобит ли мне в этом родная полиция? Я денег на бензин дам и за беспокойство отблагодарю, – поинтересовался Сергей у участкового.

– Ну а почему бы и нет. Рабочий день у меня уже закончился, а подработать я никогда не отказывался, – ответил Александр.

Я поставила чайник на плиту.

– Давайте чайку хлебнем и отправимся в дорогу. Агнета, есть что пожарить? – спросил меня Сергей.

– Там что-то вроде бы оставалось, сейчас в холодильнике гляну, – сказала я и полезла в холодильник.

– Ты не готовила, что ли, сегодня ничего? – зло спросил Сергей.

– А я, дорогой, не рассчитывала на трех здоровых мужиков сегодня вечером. Думала, вы там свою рыбу поймаете и алга до города. Твоя звезда заждалась уже, мне сотню сообщений прислала. А тебе батарейку не посадила? – в руках у меня был пакет с вяленой рыбой, которую эти гаврики к пиву привезли.

Бывшие жены не все добрые и хорошие. Вчера своему благоверному немного карму подпортила, на своей странице в ВК выложила фоточки, где он мангал разжигает, дрова рубит и чай за столом распивает. После того, как Ирина уехала, я зашла в социальную сеть, а там около пятидесяти сообщений с левого аккаунта от новой сожительницы мужа. Посмеялась над ней и заблокировала. Представляю, сколько она ему насыпала сообщений во все места.

Теперь вернемся на нашу кухню.

– Агнета, мы перекусим что-нибудь, да поедем, не суетись так, – начал успокаивать меня Виталик. Видно, ему не хотелось, чтобы

Сергея получил леща лещом.

– Есть колбаса, сыр, сделайте себе бутерброды, могу яичницу быстро сварганить. Надо?

– Да ладно, обойдемся, – ответил Сергей.

Поставила сковородку на огонь, сильно разогрела, разбила туда дюжину яиц. Через пять минут была готова глазунья с жидкими яйцами. Поставила горячую сковородку на подставку на стол. Влет ушла яишенка, как и не было ее.

– Вот что мне в тебе нравится, Агнета, это то, что ты можешь приготовить быстро, вкусно и практически из ничего. Оля, конечно, старается как-то что-то не-обычное приготовить, но не лезет мне в горло ее еда, – своеобразно похвалил меня экс-супруг.

– Ой, пипец, какой классный комплимент, спать теперь не буду, пойду в дневник запишу, как ты меня похвалил, – съязвила я.

Все это время Александр молчал и периодически смотрел то на меня, то на Сергея. Что он там себе думал, я не знаю.

Собрались быстро мужички. Прицепили трос к машине. Сергей подошел ко мне.

– Агнета, молодец, время даром не теряла, ну хоть мужик нормальный, – он мне подмигнул и сел в машину.

Смотри-ка, какой глазастый, все увидел, пусть теперь знает, а то распустил хвост павлиний, а под ней обычная куриная гузка.

Ладно, злиться на людей нельзя, а то они по трассе да по темноте поедут, не надо, чтобы с ними что-нибудь приключилось. Помахала им и зашла во двор. Как же я устала, как же хочется обычной тишины. Плюхнулась на диван, ноги вытянула, да-а-а, после такого отдыха надо еще неделю отдыха. Перемыла оставшуюся посуду. В дверях появилась дочь.

– Мам, давай хоть завтра без гостей обойдемся, – попросила меня Катюшка.

– Давай попробуем, но ничего тебе не обещаю, – ответила я. – Есть у нас с тобой еще пара часов перед сном, может, киношку какую посмотрим?

– Пошли, может, чего новенькое вышло, или под мультики похочем, – ответила дочь.

Посмотрели с ней новых «Монстров на каникулах» и пошли на боковую. Снилось мне ночью Ангелина, благодарила за сирень,

просила ухаживать за кустиком. Оградку сказала не трогать, новую не ставить, только эту обновить, подкрасить, может, какие куски подварить, но не убирать. Спросила ее про старикана с бесом за спиной.

– Вот жеж старый хрыч, никак не упокоится, не угомонится, все бродит между двух миров, таскается со своим прислужником. Хотя еще разобраться нужно, кто из них кому прислуживает.

Когда у меня муж мой законный почил, стал ко мне свататься кулак местный. Мужик вдовый, работающий, две дочери у него было и двое сыновей, батрак в хате с батрачкой, хозяйство большое. А мне никто не мил, кроме моего Ванюшки. А мужичок меня и так и этак обхаживал, и жену ему молодую не надо, только вот меня рядом с собой видит. Обозлился, что я ему все время отказываю, да пошел к местной колдовке. Та, как узнала, кого он привораживать собрался, так и послала его на хутор бабочек ловить. Сколько он бабок, сколько ворожеек, сколько колдунов обошел, не счесть, так уж я ему в душу запала. Хотя, может, и не запала, может, из вредности, да из-за обиды своей сломить он меня решил. Все ему отказывали, воевать со мной никто не хотел, сколько бы он денег ни предлагал.

Так он решил сам себе помочь. Где уж он добыл книгу черную с тайнами темными, никто не знает. Получил ее, от церкви отрекся, стал поклоняться своему богу. На кладбище всякие ритуалы делать. Вот только не получалось у него ко мне пробиться, мою волю сломить, не поддавалась я ему. Может быть, и получилось у него что-нибудь, да только Советская власть пришла, раскулачивали всех. Он вместе с детьми сбежал куда-то, чтобы не сослали их в Сибирь и не отобрали все подчистую.

Потом уже через пару десятков лет приехал к нам глубоким стариком. Снова сватался ко мне, к старухе. Так мне уже вообще это не нужно было. За ним уже огромный бес ходил. Обозлился тогда на меня старик, плюнул мне на порог, пообещал, что никогда меня не оставит, всегда рядом со мной будет. Я тогда заговоренную оградку себе у местного кузнеца заказала, чтобы он меня после смерти не тревожил. Помер он раньше меня, а через год и я ушла в мир иной. Вот только старикан вокруг моей могилы неприкаянный ходит, а я в другом мире обитаю.

Рассказала Ангелина мне эту историю и пропала. Вот так старикан, даже после стольких лет смерти, силу имеет. Сам, наверно, уже не рад, что себя привязал к кладбищу и на тот свет отправиться не может.

Чудак-человек

Утро туманное, утро седое, на улице полночи лил дождь. Ночью пришло сообщение от Александра, что он уже дома, все нормально, а экс-супруг доставлен к гаражу. И от Сергея пришло сообщение, что он добрался до дома, все нормально, извинился за свое поведение. Хорошо, что я перед сном телефон отключаю, а то бы читала их отчеты среди ночи.

Позвонила Саше, поблагодарила за помощь. Ответил, что все нормально, и он был рад избавить меня от назойливого бывшего мужа, тем более тот неплохо его отблагодарил в виде некоторого количества денежных знаков. Надо было его на ужин пригласить, но мне так надоели гости, что вот такая я хрюшка, решила никого сегодня не звать.

Весь день работала, пришло несколько новых заказов на статьи, старые заказчики вспомнили про меня. К тому же никто не отменял работу в интернет-магазине. Посчитала свои доходы и расходы за последние три недели, была приятно удивлена. На продукты я в этом месяце практически ничего не тратила, самая большая покупка – это дочина кровать. Деньги в этом месяце приходили со всех сторон, а еще были кое-какие продукты. В следующем месяце предстоят траты: оплата газа и электричества, а еще покупка корма животным, там у них совсем немного осталось.

В окно тарабанил дождь, то немного стихая, то снова усиливаясь, превращаясь в мощный ливень. С одной стороны, погода навевала грусть, а с другой – радовала тем, что после дождя оживет огород, да и саду весенний ливень пойдет на пользу. В такие дни дом становился по-особенному уютным и родным. Мы с дочерью растопили печь и слушали, как потрескивают дровишки в топке.

Затрезвонил дверной звонок, ну вот снова-здорово, мы с дочерью переглянулись. Маруська залилась лаем и намылила свои лапки бежать на улицу, встречать незваных гостей. Собаку закрыли в комнате, дабы животное домой не притащило тонну лечебной грязи. Однако Проша пошел со мной посмотреть, кто же решил посетить нашу скромную обитель.

Открыла калитку. Недалеко от нашего дома «по колено» завязла маленькая окушка. За ночь дорога раскисла, и грязь принимала в свои объятья незадачливых автомобилистов. Предо мной стоял молодой человек, как мне показалось, весьма юный и неопытный. Ибо в такую погоду нарядится в кроссы и джинсы мог только либо незадачливый кавалер, спешащий на свидание, либо человек, который не знает, какая может быть дорога на окраинах деревни.

– Здравствуйте. А у вас мужа нету? – спросил он, немного стесняясь.

Немного подзависла от заданного вопроса.

– Здравствуйте. А вы свататься пришли? – ответили я с коротким смешком.

Он покраснел.

– Ой, вы простите, я не так выразился. Ваш муж дома? – спросил он.

– Наверно, дома, я не знаю. Родной, тебе чего надо-то? А то я уже вся промокла до нитки, да и ты, я смотрю, не особо сухой, – решила я навести человека на правильную мысль.

– Мне машину надо вытолкать из грязи, помощь нужна, вот, – ответил парень.

– Ну, тут я тебе не помощница. В грязь не полезу, толкать не буду. За руль не сяду, потому что тут же твоя тарантайка зароеется в другой грязи. В такую погоду надо либо на тракторе ездить, либо дома сидеть, – пожала я плечами.

– Что же делать-то? – вопрос был, скорее всего, риторическим.

– Ну, звони кому-нибудь, друзьям или родне, или домой пешком возвращайся.

А вот фигушки, не собираюсь я решать вопросы посторонних граждан, которых понесли окаянные в дальние дали.

– Да не ловит у меня тут телефон, – показал он мне экран телефона, на котором не было ни малейшего намека на сигнал.

Посмотрела на гражданина, подумала, заранее себя поругала и пригласила его в дом. Его кроссовки были похожи на огромные грязевые боты. Он их снял перед ступеньками, дабы не накидать грязь на крыльцо. Так и пошлепал в носках в дом. Я пригласила его на кухню. Поставила чайник и пошла переодеваться в сухую одежду.

В волшебном бабушкином шкафу нашла мужскую рубашку и трусики, все же лучше, чем ничего. Отнесла сухую одежду молодому человеку.

– Тебя как зовут? – спросила я.

– Алексей. А вас?

– Агнета. Сейчас чайник вскипит, горячего чаю с травками выпьем, а то так простыть можно.

– А вы меня не боитесь? Может, я маньяк какой-нибудь, а вы меня в дом впустили, – он серьезно на меня посмотрел.

– У меня вон в спальне бойцовая собака, облает тебя, пока ты не оглохнешь. Ну, и кот может тебе голову откусить, – ответила я ему со смехом.

Проша уселся на табуретку напротив гостя и внимательно его рассматривал, видно, опять что-то зверь наш узрел. Парень переоделся и спросил меня, где ему можно посушить одежду. Выдала вешалку и кивнула в коридор, нечего ему по дому шляться.

– Ты откуда такой красавец и куда намылился в такую погоду? – поинтересовалась я.

– Я местный, а вот вас я не знаю. Вы сюда недавно же переехали? Я два месяца на вахте был. Три дня, как дома отдыхаю, вот еду к любимой девушке.

Сижу вместе с Прошей парня разглядываю, у него вокруг головы легкий туман. Не такое черное облако, как у батюшки, а дымка вокруг головы, словно он в облако или туман нырнул. Если не приглядываться, то вроде все нормально, а посмотришь внимательно, то верхнюю часть черепашки и глаз не видно.

– Что же ты такую погоду выбрал для свидания? Три дня как с вахты приехал, а только сейчас рванул, – спросила я.

– Да вот дела были, а сегодня меня, как током стукнуло – ехать к ней надо срочно. Прямо терпения не было ждать хорошей погоды, – он елозил на стуле. Казалось, он сейчас сорвется и прямо так, как есть, побежит к своей барышне.

– Надо было подождать, когда дождик закончится. Да и не ехать по этой дороге.

– Эта короча, – ответил он. – Я позвоню другу, – Алексей схватил трубку и принялся бегать по кухне, пытаясь поймать сигнал.

Такой же туман опоясывал его нижнюю часть тела. Как интересно.

– Не ловит, – плюхнулся он на стул.

«И не будет», – подумала я про себя.

– Как жаль, – ответила я вслух. – Ну тогда пей чай и чеши домой. Завтра найдешь кого-нибудь, кто вытащит твою окушку из грязи.

Как только я так сказала, на улице такой ливень начался, что деревья стали пригибаться. Замечательно, не выпустят его высшие силы из моего дома.

– Я, наверное, не буду пить чай, пойду, меня любимая ждет, – ответил он и направился к двери.

– А ты ей звонил? Может, и не ждет она тебя, – поинтересовалась я.

– Я вчера ее мать встретил, она мне сказала, что Наташка по мне соскучилась, и завтра, то есть уже сегодня, они меня ждут на пирожки. – Леша мечтательно причмокнул губами.

– Чем тебя ее маманька угощала?

– Да ничем вроде. А-а-а, вспомнил: яблоко дала, вкусное, – облизнулся он.

– Ты, Леша, все же чаю горячего у меня попей, а то ненароком заболеешь и невесту свою заразишь. Все же попробуй ей позвонить, а то если они тебя на пирожки ждут, то волнуются наверно, – предложила я и поставила кружки на стол, достала варенья и сыр с хлебом.

Он опять начал кружить по кухне с телефоном, пытаюсь поймать сигнал. Ничего. Отхлебнул чаю, сморщился – горячо, подул. Снова в телефон. Дозвонился до своей Наташи, а она ему что-то там грубо ответила, дескать, не ждет тебя здесь никто и не нужен ты тут никому. Опечалился хлопец, загрустил, не так он, видно, себе все это представлял.

– А мамка ее сказала, что она меня ждет, – грустно он ответил.

– Леша, а ты какую зарплату привез с Севера?

– Триста шестьдесят тысяч, за два месяца, – гордо ответил он мне.

– И ты всем об этом рассказал? – я на него глянула с интересом.

– Ну, я же их заработал, до этого было меньше, да и мамка моя запрещала всем рассказывать. А тут у меня новая квалификация, зарплату в полтора раза подняли, и отработал я две вахты.

Вот человек чудак, разве можно всем подряд о таком рассказывать, вот и нашлись охотницы за богатством. Как же его подвести-то к тому, что на нем лежит магическое воздействие, без его просьбы о помощи я и пальцем не имею права пошевелить.

Утренние процедуры

Алексей все тыкал в телефон, пытаюсь хоть до кого-то дозвониться или отправить сообщение, но связь бессовестно игнорировала его потуги. Я посмотрела в окно с тоской – на улице дождь не собирался останавливаться.

– Я немного у вас посижу, дождь утихнет и домой пойду. Тут недалеко, минут 20–30, наверно, пешком. Точно не знаю, сколько идти, я на другой стороне села живу, – посмотрел он на меня. – Завтра с ребятами машину вытолкаем.

– Сиди, пока дождь не кончится или связь не появится. Вон можешь на кухонном диванчике прикорнуть. Леша, мне работать надо, особо времени нет чаи распивать, – сказала я и ушла в зал работать.

Особо не боялась, за Алексеем кот присмотрит, да и двери зала и кухни находились друг напротив друга. Так что я могла видеть, что происходит в соседнем помещении. Углубилась в написание статей на тематику «Такси Анапа». Надо было впихнуть в полторы тысячи знаков четыре ключевых фразы. Но платили неплохо, так что можно было и постараться. Дощелкала пару статеек, отправила на проверку в антиплагиатор и пошла смотреть на гражданина.

Алексей мирно посапывал на диванчике. Над его головой на подлокотнике сидел Проша, аккуратно опускал лапку в туман и потом облизывал ее. Выглядело презабавно, как будто он ел вкусную сметану. Вот гурман. Пусть лопает, не жалко, а у парня, глядишь, и мозги прояснятся, и с глаз пелена упадет. Проша словно мои мысли прочитал, облизал лапку и повозил ей у него по глазам. Парень поморщился во сне и попытался отмахнуться, словно от мухи. Но на кота это не подействовало, и он продолжил лакомиться туманом. Интересно, какой он на вкус.

Лешу будить не стала. Если оморочку наслали, то она может за ночь и растаять, а если приворот был сделан, то завтра видно будет, что да как, может, и помощи сам попросит. Тогда и будем от этого плясать. Накрыла его пледом и свет выключила. Поработала еще немного и отправилась на боковую. Сегодня пришлось ложиться

в зале, но тут потрескивала печка, а за окном шумел дождь, так что засыпать было приятно. На кухне посапывал Алексей.

Рано утром меня разбудил гражданин: бродил по кухне и что-то бубнил.

– Ты чего так рано вскочил? – спросила я.

– Голова болит, потер он виски. Где я? – огляделся он по сторонам.

– Куда вчера тебя ливень завел, там ты и оказался, – ответила я.

– А куда я ехал? – он тер то глаза, то виски. За ночь Проша подъял неплохо туман с головы, да и в нижней части тела практически ничего не осталось.

– В гости на пирожки к кому-то ехал, – ответила я. – Застрял перед моим домом, потом чай у меня пил, затем уснул. Меня Агнета зовут. Помнишь?

– Местами помню, а местами нет. Одежда на мне какая-то странная, – оглядел он себя скептически.

– Твоя промокла, вон в коридоре висит, сушится, – кивнула я в сторону коридора.

– Тетя Агнета, у вас нет ничего от головной боли? Мамка говорила, вы лечить можете руками. Вон Ваське алкоголику ногу сломанную собрали, – спросил он.

– Тебе таблетку дать от головной боли или помочь с твоим состоянием? – поинтересовалась я.

– Наверно, помочь с моим состоянием, – с сомнением ответил он.

– Наверно или точно? – уточнила я.

– Точно. Не могу вот, голова болит, раскалывается, перед глазами пелена, не соображаю, все как в тумане вязком. Вчерашний день помню плохо. Тяжко мне. Поможете? – попросил он.

– Ну, если тебе это так надо, то помогу, – ответила я.

Он кивнул головой и сморщился от боли.

– Пойдем-ка хлопец, я тебя сначала умою.

Набрала в таз воды, и мы с ним вышли на улицу. Дождя уже не было, пахло свежестью и мокрой землей. Солнце только появлялось из-за горизонта. Поставила парня голыми ногами на землю, таз на лавку. Зачерпнула пригоршней воду и прошлась по его лицу. Сунула руку в туман вокруг его головы, ощущения очень интересные. Намотала его на руку, макнула в таз с водой. Смыла с кисти и снова лицо водой умыла. Как руку в воду опускаю, так она аж булькать

начинает, словно кипит. Делала так несколько раз, пока всю гадость с него не собрала и в воду не отправила. Умывала и шептала, и приговаривала, да на солнце восходящее посматривала.

Вышла за ворота и на другой стороне дороги грязную воду вылила. Она лилась из таза, как тягучий кисель, и воняла тухлятиной. Интересно так: шла я туда по грязи, а ноги не испачкала и сама не провалилась.

Алешеньку напоила чистой водой, вытерла новым полотенцем, и спать снова отправила. Проснется, там и посмотрим, что с ним еще делать нужно будет.

Не делай добра, не получишь зла

Алексей спал на диванчике на кухне. Он не слышал, как мы завтракали, как обедали. Я его даже один раз потыкала пальцем, чтобы убедиться, что он еще живой. Но товарищ просто спал крепким молодецким сном.

Во второй половине дня кто-то позвонил в дверь. Я уже нервно начала вздрагивать от звонков, у меня в городе в квартире на первом этаже столько посетителей не было. Пошла посмотреть, кто там. Приехал Александр.

– Добрый день, Агнета, – поприветствовал он меня.

– Привет, Саша, проходи, – я махнула рукой на дом.

– Я на пару минут заскочил, – ответил он и зашел во двор.

– Что-то случилось? – спросила его, видя, как он чем-то обеспокоен.

– Там недалеко от твоего дома окушка стоит. Ты не знаешь, где ее владелец?

– Спит у меня на кухне. Застрял во время дождя в грязи, попросил помощи у меня. Я ему чай предложила и сухую одежду, не буду же я толкать его машину, – ответила я.

– Его мать ищет, говорит, вчера сорвался неизвестно куда, телефон не отвечает, разболтал всем про заработок. Она переживает. Давай мы его разбудим. Я машинешку его выдерну, да домой его спровадим, – предложил мне Александр.

– Саша, не надо его будить, пусть спит столько, сколько надо. Сам проснется, маме позвонит.

– Агнета, опять?

– Не опять, а снова, – ответила я устало.

– Мне-то что матери сказать? Она же там с ума сходит, – сказал он.

– Ну, придумай что-нибудь, скажи, Мише с Олей на ферме помогает, а телефон сломался, или к другу уехал в город помочь в строительстве дома, а с телефоном проблемы.

– У него телефон с собой? – спросил он.

– Да, спит с ним в обнимку.

– Принести можешь?

– Могу, – я пошла в дом за аппаратом.

Вытащила из-под подушки смартфон Алексея и принесла его Александру. Тот набрал смс и отправил его.

– Мамке его смс-ку отправил, чтобы не волновалась, написал, что он в соседней деревне другу помогает сарай строить, что там связь плохая, – пояснил участковый. – Хорошая моя, что-то ты выглядишь неважно, – он протянул ко мне руки и обнял меня.

Уткнулась к нему в плечо и разрыдалась. Что-то нахлынули на меня эмоции водопадом и полились через край ливнем слез.

– Ну что ты, ну не плачь. Что случилось, кто обидел? Давай я их всех на пятнадцать суток к себе в кутузку посажу, пусть подумают над своим поведением, – он гладил меня по спине.

– Я уста-а-ала, – редела я в голос. – Люди эти, почти каждый день кто-то приходит, бывший приперся, хозяйство это, весь день что-то делаю, делаю, домом заняться некогда. Силы этой боюсь, ошибиться боюсь, всего боюсь, – я рыдала и бессовестно мочила своими слезами и соплями его форму.

Он приподнял мое лицо за подбородок и принялся меня целовать, в лоб, в глаза, в нос, в щеки. Голова закружилась. Удивленно от него отстранилась: я тут, понимаете, ему жалуясь, а он решил воспользоваться ситуацией.

– Вот и ты туда же, – хлюпнула я носом от возмущения. – Ни свиданий, ни ухаживаний.

– Ну, сейчас все кинотеатры закрыты, и клуб местный тоже прикрыли, я бы тебя пригласил. Хочешь, я с родителями тебя познакомлю? Устроим семейный ужин, Миша с Олей и с детьми придут, соберем всех, весело будет. У нас хорошо, – он пытался вытереть мои слезы ладонью.

– Не хочу, – стерла я слезы со своего лица. – Ничего не хочу.

– Агнета, давай я вечером за тобой заеду, на рыбалку сгоняем. Я такое место знаю хорошее, там тихо. Я удочки побросаю, а ты в тишине посидишь, на воду посмотришь, отдохнешь. Можем с ночевкой, с палаткой, костер разведем, уху сварим. Я такую уху умею варить, ум отъешь. Детей наших у родителей моих оставим, коз к Ольге отведем. Приставать к тебе не буду, обещаю. Что хочешь, для тебя сделаю, только не плачь. Вещи заберем у твоего бывшего

мужа. Там их много, мебель есть? «Газель» у Мишки возьму. Если немного, то прицеп у меня есть. Ну, не плачь. Ты просто устала, тебе отвлечься надо.

– Там с Лешкой надо до конца разобраться, а то так на него всякую дрянь и будут вешать, – хлюпала я носом.

– Давай, как ты с ним разберешься, так мне звякнешь или напишешь. Я приеду к тебе, и сгоняем куда-нибудь на природу, или куда скажешь, – он заглядывал мне в лицо. – Хорошо?

Я кивнула. Он чмокнул меня в щечку и отправился по своим служебным делам. Зашла в дом, сунула под подушку Алексея телефон. Он что-то пробурчал во сне, но не проснулся. Отправилась работу работать, надо все же думать о покупке дома.

Через пять минут пиликнул мой телефон, пришло сообщение от Петра, хозяина дома. Он спрашивал, не передумала ли я покупать дом. Ответила, что нет. Через пять минут пришло вот такое сообщение: «Предлагаю еще немного подождать с покупкой дома. Сейчас продать его вам не могу, развожусь с женой. Если сейчас все оформлю, то придется с ней делиться деньгами, а я не хочу, это мое добрачное имущество, бабушкино наследство. Но я точно, точно вам его продам. Заявление на развод я уже подал через Госуслуги, так что через месяц или два нас разведут». Ну вот, с одной стороны, расстройство, а с другой стороны – смогу собрать нужную сумму и не брать кредит. Вон как ко мне со всех сторон денежки плывут. Правда, не просто так, за работу.

Ответила, что еще немного подожду, но желательно не затягивать, а то мало ли что бывает. На этом наш разговор завершился. Через двадцать минут пришло сообщение, что разводиться он не передумает, ибо золото с машиной и поездка с бывшим были последней каплей. Честное слово, мне все равно, главное, чтобы не передумал дом продавать, а то скажет, мне жить негде и вернется в родовое гнездо. Я уже тут привыкла, людей хоть немного узнала, да и вообще мне тут нравится, хоть я сегодня и раскисла немного.

С дочерью стали ужин готовить, тут и Алексей проснулся. Кинулся к телефону, смотреть, ловит или не ловит сеть.

– Леша, мы с участковым твоей маме смс-ку отправили, чтобы не волновалась.

– Ага, спасибо, – кивнул он головой и принялся кому-то звонить.

Он громко начал с кем-то разговаривать по телефону.

– Мам, чего это он? – спросила Катюшка.

Он сделал знак ей рукой, чтобы не мешала и замолчала.

– Леш, выйди на улицу, там поговори, – сказала я.

Он и на меня махнул рукой. Опа, а вот этого уже я не потерплю.

Подошла к нему, хватя его за ухо.

– Друг мой любезный, а ты случайно ничего не попутал? Ты в моем доме, имей уважение, – потянула его в сторону двери.

– Ой, больно, – сморщился он.

– Сейчас будет тебе приятно, когда волшебного пенделя отвешу, – ответила я.

Он вывернулся у меня из-под руки.

– Все, все, я больше не разговариваю по телефону, простите, я, наверное, спросонья плохо соображал, – сказал он и поднял обе руки вверх.

– Молодец, понял, – ухмыльнулась я.

– Тетя Агнета, пойду я, а то сейчас за мной пацаны приедут, засмеют, если я от вас выйду. Скажут, с теткой старой связался, ночевал даже у нее.

Я от такой наглости аж дар речи потеряла, вот так, получила Агнета по усам благодарностью, а ты ему еще защиту хотела ставить. В мороке он мне больше нравился.

– Иди, иди, Леша, только про свои деньги и свою зарплату никому не рассказывай, – сказала я.

– Я сам знаю, что мне надо делать, а что не надо. Все старенькие люди такие заботливые, – он ехидно улыбнулся.

Парень переоделся, бросил одежду на стул и вышел на улицу.

– Теть Агнета, а что это с моими кроссами? – крикнул он с улицы.

– Ты их вчера бросил на улице, – ответила я.

– М-да, безнадежно испорчены. И в чем я пойду? – он вылил воду из обуви и вытер подошву об мои ступеньки.

– Леша, какой ты молодец. Ступеньки мне кто чистить будет? – спросила я.

– Ой, да ладно, дождь пройдет, все смоет, – махнул он рукой. – А вот кто мне стоимость за кроссы возместит, неизвестно. Что же вы их в дом не занесли? Вы всегда так с гостями поступаете?

– Алексей, вы мне не гость, а мимо проходящий гражданин, вот и иди отсюда мимо, – начала я злиться.

– Так что там насчет того, чтобы возместить стоимость обуви? – спросил он.

– Я тебе так возьму, что тебе еще добавлять придется. Пшел вон, и чтобы тут духу твоего не было. Ноги в руки и чеши отсюда, – зашипела я на него.

Он сунул ноги в мокрые кроссовки и рванул к калитке.

– Вот ненормальная тетка, – услышала я от него.

Будут тебе и кроссы, и блины с икрой и красной рыбой, и тетки нормальные и молодые. Надо было перед обрядом диагностику делать, а не хвататься за него дрожащими руками.

Набрала Саше, попросила приехать срочно. Прискакал через десять минут, как раз в тот момент, когда Лехины друзья его окушку из грязи выдергивали. У них лопнул трос.

– Как настроение? – спросил меня Александр.

– Дайте мне саблю, я порублю всех на куски, – ответила я. – Поехали рыбу глушить, я злая.

Мы уселись в машину и отправились выпускать пар.

Рыбалка

Саша привез нас на берег какого-то чудного озера. Кругом шумели деревья, а в молоденькой траве красовались маленькие цветочки. Небо было голубым и глубоким. По нему пробегали мелкие барашки облаков. Он достал складные стулья, поставил небольшой столик. Вытащил из багажника термос и сверток с бутербродами.

– Прости, ничего не успел приготовить, – виновато сказал он.

Для меня это было так странно и необычно. Сама-то я с этим Лешенькой все позабыла и даже есть не стала. Всю готовку свернула, дочь творог с вареньем поела, а мне кусок в горло не лез. С собой ничего не взяла, тоже мне хозяйка.

– Ты сам-то хоть ел? – спросила я его.

– Когда ты мне звонила, я еще ехал. Домой зашел, переоделся, взял что перекусить и к тебе, – ответил он и стал разливать горячий кофе по стаканам.

Взяла напиток, а вот от бутерброда отказалась.

– Что там с Лехой приключилось? Ты чего злая такая? – спросил он.

– Да этот петушок сам вчера ко мне пришел, помощи попросил. Обувь на улице свою под дождем оставил. Я ему сухую одежду дала, чаем напоила, выдряхся на моем диване, а когда очухался, сказал, что я старая и его кроссы испортила, не проследила за ними. Прямо выбесил меня.

– Во-первых, ты не старая, пусть он не несет чушь, а во-вторых, он еще тот фрукт, как бы аккуратней-то выразиться, как ты сказала: петушок, ну или козел. Он не пьет, не курит, но жадноватый и любит похвастаться. У них в семье пять детей, мамка одна тащит, папка у них какой-то блаженный, по монастырям катается, да сирым и убогим помогает. Лешка, несмотря на свои заработки, ей не помогает, тратит только на себя. На что-то, видно, копит. Из дорогого только вот окушку купил, телефон и вот эти кроссовки, да так по мелочи вещи всякие. Гниловатый парень, если честно, – он отпил кофе и зажевал половинку бутерброда.

– Да, а я уж думала, что что-то не то сделала, испортила паренька, – удивилась я.

– Не парься. Хочешь, я ему интерфейс почищу? – предложил Саша.

– Не надо, оно само собой образуется все. Доедай и пошли рыбу ловить, буду на поплавков медитировать, сейчас как раз ужин у рыбы. Прости, что я тебе нормально дома поесть не дала.

– Знаешь, меня не каждый день красивые барышни на свидание приглашают, а ем я три раза в день, – рассмеялся он, а я покраснела.

Он достал удочки, наживку нацепил на крючки. Забросили с ним и сидим, смотрим. В полуметре от меня что-то зашевелилось. Пригляделась: небольшая змейка с оранжевыми пятнышками ползла к воде по своим каким-то делам.

– Саш, там змея, – прошептала я и показала пальцем.

– Не бойся, это ужик. Хочешь, я для тебя его поймаю?

– Зачем? – удивилась я.

– Убедишься, что он не страшный.

– Не надо. Зачем живность пугать, он нам ничего не сделал.

Уж нырнул в воду и исчез где-то там. Поплавков задергался, я чуть-чуть подождала и аккуратно выдернула удочку. В руки попался карасик величиной с ладошку. За полчаса мы поймали таких экземпляров около десяти штук. Саша оставил на меня две удочки, а сам принялся чистить рыбу. Развел костер, поставил специальную треногу и повесил котелок с водой.

Пока Александр занимался хозяйством, я поймала еще парочку карасей и одну красноперку. Он опустил наш улов в воду. Достал из багажника картошку. Часть завернул в фольгу и подсунул в угли, а часть почистил и отправил в кипящий бульон. Я ловила, сидела с двумя удочками и не успевала снимать рыбу с крючков. Саша посолил, поперчил и насыпал в бульон какой-то крупы.

Меня окружили комары и мошки и весело принялись покусывать и лезть в глаза и рот. Конечно, солнце ушло за горизонт и пришло время кровососущих. Саша обрызгал меня с ног до головы каким-то спреем от насекомых. Но этих летающих это не остановило, они все равно до меня домагивались и норовили залезть в нос, рот и глаза, и покопаться в волосах. Пришлось отойти от воды и усесться около костра. Дым распугивал мошкару.

Я сидела на поваленном дереве и смотрела на костер, на танцующее красное пламя, на желтые всполохи. Было тепло и приятно. Саша набросил мне куртку на плечи и прижал к себе, чтобы не замерзла. На душе стало спокойно и хорошо, все куда-то отошло на задний план и стало таким мелким и незначительным.

Потом мы ели уху и смеялись над Сашиними рассказами. Суп был бесподобный, с ароматом костра и запахом степных трав. Оказалось, что я была очень голодной, съела полторы тарелки и заела печеной картошкой. Такую вкуснотищу ни разу не ела.

Саша – надежный мужик, настоящий, как каменная стена, с ним уютно и спокойно. Он мне нравится, но вот любви особой к нему не испытываю. Хотя что я знаю о любви, гормональный взрыв в голове, страсть, помутнение рассудка, эмоциональная зависимость от объекта обожания. Может быть, любовь именно такая, спокойная, надежная, когда с человеком спокойно и хорошо, и нет эмоциональных качелей.

Поели, выпили еще кофе, посидели немного, посмотрели на костер и решили собираться домой. Мне уже два раза Катюшка звонила, а ему – сын. Раньше нас мамы контролировали, а теперь дети. Смотрели удочки. В ведерке бултыхался улов. Как хорошо: и на уху наловили, и на пожарить поймали.

– Агнета, я сейчас рыбу почищу, чтобы тебе дома не возиться. Завтра свеженькую пожаришь, помой только перед жаркой.

Он за пять минут почистил весь улов, подсолил немного и сложил в пакет. Быстро собрал в багажник все добро и удочки. Затушил костер. Мы сели в машину и рванули домой. В пути я немного задремала. Проснулась из-за остановки.

– Уже приехали? – спросила я.

– Нет еще, идем, что покажу, – сказал он и вышел из машины.

В голове начали роиться похабные мысли, которые я от себя усиленно отпихивала. Саша открыл дверь и подал мне руку. Мы стояли в бескрайней степи, а сверху куполом парило над нами ночное небо с миллиардами звезд и созвездий. Я ахнула от простирающейся роскоши ночи. Все же чудеса – они рядом, всегда рядом, стоит только к ним повернуться лицом. Стрекотали сверчки, где-то ухала сова, шумела трава. А как пахнет ночь, это что-то особенное, днем такого не унюхаешь. Саша обнял меня сзади и прижал к себе. Он молчал, и я

молчала, мы смотрели на небо. Вот оно, какое счастье, оно пахнет степными травами и мужским одеколоном. Оно теплое и бьется в такт с твоим сердцем, оно яркое, как огонь, и темное с россыпью звезд, как ночное небо.

Жирная точка

Уснула по дороге домой. Саша не стал меня будить, вытащил и отнес в дом. Уложил на диван, накрыл пледом и уехал к себе. Утром проснулась – не пойму, где я, снилась старая жизнь. Немного полежала и вспомнила про последний месяц. Круто, конечно, я свою жизнь поменяла.

Отправилась к своим подопечным в курятник и козлятник. Проведала, покормила, подоила, яйца собрала, выпустила в загончик. Коз уже можно и на выпас отправлять. Позавтракали с Катюшкой, и я уселась за свою работу. В десять утра позвонил Саша, спросил, поедем ли мы сегодня за моими вещами или нет. Сказала, что перезвоню ему чуть позже. Написала Сергею, спросила, на работе он сегодня или нет, и не сменил ли он замки на двери квартиры. Написал, что весь день на работе, замки целые и старые, и менять он их не собирается. Замечательно, значит, можно и за вещичками сгонять.

Перезвонила Александру, сказала, что можно сегодня в течение рабочего дня съездить за оставшимися шмотками. Через двадцать минут он уже стоял около моей калитки. Приехал на своей «Ниве» с прицепом.

– Привет, – он чмокнул меня в щечку. – Не спросил тебя про мебель, но я так понимаю, мы просто забираем вещи?

– Утро доброе. Да, забираю только свои вещи, мебель решила оставить бывшему мужу, – ответила я, садясь в машину.

– Я на работе у вышестоящего начальства отпросился, – сказал он.

Около дома стояла «Ока», которая еще больше вросла в грязь. Вокруг нее все было истоптано, остались следы тяжелой техники, но видно, что-то пошло не так. Усмехнулась про себя, не надо было меня злить.

Быстро добрались до города. Предупредила Александра, что в квартире может быть бардак, так как неизвестно, когда здесь был бывший и с кем он тут обитал. Удивительно, в доме был относительный порядок. В вещах моих не рылись, значит, теток разных он сюда не приводил. Развернула несколько больших мусорных пакетов, в них удобно не только мусор выносить, но и вещи

перевозить. Все складывала быстро, не рассусоливая, рыдать и страдать было некогда.

Саше дала задание снять картины со стен. Часть из них были из моей прошлой жизни, часть – вышивка моя и дочери, а часть – Катинины картины. Забрала новые обои, которые собиралась поклеить в комнате дочери в городской квартире. Когда муж опять ушел в загул, я отказалась от этой затеи. Теперь они отлично подойдут для моего нового дома.

– Ты уверена, что ничего из мебели забрать не хочешь? – спросил меня Саша.

– Комод хочу. Я так долго мечтала о комодке, потом его купила, он мне так нравился. Ну, что-то мне жалко его здесь оставлять, Сергею он все равно не нужен, а следующая тетка обойдется без моей прелести.

Александр вытащил ящики, разобрал тумбу.

– Больше ничего не собираешься забирать? Подумай хорошенько, чтобы потом не жалеть и не возвращаться, – спросил он меня.

Мой взгляд упал на мой любимый диван. У меня комната одна пустая стоит, а тут это добро пропадать будет. Муж все равно не живет в квартире, а я спать буду с комфортом. Тем боле покупала его я, на свои честно заработанные деньги, он мне на него ни копейки не дал. В диване лежала моя коллекция новогодних игрушек, чуть не забыла. Для меня Новый год без них будет сплошным огорчением, да и собирала я их долго и тщательно.

– Саша, а диван влезет в прицеп? – спросила я.

– Он разбирается?

– Ну да, на две части по метр сорок.

– Должен уместиться. Только вот тащить его надо вдвоем. Есть кто из соседей дома?

– Ой, у нас тут все немощные. Сосед напротив – с вечной грыжей в спине, наверху дед живет, а остальные – тетки да бабки. Давай я тебе помогу дотащить, я сильная, – ответила я и попыталась продемонстрировать свои бицепсы.

– Я верю тебе, – рассмеялся он. – Сейчас я разберу его, и что-нибудь придумаем.

Там было пару болтов и уголков. Раскрутив их и разъединив диван, он подтащил одну часть к двери комнаты. Поморщился и куда-то ушел из дома. «Ну все, напугала мужика, сбежал», – мелькнуло

у меня в голове. Через пять минут он вернулся с местным дворником, с которым быстро вдвоем зачихнули в прицеп мой диван. Он сунул ему какую-то купюру, тот сказал «спасибо» и пошел дальше махать своей метлой. Потом мы с Сашей быстро перетаскали все вещи, забив ими багажник, салон и оставшееся пространство в прицепе. Накопила я вещей немало, но половина из них была дочкина.

– Я думала, диван в прицеп не уместится, – сказала я.

– Все уместилось и немного осталось места для вещей, – ответил он.

– Саша, я тебе на бензин денег дам и еще, сколько ты там тому мужику заплатил.

– Нет, у меня бензин рабочий, мне его оплачивают, так что не переживай. И вообще денег я с тебя никаких не возьму, – сказал он, как отрезал.

Ну что же, хозяин – барин. Подъехали к дому, стали разгружаться. Тут около забора остановился какой-то внедорожник. Из него выпрыгнул огромный мужик, здоровенный, рыжий, с бородой и усами, ну вылитый медведь. Он поздоровался с Александром.

– Агнета, знакомься – это мой брат Миша, – представил нас он.

Я потеряла дар речи, они совершенно не были похожи друг на друга. Увидев мое удивление, оба расхохотались. Миша помог затащить диван, сослался на свою занятость и уехал в сторону фермы.

– Вы совершенно не похожи друг на друга, – сказала я.

– Миша папин сын, а я мамин, – улыбнулся Саша.

– Вы не родные?

– Родные, Мишка папина копия, а я мамина, увидишь, поймешь.

У него зазвонил телефон, и кто-то принялся истерично вопить в трубку. Он ее немного отодвинул от уха.

– Сейчас я занят, через минут пятнадцать подъеду к тебе, – ответил он и отключился.

– Что-то случилось? – спросила я обеспокоенно.

– Представляешь, у Лешки кто-то все деньги со всех счетов выгреб, – он удивленно на меня посмотрел.

– Я у него ничего не брала, он с меня еще чего-то требовал, – ответила я и пожала плечами.

– А делала для него что-нибудь? – спросил он.

– Саша, он попросил, я сделала, – в сердцах сказала я.

– Нехило, конечно, он рассчитался, – усмехнулся Александр. – Я тебе сейчас соберу комод и диван, а потом поеду к этому Алешеньке.

Как-то в руках у него быстро все спорилось и ладилось, раз-раз – и комод стоит собранный, раз – и диван на месте. Дальняя комната с «новой» мебелью, ободранными обоями и старым шифоньером смотрелась убого. Что-то спать тут совсем не хочется, хоть я ее уже и мыла несколько раз, и окуривала разными травами, но все равно энергетика тут была какая-то тяжелая. Надо будет в город сгонять, обои какие-нибудь дешевенькие купить, обновить и освежить комнату.

Саша уехал, даже не попив чая. Мы с Катей развесили картины по стенам, предварительно набив целую кучу гвоздей. Все наши художества отлично вписались в интерьер, если можно так сказать. Катюшка обрадовалась тому, что я привезла обои, и теперь можно было сделать в ее комнате ремонт. Конечно, меня немного напрягал вопрос с домовладением, хотелось уже поскорее стать полноправной его хозяйкой. Хотя, если меня выбрали для этого места, то уже никто не заберет у меня жилье, оно в любом случае станет моим.

На ужин быстренько приготовила мясо тушеное, картофельное пюре и шарлотку с яблоками. Скинула сообщение Саше, чтобы приходил поужинать, надо хоть как-то отблагодарить человека. Он появился через десять минут, сиял весь, как медный самовар, видно, ему нравилось, как развиваются у нас события.

Ужинали в доме, беседка до конца еще не просох-ла после ливня. Болтали за столом, Катюшка на нас все время косилась. Все вместе убрали посуду. Иногда я поглядывала на Сашу: интересно, он всегда такой хороший, или это его демоверсия. Хотелось верить в лучшее. Все мои предыдущие мужья в период ухаживания показывали себя только с лучшей стороны, да и в начале совместной жизни особых okazji не было. Хотя, если вспоминать выходки первого мужа, так там такие звоночки были, что только глухой не услышит. Но есть у некоторых женщин такая мантра: «Мы будем жить вместе, и он изменится» или «Я его смогу исправить». Так вот это все чушь собачья, никто не изменится и никого нельзя исправить, воспитывать взрослых людей – неблагодарное дело. Но, как говорится, главное – хоть в какой-то момент жизни понять это и разойтись, как в море корабли, и не мучить друг друга.

– Агнета, нам нужно с тобой серьезно поговорить, – выдернул меня из моих мыслей Саша.

Это фраза почему-то всегда меня пугала, обычно она несла с собой какие-то неприятные новости.

– О чем? – испуганно захлопала я глазами.

– Вчера, когда я вернулся домой, разговаривал с сыном. Он сказал, что от бабушки с дедушкой переезжать не собирается, – начал Саша.

Ну, не собирается, так не собирается, а при чем тут я.

– Я тебя не понимаю, Саша, – удивленно спросила я.

– Я не люблю никого обманывать. Я понимаю, что ты не съедешь из этого дома и не переедешь ко мне. Но и переехать к тебе я не могу, не могу бросить сына на своих родителей, его и так мать предала, а тут еще я окажусь предателем, – он замолчал и отвернулся.

– Саша, я все понимаю, но мы еще не настолько с тобой близко знакомы, чтобы жить вместе, – ответила удивленно я.

– Я пойму тебя, если ты не захочешь со мной встречаться, – ответил он и снова отвернулся.

– М-да, ты, случайно, любовных романов не объелся?

Разговор пахивал мыльной оперой сериалов с первого канала про любовную любовь.

– Я к тебе серьезно, а ты...

– И я серьезно, общаемся, встречаемся, узнаем, друг друга, зачем все усложнять, а там будет видно посмотреть.

– Ура!!! – заорал он и начал меня кружить по комнате.

– Ты с дуба, что ли, рухнул, отпусти меня сейчас же.

– Прости меня за этот разговор, но у меня бывшая жена была такая, чуть что, сразу в истерику, – ответил он и чмокнул меня как-то по-детски в губы.

– Во-первых, я не она, во-вторых, меня пока все устраивает, а в-третьих, я только что рассталась с бывшим мужем. Сегодня поставила жирную точку в отношениях.

У него снова затрезвонил телефон. Ну что же, у него такая работа. Он как-то изменился в лице.

– Там у Бугульчихи алконавты подрались, и вроде кто-то кого-то порезал. Поехал я, осмотрю все. Людей из облцентра дождусь, если с летальным исходом. Давай, родная, не скучай, – он чмокнул меня и унесся на свою работу.

Веселенькая, конечно, у нас деревня, то бабки подерутся, то кто-то поножовщину устроит, криминал сплошной. Хотя, наверно, везде так, я-то в городе в это особо не вникала.

Как замечательно все у меня складывается, появились новые знакомые и друзья, свое хозяйство и свой дом. Жизнь круто изменилась, но мне все происходящее безумно нравится, хоть и встречаются всякие нюансы в виде всяких Алешенок и Васьков. Сколько еще приключений меня ждет в будущем, неизвестно, а вот настоящее мне очень даже нравится.